

Юлия Риа

ИЗ СТАЛИ
И ПЛАМЕНИ

Магия, меняющая мир

Annotation

Люди и драконы уничтожают друг друга поколениями. И я была уверена, что, когда придет час, убью чудовище без колебаний. Однако все пошло не по плану. Отныне мы с драконом связаны. Я жива, лишь пока он рядом. Он не может отпустить меня, не исполнив клятвы. Боги затеяли хитрую игру, связав двух кровных врагов прочными узами. И будто бы этого мало, заставили нас испытывать то, что врагам не положено чувствовать друг к другу...

- [Юлия Риа](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Эпилог](#)
-

Юлия Риа

Из стали и пламени

© Ю. Риа, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Запах дыма защекотал нос. Я поморщилась, несколько раз моргнула, возвращая зрению четкость, увидела серый потолок над головой – и рывком села.

Что?.. Где я?

Судя по каменным стенам и низкому своду, в пещере.

В стороне, ближе к выходу, горит костер. Над ним котелок, черный от сажи. Подо мной шкуры северных волков; чуть позади меховая куртка, скрученная валиком. Кажется, ее использовали как подушку. Причем для меня. Грудь стянута повязками, левая нога зафиксирована двумя палками и туго перемотана. Осторожно, стараясь избежать ненужной боли, я ощупала ее и уверилась – кости вправлены.

Боги, что произошло? Откуда эти раны? Я ведь уходила из Ордена невредимой! А потом... потом...

В памяти замелькали обрывки недавних событий.

Горы. Снегопад, поваливший на декаду раньше срока. Злой ветер, царапающий лицо. И я, поднимающаяся все выше. Тяжелый дайгенор – оружие и гордость любого охотника – привычно оттягивал руку. Выбившиеся из косы волосы лезут в лицо. Наверное, из-за них я не сразу увидела дракона. А может, причиной всему метель. Не знаю. Наверняка скажу лишь одно: когда я наконец разглядела алый силуэт, нападать из засады было уже поздно – дракон тоже меня заметил.

Все, что случилось после, превратилось в набор смазанных образов. Я помню массивный спинной гребень и отливающие золотом когти. Помню, как пыталась, но никак не могла ранить проклятое чудовище, как нацелилась на брюхо, не защищенное роговой чешуей. И как отлетела назад, сбита с ног мощным хвостом. Последнее, что отпечаталось в памяти, – нестерпимая боль в ноге и мой крик.

А теперь я здесь, в пещере. Заботливо уложенная на шкуры и со вправленными костями. Но кто помог мне? Неужели...

Губы дрогнули в улыбке.

Да! Я знала, что братья из Ордена не бросят меня! Наверняка они и убили чудовище! Ух, правда, придется объясняться перед отцами,

почему я не сделала этого сама. Но, уверена, они поймут – никто из послушников не одолел бы алого дракона.

Шорох шагов заставил отвлечься от мыслей и повернуться ко входу. Пришел мужчина. Высокий, широкоплечий, с густыми каштановыми волосами, заплетенными в тугую косу. Из одежды лишь штаны грубого пошива, заправленные в сапоги, да жилетка на тонкой шнуровке.

Хм, не похоже на облачение охотника. Вольный наемник?

– Спасибо, что спас меня от чудовища, – поблагодарила я искренне, когда он приблизился. Вспомнила рассказы о наемниках и добавила: – Для меня будет честью вернуть долг жизни.

– От чудовища?

Тонкие губы искривились в холодной усмешке. Он опустил на корточки, ухватил меня за подбородок жесткими пальцами, потянул на себя.

Сердце дрогнуло.

Иначе! Охотники и наемники двигаются иначе! В их движениях нет этой неуловимой тягучести, когда даже молниеносное движение выглядит плавным.

– Посмотри мне в глаза, – приказал он. – Что ты видишь?

Все мое естество отказывалось подчиняться. Взгляд против воли скользнул вниз, к расстегнутой жилетке, и замер на глубоких порезах, пересекающих грудь. Еще свежих. Слишком знакомых, чтобы ошибиться. Такие рваные края может оставить лишь одно оружие. Дайгенор.

От внезапной догадки спина покрылась холодным потом.

– Посмотри на меня! – рявкнул незнакомец, и на этот раз я подчинилась.

Медленно подняла взгляд, отмечая волевой подбородок, хищные черты лица, прямой нос и... темно-зеленые глаза с вертикальными зрачками. Я дернулась, попыталась высвободиться из цепких пальцев. Однако стоило шевельнуться, как незнакомец с силой сжал мое левое бедро. По ноге молнией прострелила боль. Еще терпимая. Но стоит ему сместить ладонь на несколько сантиметров вниз, и боль станет невыносимой.

– Ты дракон? – несмотря на страх, дрожи в моем голосе не прозвучало.

– А что, много вариантов? Ну же, охотница, не разочаровывай меня. Ты ведь уже все поняла. Так почему спрашиваешь?

Я упрямо поджала губы.

– Что, думаешь, убью тебя? – Зеленые глаза насмешливо блеснули. – Поверь, хотел бы – давно бы уже это сделал.

– Тогда почему?

– Почему ты до сих пор жива?

Я кивнула.

– В отличие от вас, мы не убиваем невинных. – Поймав мой непонимающий взгляд, дракон пояснил: – Ты еще не окропила себя нашей кровью, – кивком головы он указал на мое плечо, виднеющееся через прореху на рубашке. – Охотникам ставят клеймо за каждого убитого дракона, верно?

Я снова кивнула. Он недобро прищурился.

– Что, не задалась первая охота?

Отпустив мою ногу, дракон поднялся и подошел к котелку. Зачерпнул из него что-то жестяной кружкой и, вернувшись, протянул мне.

– Пей, – приказал он коротко. – Иначе волью силой.

Я не пошевелилась, лишь проглат чудовище полным ненависти взглядом.

– Ты сама напросилась...

Снова присев рядом, он намотал мою косу на кулак, с силой дернул назад. Вскрикнув, я запрокинула голову – и едва не захлебнулась льющейся в рот жидкостью. Задержалась, попыталась высвободиться, но без толку. Дракон держал крепко.

– Пустое упрямство будет тебе дорого стоить, – холодно произнес он, отпуская мои волосы. – А теперь спи. Твоему телу нужны силы.

– Почему ты...

Договорить я не успела. Веки сомкнулись, я начала заваливаться набок, но прежде, чем отключиться, ощутила сильные мужские руки, удержавшие меня от падения.

Первое, что я ощутила, придя в себя, была слабость. Тело будто окаменело, руки казались неподъемными, даже веки и те поддались с трудом – приподнялись лишь наполовину. Я украдкой огляделась.

Дракон сидел ко мне вполоборота, обнаженный по пояс, – ноги скрещены, спина прямая. Света костра не хватало, чтобы разглядеть все; но то, что могла, я изучала со всей тщательностью. Отливающую золотом кожу, старые рубцы на спине, видимые жгуты вен, напряженные мышцы. Мощный, зараза. Одолеть такого будет непросто даже лучшим из охотников. А уж мне, раненой, – и вовсе невозможно. Проклятье!

От котелка, уже снятого с огня, поднимался густой пар. Чувствовался горьковатый запах незнакомых трав. Дракон тихо рыкнул, будто недовольный тем, что собирается сделать, запустил длинную деревянную ложку в котелок, выудил комок чего-то вязкого, темно-зеленого. Несильно отжал и приложил к рваной ране на груди. Новый рык – протяжнее и ниже первого – отозвался во мне мелкой дрожью. Только совсем не от страха.

Очень давно, еще в первый год служения Ордену, я сорвалась со скалы. Не слишком высокой, но все же достаточно опасной, чтобы при падении рассечь плоть до ребер. До сих пор с содроганием вспоминаю обеззараживающие примочки, тугие перевязки и мази. Казалось, каждое лекарское средство служило лишь одной цели – заставить меня заново прочувствовать глубину того разочарования, что охватило праведных отцов. А разочарованы они были безмерно. Еще бы! Я ведь обещала забраться на самый верх, а в итоге сорвалась, не достигнув даже середины.

Пальцы невольно дернулись и сжались в кулаки.

В тот день я пообещала, что больше никогда не подведу Орден. Стану достойной. И шесть кривых шрамов пониже груди стали молчаливым напоминанием о моей клятве.

Я снова посмотрела на спину дракона – широкую, мощную, со следами прошлого. Интересно, давал ли он похожие клятвы? Или, как дикий зверь, лишь следует инстинктам?

– У тебя тяжелый взгляд, охотница, – бросил он, не поворачивая головы. – С таким ты никогда не нападешь из тени.

В первую секунду я растерялась. Мне казалось, дракон не заметил моего интереса. Но уже в следующую взяла себя в руки: широко

открыла глаза и посмотрела не прячась.

– Чего ты хочешь от меня?

Вопрос заставил его хмыкнуть, отложить ложку и повернуться.

– Чтобы ты выжила.

– Зачем?

– Чтобы вернулась к своим и рассказала о нас: что мы не звери, как вы привыкли считать. Что если на нас не нападать, мы не станем убивать в ответ. Что нам не чуждо милосердие.

– Пытаешься меня задурить? Думаешь, я поверю твоим словам, чудовище?

– Не словам – действиям.

Поднявшись, он достал из котелка еще один комок непонятной зелени и, роняя на пол пахучие капли, зашагал ко мне. Я дернулась. Попыталась сесть, но слабые руки не дали опереться на них и отползти.

– Чудовища не помогают людям, – процедила сквозь зубы.

– Верно. И я докажу тебе, что драконы – не те, кем вы привыкли нас считать.

Вместе с последним словом он прижал к моей ноге горячий влажный ком. Кожу обожгло. Причем так сильно, что сдержать крик не вышло. Инстинктивно я ухватилась за дракона непослушными пальцами, подалась вперед. А он, что удивительно, не оттолкнул. Напротив, обхватил меня поперек спины, притянул ближе, давая опору, и помог пережить момент слабости.

– Теперь выдыхай, охотница.

Он опустил меня обратно на шкуры и отошел. Я проследила взглядом за его рукой, дернувшейся к ранам на груди.

Дайгенор – опасное оружие. Опаснее меча или лука. Оно не просто травмирует тело – оно отравляет его. Лезвие дайгенора обрабатывают заговоренным настоем шесть полных лун подряд. И старинный рецепт знают только праведные отцы.

Однажды – больше по глупости – я сцепилась с Айкиром, братом по Ордену. До сих не знаю, совпало так или Айкир все подстроил, но рукоять моего дайгенора надломилась. Я едва успела отвести его в сторону – лезвие лишь краем скользнуло по голени. Не сделай я этого, лишилась бы ноги, а так отделалась всего тремя неделями в лекарском крыле. Тогда же я узнала, каково это – когда закипает кровь в

оставленной дайгенором ране. И сейчас, разглядывая рваные края порезов на груди дракона, будто заново переживала дни после схватки с Айкиром.

– Корни хладовой травы, – произнесла я быстро, опасаясь, что, если замешкаюсь хоть на секунду, то передумаю. – Завари их с корой калины, остуди и...

– О, надо же, охотница делится со мной рецептами снадобий, – дракон насмешливо скривился. – Не стоит. Ваши средства бессильны против нашей крови.

Не сводя с меня взгляда, он коснулся открытых ран, намочил пальцы в собственной крови и встряхнул рукой, роняя тяжелые капли на пол. Камни, на которые они упали, зашипели. В воздухе запахло серой.

– А это? – я кивком указала на зеленые разводы на смуглой коже.

– А это наши снадобья, охотница. И их рецептами я делиться не стану. Спи.

Будто следуя этому приказу, веки налились тяжестью. Пришлось мотнуть головой, чтобы прогнать сонливость. Затем я снова посмотрела дракону в глаза.

– Чего ты хочешь на самом деле?

– Я уже сказал. К утру метель успокоится, и ты отправишься к своим. До тех пор нам придется терпеть общество друг друга. Но не бойся – я не наврежу тебе. Ты покинешь эти горы в целости, клянусь Первопредком.

– Я не знаю, кто это, – нахмурилась растерянно.

– Нестрашно. Достаточно того, что знаю я.

* * *

Несмотря на уверенность дракона, метель не утихла ни к утру, ни к следующей ночи. Наоборот, лишь набирала силу. Как и жар, лижущий мое тело. Поначалу я не обратила на него внимания: списывала то на слабость, то на близость костра. Но к вечеру стало понятно: это лихорадка.

Дракон покидал пещеру дважды. В первый раз он ушел утром, чтобы через несколько часов вернуться с тушей горного алькарда.

Увидев добычу, я не сумела скрыть удивления. Да и как иначе? Трудно сохранить невозмутимость, когда в нескольких шагах от тебя бросают на пол огромное серо-голубое тело с тонкими полосками на шкуре. Мощные витые рога загибались назад, словно крендели, раздвоенные копыта отливали серебром. Именно из-за них алькардов еще называют серебряными арисами.

Шкуру с алькарда дракон содрал всего в несколько движений, чем вновь удивил меня. При этом – готова поклясться – он едва сдерживал самодовольную улыбку! Но ни один из нас не проронил ни слова. О чем думал дракон, не знаю. Я же не могла заставить себя смотреть на что-то, кроме него. Взгляд словно приклеился к сильному мужскому телу. Раз за разом возвращался к ранам от дайгенора, виднеющимся сквозь распахнутую жилетку; скользил вдоль рук со жгутами вен, очерчивал контур лица.

Как же так вышло, что никто в Ордене не знает о способности драконов менять облик? И почему никто из чудовищ не попытался выйти на общение раньше? Или...

Пугающая мысль вонзилась в меня иглой.

Или дракон со мной играет?

Кот Мадека – одного из старейших отцов Ордена – тоже всегда забавляется с мышами, прежде чем задушить их. Я сама видела с полдюжины раз. Правда, вмешаться посмела лишь единожды, и за это провела ночь в яме с крысами. Тремя. Иххватило, чтобы не давать мне сомкнуть глаз: приходилось отбиваться от наглых созданий до самого рассвета. Урок я усвоила и больше никогда не мешала любимцу Мадека играть с добычей.

Сейчас же я вдруг почувствовала себя той самой мышью, угодившей в лапы к коту. Что будет, когда он наиграется?

Беспокойство крепло от часа к часу. Вместе с ним креп жар. Мысли становились ленивыми и неповоротливыми, как старая кухарка Найра, хорошо готовящая лишь тушеную картошку. Удивительно, но, несмотря на то что последний раз я ела еще в Ордене, голода не было. Даже воспоминания о стряпне Найры не раздражили аппетита. И когда дракон, разделив тушу алькарда, кинул несколько крупных кусков на горячий от огня камень, я не ощутила ни капли интереса. Только продолжила следить за драконом.

Сам он тоже часто поглядывал на меня. Причем с каждым разом хмурился все сильнее. Когда он поднялся и, ничего не говоря, покинул пещеру, я не испугалась. Хотя, пожалуй, стоило бы. Однако жар будто выжег из меня не только силы и голод, но даже страх.

Я проводила дракона мутнеющим взглядом, отвернувшись и ненадолго прикрыла глаза. По крайней мере, так мне показалось... В себя я пришла от громкого треска ткани. Дернулась, вырываясь из марева темноты, и повернулась на звук.

Дракон был здесь. Не знаю, куда он уходил и когда вернулся, но сейчас сидел на корточках у моей ноги. Судя по ощущениям, штанину он порвал. словно в подтверждение моей догадки, ноги коснулись чужие пальцы. Несильно сжали. Скользнули выше, надавили... и тут же исчезли, стоило мне закричать. От внезапной боли я на миг ослепла. А когда пришла в себя, то подавилась воздухом, потому что там, где еще недавно были пальцы дракона, теперь меня касались его жесткие горячие губы.

– Что... что ты делаешь? Прекрати...

Мой голос прозвучал слабо, жалко. Но, к счастью, настаивать не пришлось – дракон отстранился, сплюнул и вытер рот тыльной стороной ладони.

– Твоя кровь горит. Если за ночь тело не сможет успокоить ее... – он не договорил.

Я криво дернула уголком рта, без слов понимая все, что не было озвучено: если к утру жар не спадет, я умру. В груди похолодело.

Охотников с первых дней учат, что наш век недолог. И мне казалось, я давно смирилась с судьбой. Но сейчас, лежа на полу пещеры посреди Пайтенских гор, поняла, что не готова умирать. Случись это еще сутки назад – в бою, с зажатым в руке дайгенором, – я бы не побоялась. А вот так – медленно, неотвратимо, угасая, точно огарок свечи, – не хочу.

– Тогда в нашем поединке дракона и человека победа останется за тобой, – несмотря на страх, мой голос прозвучал твердо, как и подобает истинной дочери Ордена.

Дракона такая стойкость разозлила. Он наклонился, впился в меня взглядом, словно иглами, и процедил:

– Что, охотница, собственная жизнь ничего для тебя не значит, раз так спокойно говоришь о смерти? Или в вашем Ордене учат именно

этому – покорно принимать судьбу?

– Горячку крови не вылечить. Если боги будут милостивы, мое тело само ее погасит; если нет – значит, мой срок настал. Или что, у чудовищ есть зелья, творящие чудеса? – спросила я, не пряча издевки.

Гнев дракона вызвал во мне ответную ярость. Зачем он заставляет меня озвучивать прописные истины? Чтобы напомнить о скорой кончине? Или хочет подарить пустую надежду, а потом потешаться, наблюдая, как я цепляюсь за нее? Не выйдет. Пусть я не прошла новое рождение, но по духу я охотница. И если пришел мой час, я встречу его как подобает. С честью.

Дракон не ответил. Рыкнул, опаляя дыханием кожу, и одним плавным движением поднялся.

– Моли своих богов о помощи, охотница. И если они тебя услышат, ты никогда не узнаешь, какими могут быть зелья чудовищ.

Глава 2

Боги отвернулись от меня. Я поняла это ближе к ночи, когда почти ослепла от жара. Взор размылся, окружающий мир превратился в пятно смазанных красок. И только тени от костра оставались четкими. Они шевелились, подбирались ко мне, словно дикие звери, замирали перед прыжком. И вместе с ними замирала я. Дух охотницы требовал действий; слабое, налившееся тяжестью тело – покоя. Противоречия выматывали почти так же сильно, как и жар.

Пропитавшаяся потом одежда липла к коже. Хотелось содрать ее, остаться почти нагой под редкими порывами ветра, задувающими в пещеру. Под ними становилось легче, пусть и ненадолго.

Несколько раз я проваливалась в беспамятство. Выныривала из него, точно из болотной топи, и увязала вновь. Иногда, очнувшись, я чувствовала прикосновения дракона – он что-то прикладывал к моей ноге, чем-то смачивал лоб. Дважды снова прижимался ртом к ране и сплевывал отравленную жаром кровь.

В себя я пришла в предрассветных сумерках. Очнулась и вдруг поняла: это последнее пробуждение. Как у погибающей птицы, которая находит силы встрепенуться еще лишь раз. И, кажется, дракон тоже это понял.

Он сидел рядом. Смотрел на меня пристально, почти не моргая, и хмурился.

– Твои боги оказались глухи, охотница, – заметил он, стоило нашим взглядам встретиться. – Но мои все слышат.

– Ты молился за меня? – я тихо усмехнулась.

Пусть сил во мне, как в той птице, осталось лишь на рывок, но я взлечу. В последний раз. И дракон не увидит моего страха перед падением.

– Нет. Но я поклялся Первопредку, что ты вернешься к своим.

– Что ж, значит, ты поспешил.

Дракон оскалился. Пальцы на его руке вдруг стали удлиняться и утолщаться, наливаясь темным золотом. В тусклом свете костра блеснули когти. Их движение вышло стремительным: словно золотая молния сорвалась и исчезла, оставляя после себя ощутимый запах.

Только не свежести, а драконьей крови. Оскал дракона стал шире – как у хищника, готовящегося к нападению.

И оно последовало.

Я не успела ни дернуться, ни уклониться, когда он резко вскинул руку и прижал кровоточащий порез к моим губам. Зеленые глаза полыхнули алым, и все во мне оборвалось. Я была готова умереть от жара. Была готова к тому, что дракон раздерет когтями мое горло. Но не к тому, что он решит отравить меня своей кровью.

В памяти взметнулись цветные образы. Наша с драконом схватка, мой удар дайгенором по мощной груди; брызги крови на кожаном доспехе, и шипение, с которым тот начал сгорать. Пришлось быстро скидывать его, а самой кувырком уходить от атаки. Вспомнилось, как задымились камни от попавших на них капель, а в воздухе запахло серой. И когда драконья кровь хлынула мне в рот, боюсь, я не сумела скрыть ужаса во взгляде.

* * *

Сначала вернулось ощущение жара, за ним пришло чувство тяжести. Никогда прежде собственное тело не казалось мне таким неподъемным. Я попыталась шевельнуть рукой – не вышло. Попыталась сжать пальцы в кулак или хотя бы открыть глаза – без толку.

Неужели забвение именно такое? Вечность в неопределенности, в неспособности даже увидеть, что творится вокруг. Тысячи дней лежать и не знать, как изменился мир после твоей смерти. Только вслушиваться в звуки, пытаюсь по ним догадаться, что происходит. Вот сейчас я отчетливо различала треск костра, приглушенный шорох каменной крошки, шаги...

– Просыпайся, охотница, – низкий, чуть рычащий голос прозвучал пугающе близко.

Инстинкты вздыбились, словно шерсть у кота на загривке. Дракон! Дракон рядом! А я лежу перед ним беззащитная, как ягненок!

– Ну же, охотница, хватит изображать немошь! Неужели в твоём Ордене все такие неженки?

Насмешка стеганула вожжой. В груди полыхнуло, челюсти свело. Окажись сейчас меж ними кусок выделанной кожи – не вырвешь.

– Может, стоит наведаться туда и проверить?

В Орден? Где десятки необученных послушников? Мои братья и сестры?

Мысли еще летели, одна сменяя другую, а в груди уже родился рык. Пусть не такой низкий, как у дракона, но сильный, неистовый. Я потянулась навстречу – дракону, моей ярости, желанию защитить своих. Веки на мгновение сжались – и поднялись.

– Не смей!

– Наконец-то. Долго же пришлось тебя будить, – недовольно заметил дракон и развернулся к костру. – Ты даже слабее, чем я думал.

Все во мне натянулось, как тетива. Я уставилась в широкую спину, готовая спустить стрелу ненависти, но замерла, увидев повязку на его руке. С трудом повернув голову, отыскала взглядом камни с выжженными неровными углублениями – местами, куда упали капли драконьей крови. Потом осторожно облизнула губы. Соленые.

– Почему я жива?

Дракон посмотрел на меня искоса, однако отвечать не стал. Взял жареного алькарда, оторвал небольшой кусок и вернулся.

– Ешь, – приказал коротко, прижимая мясо к моему рту. – Если сил жевать нет – скажи, я помогу.

Я скрипнула зубами. Он издевается?

Не сводя яростного взгляда, я вцепилась зубами в мясо и пусть с усилием, но принялась жевать сама. Дракон криво ухмыльнулся. Вернулся к костру, опустился в метре от него и уставился в огонь.

Минуты на две пещеру окутала тишина. Потом дракон заговорил:

– Люди не умеют контролировать свою кровь. Вы тратите ее в битвах, проливаете, принося клятвы, и платите ею за ошибки. Но при этом не можете вытравить из нее болезнь. Нам же это под силу. Пока я контролирую свою кровь в тебе, ты не умрешь.

Сказанное мне не понравилось. Осознание, что теперь моя жизнь зависит от дракона, – тем более.

– И что теперь? – спросила я, с трудом проглотив плохо прожеванный кусок.

– Дождемся, когда метель успокоится. Потом отправимся в Северные Гнезда. Наше поселение, – пояснил дракон, стоило мне

нахмуриться. – Гррахара – старейшая из нас – сумеет тебе помочь.

– Но... ты же сказал...

– Что ты жива, пока моя кровь в тебе. Но чтобы контролировать ее, я должен быть рядом. Если уйдешь к своим, я утрачу контроль, и ты умрешь. Сгоришь изнутри.

Дракон говорил о жаре, но меня от его слов сковало изморозью.

– Поэтому нам нужна Гррахара. Когда мы окажемся в Северных Гнездах, я вытравлю из тебя свою кровь, а Гррахара вылечит твою.

– И ты так легко согласишься человеку в поселение драконов? Охотницу?

В ответ кривая ухмылка.

– На этот счет не переживай: покинув Северные Гнезда, ты не отыщешь дороги обратно. И привести других охотников не сможешь. Мы не убиваем без нужды, но и поставлять шею под ваши дайгеноры не станем. А сейчас поспи, охотница. Твоему телу нужно привыкнуть к драконьей крови.

Я нашла в себе силы кивнуть. Несколько секунд не сводила с дракона взгляда, обдумывая все, что он для меня сделал. И решилась.

– Кинара, – выдохнула тихо. – Меня зовут Кинара.

Темные брови едва заметно изогнулись, выдавая удивление дракона. Однако уголки губ приподнялись в намеке на улыбку.

– Спи, Кинара, – произнес он так же тихо.

И я действительно заснула.

* * *

Метель не успокаивалась еще два дня. Лишь на третий плотная пелена снежной завесы рассеялась, уступив место чистому небу. За это время мы почти прикончили алькарда. По большей части ел дракон. Ко мне аппетит возвращался очень неохотно. Только колкие замечания да напоминания о слабости могли заставить меня есть. И дракон нагло этим пользовался.

Он так и не назвал своего имени. Ко мне же обращался то Кинара, то охотница, будто не мог определиться: относиться ко мне как к члену Ордена, истребляющего его вид, или как к человеку, с которым оказался связан. Я часто ловила на себе его задумчивые взгляды.

Видела хмуро сведенные брови, подмечала напряженные позы. Он никогда не садился ко мне спиной, чаще вполоборота. И одна часть меня ликовала, видя в этом признание – дракон опасается меня, чувствует угрозу! Но другая терзалась сомнениями.

С первого часа пребывания в Ордене нам неустанно повторяют основные истины: драконы – чудовища, не знающие жалости. Они кровожадны и яростны. Убивая их, мы оберегаем покой жителей Равьенской империи. Но сейчас, в этой пещере, я вижу не чудовище, а живое создание, которому не чужды другие эмоции помимо ярости. Того, кто может быть заботливым, верит во что-то и чтит принесенные клятвы.

А еще я вижу мужчину. Сильного, опасного, со внутренней мощью, которую невозможно не почувствовать. Будь он человеком, любая из женщин была бы счастлива пойти за него, родить ему крепких сыновей, готовить ужин и согревать постель.

Может, поэтому нам не рассказывают, что драконы могут менять обличье? Чтобы не сбивать молодняк с пути? Пусть охотниц в Ордене немного – чаще праведные отцы выбирают сыновей, – но мы есть. Хватит одной инакомыслящей, чтобы выбить камень в основании нашей веры.

Дракон фыркнул. Поймал мой хмурый взгляд и насмешливо качнул головой.

Я прищурилась.

– Что тебя так развеселило? – спросила требовательно.

– Ты, охотница. Громко думаешь.

На секунду я оторопела.

Драконы могут слышать мысли? И теперь он знает, что я... что я... оценивала его как мужчину?!

Стыд прокатился по телу обжигающей волной. Я вскинулась, невольно схватила тонкую ветку из тех, что были принесены для костра, и подалась вперед. Но дракон, будь он проклят, даже не напрягся! Сидел все так же расслабленно: ноги скрещены, колени разведены, плечи опущены. И взгляд... насмешливый, потешающийся.

– Я решил, ты думаешь о своем Ордене. Но, судя по реакции, в твоей голове блуждают совсем другие мысли. Расскажешь какие?

– Не твое дело, дракон.

Я раздраженно откинула ветку в костер. Пламя полыхнуло, выплунуло в воздух сноп алых искр и затрещало, пожирая сухую кору. Жар от костра лизнул мои без того горящие щеки.

Меня не готовили к такому. Убивать чудовищ? Да. Быть готовой самой пасть в бою? Снова да. А вот оказаться связанной кровью с одним из них, делить ночлег и еду... Нет, к такому я не готова. Возможно, окажись дракон женщиной, было бы проще. Но он мужчина – не брат по оружию, не наставляющий отец, а незнакомец. Чужак. И одно то, что он заставляет меня думать обо всяких глупостях вроде сыновей и постели, усложняет все.

В Ордене закаляют наши тело и дух. Учат контролировать плотские порывы, хотя и не возбраняют им следовать, если это не мешает выполнению долга. По крайней мере, мужчинам. Каждый из братьев несколько раз в луну уходит в город и возвращается лишь со следующим рассветом. Отцы с пониманием относятся к желаниям своих сыновей.

С дочерьми они держатся строже, опасаясь, что, раз уйдя, мы не вернемся. И сколько бы мы ни уверяли, что никогда не променяем дайгенор на кухонный нож, нас не слышат. Нет, силой не держат – все же служение Ордену должно идти от сердца, – но перед каждым выходом охотницы в город у нее забирают оружие, оставляют лишь горсть медяшек и заставляют выпить густой отвар из поземника. Вкус у него преотвратный: горький, вяжущий, тягучий. Но сестры всегда соглашались. Еще бы! Ни одна не хочет затяжелеть и лишиться дайгенора.

Я же, как не прошедшая новое рождение, в городе не бывала. Но, по правде сказать, никогда особо и не рвалась – тренировки с дайгенором интересовали меня куда больше, чем ночные похождения. В какой-то момент я даже решила, что боги благословили меня на безразличие к мужчинам. Теперь же поняла, как ошибалась.

Поначалу я была уверена, что не свожу с дракона взгляда, потому что он чудовище, враг, и следить за ним – первейшее правило охотницы. Но дракон спас меня, доказал, что не несет угрозы. А значит, и следить за ним не надо. По крайней мере, так рьяно. Однако взгляд будто прилип к мощной фигуре.

Я просто не могу перестать его рассматривать! Не могу не подмечать, как светится смуглая кожа в отблесках костра. Как

напрягаются мышцы на руках, когда дракон скручивает и ломает толстые ветки. Как длинная коса, украшенная мелкими цветными камешками, тяжело спадает на пол, если дракон наклоняется низко-низко. В такие моменты все во мне замирает. Натягивается до звона, как струна, и будто чего-то ждет.

Проклятье!

Я не сдержала тихого рыка, схватила другую ветку и принялась тыкать ею в костер, вороша угли.

– Здесь достаточно тепла, – заметил дракон, не сводя с меня пристального взгляда.

Я зыркнула в ответ, но тут же отвернулась. Сейчас я не готова играть в гляделки с драконом.

– Тебе, может, и хватает. Мне – нет.

– Не ври, маленькая охотница.

Тихая усмешка заставила вскинуться и все-таки встретиться с ним взглядом. В глубине зеленых глаз плясали искры – то ли отблески костра, то ли пламя самого дракона.

– В тебе моя кровь, с ней не замерзнешь. И завтра, когда мы отправимся в Северные Гнезда, тебе не будет холодно.

Я недоверчиво прищурилась. Что-то мне не понравилось в его словах. Но что именно?

Ответ я получила уже на рассвете.

Затушив костер, дракон собрал вещи, скрутил шкуры в тугой узел, сдвинул один из камней у дальней стены и запрятал все в небольшое углубление. Потом вернул камень на место.

Я следила за его действиями и чувствовала, как в груди разливается разочарование. За минувшие дни ведь ни разу не задумалась, откуда здесь котелок, шкуры, несколько грубо вырезанных мисок... А еще охотница! Если бы сейчас кто из отцов меня увидел – отвернулся бы.

Дракон будто что-то почувствовал. На секунду остановился, кинул на меня беглый взгляд и зашагал к выходу.

– Ты умирала, Кинара, – заметил он, не поворачивая головы. – В таком состоянии мало кто отличается наблюдательностью. Не изводи себя пустыми укорами.

В два спешных шага я нагнала его и пристроилась по левую руку.

– Снова подслушиваешь мои мысли?

– Может, и так, – он улыбнулся. – А может, у тебя слишком живая мимика.

Мы вышли из пещеры.

Ночь почти истаяла, уступив место серости. Большинство звезд погасло, но горсть самых ярких еще мерцала на небосводе драгоценными камнями. Под их светом снег искрился холодным отблеском.

– Вон там ровно, – дракон жестом указал правее. – Ты должна лечь на спину в центре той площадки.

– Зачем?

– Чтобы мне было удобнее тебя взять. Ты же не думаешь, что мы отправимся в Северные Гнезда пешком?

На секунду я оторопела. Отступила на шаг, чтобы лучше видеть лицо дракона, и неверяще на него уставилась. Он это серьезно?! Хочет, чтобы я, охотница Ордена праведных, полетела? На нем?!

– Ну же, Кинара, смелее. Бояться нечего.

– Это не страх, дракон, а разумная осторожность.

Мой ответ его развеселил.

– Обещаю, что не уроню. Охотниц я не носил, но с коровами проблем не возникало. Все оставались довольны.

– Коровы тебе сами об этом сказали?

Я недовольно дернула плечом и зашагала в нужную сторону. Полететь на драконе? Легко! И вовсе я не боюсь! Вряд ли это страшнее, чем подъем по отвесной скале.

Оказавшись на месте, я легла на спину. Снег с хрустом смялся под моим весом, мягко принял в свои объятия. Удивительно, но холодно не было. Я лежала, зарываясь пальцами в белоснежную крошку, и не ощущала ни стылых покалываний, ни сковывающего мороза. Ничего. Интересно, об этом ли говорил дракон?

Я подняла ладонь и уставилась на белую кожу. Если порезать палец и капнуть кровью на снег – что будет? Растает ли он, как от драконьей крови? Или лишь напитается цветом? А может, никакой особой магии нет? И дракон просто обманул меня, а я, как деревенская дурочка, поверила на слово? Тогда, получается, никакой связи нет... Я могу сбежать.

Однако додумать я не успела. Низкий, протяжный рев заставил вздрогнуть и посмотреть вверх – на гигантскую тень, что

стремительно приближалась. Мощные крылья хлопали, создав ветер и сбивая им верхний слой пухляка. Толстые когти отливали золотом в рассветных лучах. Огромная лапища опустилась поперек моего тела, придавила на мгновение, глубже погружая в снег, и рывком дернула вверх. Когти, щелкнув, сомкнулись. Сильные, покрытые чешуей пальцы сжались крепче, чтобы не выронить ношу – меня.

Каждый взмах крыльев ощущался упругим толчком. Видела я мало: мощную шею дракона и стремительно светлеющее небо. Повернуться не получалось, да и, признаться честно, не хотелось. Я замерла, словно статуя, только сердце гулко билось в груди. Даже сквозь рев ветра я отчетливо различала его удары, слышала шум крови в ушах.

Холодный воздух забирался под одежду, трепал волосы, ударяя ими по лицу. Проклятье! Надо было крепче затянуть ремешок на косе! Будто подслушав мои мысли, ветер сорвал с волос завязку. Рыжие пряди взметнулись точно пламя, застлали взор. Пришлось перестать изображать статую и несколько раз мотнуть головой, сбивая их с лица.

Зря я пошевелилась, ой, зря! Когда взгляд случайно упал вниз, я едва сдержалась, чтобы не завизжать. Горы остались далеко внизу. Причем так далеко, что, если вдруг дракон разожмет лапу, падать я буду долго. Стоило только представить, каково это, и меня затошнило. Я мысленно взмолилась, чтобы Северные Гнезда оказались где-нибудь поблизости, и путь до них занял бы не больше часа. Но нет. Мы летели почти день. Целый световой день в напряжении, немом страхе перед высотой и собственной беззащитностью!

Когда дракон резко ушел в пике, я не закричала – сжалась так, что свело мышцы, зажмурилась до боли. Даже дышать перестала! Упругий толчок, мягкое скольжение меж пиками скал и... падение.

Я пролетела совсем немного, даже испугаться не успела. По крайней мере, не сильнее, чем раньше. Снег смягчил удар, взлетел холодным пухом и укутал меня почти с головой. Я осторожно ощупала себя, уверяясь, что в порядке, медленно села. По правде говоря, хотелось тут же вскочить, предстать перед драконами истинной дочерью праведных, несокрушимой охотницей!.. Но тело слушалось плохо. Мышцы ныли, шея казалась свинцовой, проклятые волосы лезли в лицо.

– Рроак Нейдр ках Ольдрайк! – раздался чей-то недовольный голос.

Я обернулась и увидела невысокую крепкую женщину с седыми косами, перетянутыми ремешками. Несмотря на холод, на ней была лишь меховая жилетка со стоячим воротником да темно-синее платье из плотной ткани.

– Рроак Нейдр ках Ольдрайк! – недовольно повторила незнакомка, наступая на дракона, принесшего меня. – Потрудись-ка объяснить, с какой это стати ты притащил сюда человека? Да еще и деву! Взыграла память крови?

– И я рад тебя видеть, Гррахара, – улыбнулся дракон.

Не обращая внимания на недовольство, он приблизился и заключил ее в крепкие объятия. Потом тихо – так тихо, что я едва разобрала, – произнес:

– Она охотница, Гррахи. И она нужна нам.

Глава 3

Услышанное мне не понравилось, заставило отодвинуться от драконов. Бежать глупо – сейчас, в их землях, да еще и безоружная, я неспособна дать отпор. Но и скрыть желание оказаться хоть немного дальше, я не смогла.

Гррахара смерила меня внимательным взглядом. Вытянутые зрачки на миг расширились, став почти круглыми, потом вновь сжались в нитку. На лице застыло удивление.

– В ней твоя кровь, Рроак.

– Да. Давай я отведу Кинару в дом, а потом мы с тобой обо всем поговорим.

Стоило ему назвать меня по имени, и удивление Гррахары стало еще заметнее. Секунды три она всматривалась в лицо Рроака, потом кивнула:

– Я буду ждать. Но прежде, чем ты придешь, советую встретиться с парящими. Тебя долго не было, пошли слухи... Успокой свой народ.

– Конечно.

Рроак повернулся ко мне. В несколько шагов оказался рядом и протянул руку. Вот так просто. Будто равной.

Успокой свой народ...

Я задрала голову, встречая его взгляд. Увидела едва заметный кивок и, доверившись, вложила пальцы в широкую ладонь. Поднялась плавным движением и зашагала рядом. Несмотря на ломоту в мышцах, спину держала прямо. Я охотница! Ни один дракон не увидит моей слабости! Никогда! Ни один... кроме Рроака.

Он вел меня по узким улочкам, больше похожим на козьи тропы. Шел неспешно, явно давая осмотреться, и я беззастенчиво пользовалась выпавшим шансом.

Северные Гнезда поразили. Это оказался и не город, и не деревня – нечто среднее, удивительным образом приютившееся на ровных площадках между пиками скал. От одной к другой вершине изогнутыми луками протянулись каменные мосты, в небо устремились серые башни, широкими языками над ущельями зависли уступы для приземления ящеров. Дома были добротные, двух- и трехэтажные.

Цветные покатые крыши, как пояснил Рроак, позволяли драконам увидеть Северные Гнезда издалека.

Вдоль улиц выстроились столбы с массивными чашами наверху. В каждой горел огонь, разгоняя вечерний сумрак. И если посмотреть вдаль, ряд столбов превращался в алую ленту, освещающую все уголки поселения.

Мы миновали три гнутых моста, пропетляли по узким улочкам и оказались перед огромным зданием: не дворец, но и не просто дом. Массивное, оно будторосло одним боком в скалу, протянулось вдоль нее вверх, разветвилось толстыми башнями и открылось широкими балконами-террасами. На стенах едва заметно мерцала вязь незнакомых символов. Шпили венчали чаши, похожие на уличные, но более изящные. И в них тоже горел огонь.

Я остановилась. Замерла как вкопанная и разглядывала, разглядывала, разглядывала. Даже боль в шее почти не ощущалась – настолько меня захватила красота драконьего города.

– Впечатляет?

Рроак встал рядом.

– Невероятно! Как вы смогли построить... такое? – Я восторженно взмахнула руками, не в силах подобрать слов.

– Мы все же драконы, Кинара. И можем больше, чем люди. Пошли.

– Туда?

Рроак тихо хмыкнул.

– Нет. В чертог тебе нельзя. Эту ночь проведешь в моем доме, а завтра решим, как лучше поступить.

Я повернулась к Рроаку и встретила его внимательный взгляд. Дракон будто готовился отбиваться от моих возражений или возмущения. Но я лишь пожала плечами. Провести ночь в его доме? Легко. Мы уже делили ночлег. И пусть по людским понятиям это неприлично, здесь чужая земля. И чужие порядки. Если Рроак решил привести меня к себе – значит, на то есть причины.

– Хорошо. В какую сторону идти?

Он снова усмехнулся и зашагал правее. Я двинулась следом.

Мы отделились от чертога улицы на три, остановились у большого дома, тоже одной стеной вросшего в скалу. Рроак в два шага взлетел на крыльцо и гостеприимно распахнул дверь.

– Вы не запираете жилища?

– Нет. Зачем бы? Дракон никогда не украдет у другого дракона. Проходи.

Внутри оказалось уютно. Почему-то, глядя на горы и камень вокруг, я думала, что и убранство будет таким же серым, колючим. Но я ошиблась. Стоило переступить порог, и нос защекотало ароматами дерева, меха, теплой кожи, пряностей.

Коридора здесь не оказалось – мы попали сразу в гостиную. Просторную, если не сказать огромную, комнату освещало несколько ламп. Причем не привычных масляных, а диковинных – с языками пламени, пляшущими под граненым стеклом. Два больших дивана стояли друг напротив друга, между ними вытянулся деревянный стол на низких ножках. В стороне замерли шкаф с реечными дверцами и внушительных размеров сундук. У камина, в котором Рроак уже разжигал огонь, приютились кресла.

– Пойдем, покажу, где можно помыться. Переоденешься пока в мои вещи, а к завтрашнему утру, уверен, Гррахи пришлет кого-нибудь с платьем, – распорядился Рроак, когда поленья занялись.

Я кивнула и без лишних вопросов двинулась за хозяином дома на второй этаж. Душу терзали сомнения. Почему он так любезен с охотницей? Ради чего? Просто доказать, что драконы не чудовища, как мы привыкли считать? Или его планы хитрее?

Не хотелось думать, что я по глупости попала в расставленную ловушку, но и отрицать очевидное глупо. Я здесь, в поселении драконов, связана кровью с одним из них. Наивно полагать, что это черед случайностей. Да еще та фраза, сказанная Гррахаре... Что же ты задумал на самом деле, дракон?

* * *

Умывальня дракона нашлась в конце коридора. Большая, добротная, с лоханью – такой огромной, что в ней легко могли поместиться два человека; с круглым зеркалом, длинной лавкой и узким шкафом.

– Мыльная паста, зубной порошок, настой мяты, полотенце, сменная одежда... – На каждую вещь Рроак указывал жестом.

Последней его внимания удостоилась металлическая цепочка, свисающая с потолка над лоханью. – Вода. Дерни раз – польется. Дерни два раза – остановится.

Я опасливо приблизилась к цепочке. Посмотрела на нее. Бросила недоверчивый взгляд на Рроака.

– Это драконья магия?

– Не совсем. Скорее драконья любовь к удобству.

Он усмехнулся и вышел. Я снова огляделась. Подошла к двери, задвинула засов. Отогнала мысль, что при желании Рроак вынесет эту деревяшку одним ударом. Скинула грязную одежду и, забравшись в лохань, мужественно потянула за цепочку. Тут же с потолка полилась вода: не сплошным потоком, как водопад, а струями, будто ливень. В первую секунду я настороженно замерла, но быстро расслабилась. Когда сестры поливают голову из ковша выходит хуже – выплескивается сразу много и брызжет во все стороны, а так получается аккуратно. Даже жаль, что в Ордене до такого не додумались.

Я купалась долго. Вымылась до скрипа, аккуратно стерла размокшие корочки, образовавшиеся на месте порезов, – с драконьей кровью они заросли всего за ночь – и выбралась из лохани. Чистые вещи, сложенные стопкой, нашлись на краю лавки. Я взяла светло-серую рубаху, поднесла ее к лицу и замерла, ощутив запах мыла, ветра и дыма – самого Рроака. Интересно, я тоже запахну им, если надену его вещь?

Мысль отчего-то взволновала. А следом за волнением пришла злость.

Да что с тобой, Кинара?! Успела поддаться драконьим чарам? Забыла долг охотницы и принесенные клятвы?

Нет. Не забыла.

Рроак – дракон, враг. И я не стану видеть в нем никого иного.

Кивнула, утверждаясь в этих мыслях, и принялась одеваться.

Рубаха оказалась мне по колено. Влажные волосы я кое-как разобрала пальцами и оставила распущенными. Вернув баночки на место и сложив грязную одежду стопкой в углу комнаты – чинить и чистить ее сейчас не было ни сил, ни желания, – я вернулась в спальню. Села на кровать, прислушалась... Тихо.

Инстинкты охотницы не давали расслабиться. Остаться в доме врага безоружной, почти нагой – стыд и позор для любой дочери Ордена! Не выдержав, я поднялась и на цыпочках вышла в коридор. Снова прислушалась. Глянула вниз – на щели между полом и дверьми. Темные. Значит, кроме меня никого. Уже хорошо.

Однако внутреннее напряжение не спадало. Отвечая ему, я прокралась к лестнице и тихо, кошачьей поступью спустилась. Выглянула из-за угла. Убедилась, что гостиная тоже пуста, и двинулась дальше. Неужели дракон ушел? Ушел и оставил врага в своем доме? Какая беспечность! Никто из охотников так не поступил бы.

Дальше по коридору нашелся кабинет. Шкафы с книгами, пара кресел, сундук, большой стол, заваленный свитками... Пальцы закололо от желания заглянуть в них. Если я все правильно поняла, Рроак тут главный, а значит, в его бумагах хранится столько полезной информации, сколько Орден не получал и за десятки лет!

Я должна все выведать! Должна!.. Но ноги будто приросли к полу.

Рроак ни разу не воспользовался моей слабостью, хотя возможностей было предостаточно. Так могу ли я поступить столь подло?

Совесть жалила, словно овод, требовала развернуться и уйти. Дух охотницы настойчиво толкал вперед, напоминая о принесенной Ордену клятве. Противоречия разрывали. Я замерла перед открытой дверью не в силах двинуться ни вперед, ни назад.

Проклятье! Нет, не могу. Я добуду сведения для Ордена, но другим путем. Не пробираясь в кабинет Рроака, словно крыса в чужую кладовую.

Стоило принять решение, и чувство тяжести в груди исчезло. Я глубоко вздохнула, улыбнулась, довольная собой, и только хотела отойти, как меня резко дернули вбок. Крутанули и с силой впечатали спиной в стену. Удар вышиб воздух, отозвался темными пятнами перед глазами.

Я не сразу поняла, что происходит и кто на меня напал. К счастью, натренированное тело среагировало само: я замахнулась кулаком, целясь куда-то вверх, и, пока правую руку перехватили, левой ударила чужаку под ребра. Раздался шумный выдох. Но уже в следующую секунду оба моих запястья с силой сжали. Развели в стороны и зло,

явно стараясь сделать больно, ударили ими по деревянной обшивке стен.

Я зашипела. Тряхнула головой, прогоняя мельтешащие перед глазами точки, и без страха посмотрела на разъяренного дракона.

Кем бы он ни был, он уступает Рроаку в росте и ширине плеч. Но в их чертах проскальзывает что-то неуловимо похожее: оттенок волос, линия скул и подбородка, резкость во взгляде. А вот сами глаза другие – темные, почти черные. И только вокруг зрачка, повторяя его вытянутую форму, пульсирует золотой контур.

– Вздумала шпионить, дрянь?

От низкого, вибрирующего голоса волоски на теле встали дыбом. Инстинкты охотницы завопили об опасности, кровь вскипела, точно молоко на огне. Однако внешне я сумела сохранить спокойствие.

– Ничего подобного, – даже в интонации не проскользнуло и тени захлестнувших меня эмоций. – Хотела, – ответила честно, – но не стала.

Дракон оскалился. Наклонился ниже, коснулся щекой моей щеки и, обжигая дыханием ухо, рыкнул:

– Думаешь, тебе кто-нибудь поверит, охотница? Все знают о подлости вашего племени.

Охотница? Он знает, что я из Ордена. Откуда? Подслушал, как и я, разговор Рроака и Гррахары? Или ему сказал сам Рроак?

– Но я ничего не тронула!

– Никто не поверит, – повторил он хрипло. – Никто.

Я напряглась. Дернула головой, пытаюсь отстраниться, и задержала дыхание. От дракона шел резкий неприятный запах, как от горящего торфяника.

– Чего ты хочешь?

– Чтобы ты убралась из Северных Гнезд.

Дракон выпрямился и медленно, взглядом предупреждая, что дурить опасно, отпустил мои руки. Я так же медленно их опустила. Горящие от сильной хватки запястья трогать не стала. Не сейчас. Не при драконе.

– Я не могу.

– Почему?

– Я...

Горло вдруг пересохло, и вытолкнуть из себя звук не получилось. Будто сами боги не позволили мне рассказать о крови Рроака, бегущей по моим жилам.

– Не знаю дороги, – ответила после секундной заминки. – И не уверена, что смогу ее найти. Пайтенские горы опасны для людей. Даже охотники редко поднимаются выше перевала. А сейчас, после недавней метели... Скорее уж я сверну шею, свалившись в прикрытую снегом расщелину, чем безопасно спущусь к предгорьям.

Взгляд дракона изменился – стал еще более внимательным, цепким. Все внутри меня сжалось, словно пружина. Казалось, только тронь – и она распрямится. И тогда либо дракон кинется на меня, либо я, позабыв про осторожность, на него.

Мы замерли друг напротив друга. Одинаково напряженные, собранные. Одинаково не спешащие верить. С Рроаком я почти забыла, что между людьми и драконами нет мира. Мы враги, бьющиеся насмерть уже многие поколения. И я была непозволительно глупа, доверившись ему. А ведь инстинкты охотницы пытались образумить меня: заставляли сомневаться, вслушиваться во фразы, сказанные полусшепотом, подмечать детали. Так почему же я решила, что Рроак на моей стороне? Или мне захотелось, чтобы это было так?

– Тебя останавливает только это?

В голосе дракона – холод и презрение. И они куда понятнее, чем неожиданная помощь Рроака.

– Да.

Дракон медлит. Едва заметно морщится. Видимо, мой запах ему приятен еще меньше, чем мне – его. Так и должно быть. Так правильно. Ведь мы – враги.

– Хорошо, – раздраженно, явно через силу выплевывает он. – Я отнесу тебя к перевалу. И даже не убью. Но только если ты скроешься с моих глаз быстрее, чем я передумаю.

На самом краю сознания мелькнула мысль о крови Рроака во мне и о том, что может произойти, окажись я далеко. Но я отмела ее. Хватит! У меня нет причин верить Рроаку на слово. Да, он спас мне жизнь... но правда ли это? Вдруг мое тело само погасило жар, а дракон лишь разыграл представление, воспользовавшись моей горячкой? Вдруг никакой привязки не существует, и меня обманули? Да еще та фраза Рроака о том, что я нужна драконам... Нет, лучше вернуться к

праведным отцам и братьям по оружию. Рассказать им обо всем, что мне довелось увидеть, помочь осознать, что драконы не дикие звери. И этим исполнить желание Рроака.

– Договорились, – я первой протянула руку и не поморщилась, когда дракон с силой ее сжал.

Сборы много времени не заняли. Надевать грязные рваные вещи на чистое тело не хотелось, но становиться воровкой, пусть и такой мелочи, как чужая рубаха, хотелось еще меньше. Одевшись и заплетя волосы в тугую косу, я спустилась вниз.

– Ты долго, – недовольно заметил дракон. – Иди за мной. И чтобы тихо!

Спорить я не стала. Выскользнула следом, накинула тяжелый капюшон, пряча под ним приметные медно-рыжие волосы, и легко подстроилась под быстрый темп дракона.

В этот раз я почти не смотрела по сторонам. Послушно пропетляла узенькими переулками – даже не улицами! – и остановилась, когда мы вышли на широкий уступ. Снег серебрился на нем под светом толстобоклой луны. Длинные тени надежно укрывали наши силуэты, но стоит взлететь – и заметить нас станет проще. Хотя мы же не в людских поселениях. Тут, поди, дракон в небе шума не вызовет.

Я выслушала скупые указания спутника, проворно добежала до выбранного места и легла. Почти сразу свет луны заслонила огромная тень, мощные лапы вдавили меня в снег, щелкнули когтями за спиной. Рывок – и мы взлетели.

Этот дракон двигался не так плавно, как Рроак. Да и под порывами ветра ему было заметно тяжелее. Однако он упрямо махал черными крыльями.

Каждый охотник знает: чем дракон больше, тем он сильнее. И чем ближе его цвет к цвету пламени, тем выше шанс, что он может это самое пламя изрыгать. Но одно дело – знать, помнить из рассказов отцов или зачитанных до дыр трактатов, и совсем другое – увидеть разницу вживую.

Ящер Рроака был огромным, алым; с бело-желтым, как самое яростное пламя, спинным гребнем; с шипастым хвостом и вытянутыми, отливающими золотом когтями. Тогда, увлеченная

битвой, я не думала о его красоте. Сейчас вдруг поняла, что это так. Зверь Рроака величественен и прекрасен.

Этот же дракон больше напоминает уголь. Еще тлеющий, но уголь. Черное тело, темно-красный гребень, пепельно-серые когти. Слабый... Слабый зверь, слабый человек. Такой не посмеет напасть в честном бою, только исподтишка. Вот и сейчас он уносит меня к перевалу явно против решения Рроака. Хорошо, что мне это на руку.

А на руку ли?

Мысль обожгла, словно раскаленное масло.

Да, я должна вернуться в Орден. Да, мотивы Рроака вызывают вопросы. Но не поспешила ли я, усомнившись в одном драконе, довериться другому? Или все дело в том смятении, что Рроак зародил во мне?

В Рроаке я вижу сильного мужчину, спасителя, защитника – кого угодно, только не врага. А это неправильно. Он дракон. Чудовище. А я... А кто я?

Проклятье! А я – последняя идиотка!

– Эй, – заорала во все горло, пытаюсь перекричать ветер, – поворачивай! Обратно! Давай обратно!

Но дракон меня то ли не услышал, то ли не захотел услышать.

Страх забрался под кожу. Раньше он всегда вымораживал меня, но сейчас кровь вскипела. Вспенилась брагой и ударила в голову. Перед глазами поплыло, горло стянуло тугим узлом дурноты. Я попыталась задышать чаще, но узел лишь подскочил еще выше, едва не задушив. Дрожь прострелила десятками, сотнями молний. Снова и снова, удар за ударом. Тело задергалось, и даже вся выдержка охотницы не помогла совладать с собой. Уголок рта защекотало чем-то тягучим и липким. Захотелось коснуться, стереть это, но руки не слушались.

Ускользящим сознанием я вдруг с опьяняющей ясностью поняла: Рроак не лгал. Я действительно умру, если мы окажемся далеко друг от друга. Однако вместо обреченности эта мысль вызвала радость. Глупую, отчаянную, невозможную. Но какая-то часть меня возликовала, поняв, что Рроак был со мной честен. И в затухающем разуме мелькнуло сожаление, что я не успею извиниться.

Прости, что не поверила тебе...

Всего одна фраза, но даже ее я не успела произнести – жар стал нестерпимым. Последнее, что я увидела, прежде чем провалиться в

темноту, – алая молния, прострелившая совсем рядом.

Глава 4

Чужой взгляд прошил насквозь. Словно сотни стрел, выпущенные в одну цель, разом достигли точки. Я дернулась – и открыла глаза.

Рроак смотрел на меня. Смотрел хмуро, с алыми всполохами во взгляде.

– Я мало сделал для тебя, охотница? Не сумел убедить в своих намерениях? Не спас? Не помог? Не привел к своим? Всего этого оказалось недостаточно, чтобы ты мне поверила?

Каждое слово звучало отрывисто, сквозь зубы, выдавая бешенство Рроака. Однако все во мне вскипело от неуместной радости. И оттого заставить себя говорить спокойно было особенно трудно, но я справилась.

– Я охотница, дочь праведных отцов, присягнувшая Ордену. И я...

– Должна ненавидеть нас, так? Уничтожать? Пронзать наши сердца? – он схватил меня за руку и прижал мою ладонь к своей груди, где в клетке ребер, взволнованно и часто, билось сердце. Сильное, яростное, горячее. – Неужели вбитые догмы так сильны, что ослепили тебя?

– Я... я...

– Ты охотница. Но ты не слепая. Не слепая, Кинара! И я не слепой! Думаешь, я не видел, как ты изучала меня? А Северные Гнезда? Ошибаешься! Я видел все. Каждый твой взгляд, каждый жест. Не только сейчас – еще тогда, на перевале, когда мы схлестнулись. Когда моя кровь выжгла твой доспех. Хочешь знать, почему я не убил тебя? Думаешь, не смог? Ошибаешься, – он наклонился низко, пронзая меня раскаленным взглядом. – Я мог убить тебя еще вначале. Еще до того, как ты занесла свой дайгенор в первый раз, я уже мог убить тебя. Но не стал. Знаешь почему?

Он выдохнул и замолчал, позволяя тишине зазвенеть между нами. Словно звук, рожденный от щипка струны, – чистый, вибрирующий, он коснулся меня, проник внутрь и зазвучал в самом сердце.

– Потому что я увидел в твоих глазах сомнение. Ты пришла сделать то, что тебя послали сделать, но ты сомневалась. Глядя на меня, в тот миг, когда любое промедление смертельно опасно, ты

искала причины напасть. Дрянные ветра, Кинара! Ты доверилась мне в пещере! Поверила мне дважды, чтобы... что? Усомниться в последний момент?!

– Прости.

– О нет, охотница, не выйдет.

Он рывком отстранился и скрестил руки на груди.

– Прости... Рроак.

Его лицо дернулось. Буря, явившаяся в глубине зеленых глаз, замерла, словно пойманная в ловушку богов. Уголки губ дрогнули. Не в намеке на улыбку, а так, будто Рроак сам не знал, улыбаться ему или кривиться. Уставился на меня с недоверием и спустя вечность тряхнул головой.

– Ты чудовищна, Кинара.

Я слабо улыбнулась, услышав укор в его голосе. Однако говорить ничего не стала – не потому, что не хотела, а потому, что не знала, что сказать. Чувства подталкивали верить Рроаку, воспитанные в Ордене привычки советовали держаться от него подальше. Но не слишком – ровно на расстоянии дайгенора. И все же какая-то часть меня наслаждалась происходящим. Не сомнениями, что раздирали похлеще уличных псов, а почти забытым чувством, будто кому-то небезразлична моя жизнь.

Я коснулась напряженной руки. Поймала хмурый взгляд и улыбнулась:

– Спасибо, что спас меня. Снова.

Вместо ответа Рроак кивнул. Помедлил секунду – и накрыл мои пальцы своими.

* * *

Мне понадобилось два полных дня, чтобы восстановиться. Еще полдюжины раз я приходила в себя, и каждый раз – каждый! – Рроак был рядом. Иногда он улыбался – не слишком радостно, но все же искренне, как мне казалось. А иногда он был занят какими-то бумагами. Поняв, что он не заметил моего пробуждения, я подглядывала за ним из-под ресниц. Совсем как в пещере. И совсем

как тогда, Рроак бурчал, что у меня тяжелый взгляд. Почему-то от этого на сердце становилось теплее.

На третий день, когда я проснулась уже полная сил, ко мне в комнату пришла Гррахара. Как и в прошлый раз, в простом платье с меховой жилеткой поверх. С двумя косами, перевитыми ремешками. Изменилось лишь выражение лица. Если в нашу первую встречу Гррахара пусть и ворчала, но казалась доброй, то теперь прозрачно-голубые глаза смотрели холодно.

– Охотница, – произнесла она вместо приветствия, проходя ближе. – Пламенноволосяя. Не верящая. Нужная и ненужная...

Последнее слово мне не понравилось. Я нахмурилась, невольно сжала кулаки. Гррахара скользнула по ним взглядом и криво ухмыльнулась.

– Горячая, – выдала она новую оценку. Дошла до кресла у кровати, села. – Кровь Рроака в тебе почти успокоилась. Быстро... удивительно быстро для той, что едва не закипела.

– Вам это не нравится?

– Не нравится. Как и твое присутствие среди нас, – она поджала губы. – Нашим видам нельзя пересекаться. Иначе быть беде.

– В этот раз ведь все обошлось, – я постаралась улыбнуться, но передумала, поймав хмурый взгляд Гррахары.

– Не для Берготта.

– Для ко?..

Движение быстрое, словно бросок кобры, – и сухая ладонь легла мне на лоб. От неожиданности я замерла. Вопрос, готовый сорваться с языка, вмиг стерся из мыслей.

Гррахара заметила мой испуг. Ухмыльнулась довольно, но говорить ничего не стала. Вместо этого сосредоточилась и медленно провела пальцами по скулам. Спустилась к шее, прижала к ней руку, обжигая прикосновением, и сместила ладонь еще ниже – к груди.

– Не дергайся, – потребовала она, стоило мне шевельнуться. – Нужно выжечь болезнь из твоей крови.

– Какую? Рроак ведь меня вылечил.

– Ошибаешься. Он лишь сковал жар своей кровью. Но стоит вам оказаться далеко друг от друга, и болезнь возьмет свое. Ты наверняка и сама это поняла, когда оказалась в лапах у Берготта.

Несколько минут Гррахара молчала, медленно перемещая ладонь по невидимым точкам на моем теле. Потом не выдержала:

– Ольдрайки рассорились. Впервые за долгие годы! И все из-за тебя.

Мне достался полный осуждения взгляд. Старая драконица явно ждала моего смущения, может, даже извинений. Но я молчала. Смотрела на нее растеряннo и хмурилась.

Ольдрайки? Кажется, я уже слышала это имя... Да, точно, Гррахара произносила его, когда обращалась к Рроаку. А второй, выходит, Берготт? Тот черный дракон?

– Они братья?

– Через кровь матерей. Вы, люди, зовете такое родство двоюродным.

– Почему же тогда имя рода одно?

Гррахара прищурилась.

– Ты задаешь слишком много вопросов, охотница. Не думай, что раз Рроак испытывает к тебе слабость, то и я буду мила. Ты чужачка. Враг. Тебе не место среди нас. Берготт ошибся, пойдя против воли Рроака, но он поступил так, чтобы защитить Северные Гнезда. О вашей с Рроаком связи он не знал. А теперь ему придется ответить перед судом парящих – и все из-за тебя!

Не знаю, чего Гррахара ждала. Снова пыталась заставить меня почувствовать вину? Или просто выплескивала недовольство? Но я едва расслышала ее последние слова. Вместо них в ушах звучало: «Рроак испытывает к тебе слабость». Снова и снова, будто эхо в пещере. Щеки ощутимо нагрелись. Пришлось дышать медленнее, чтобы удержать эмоции под контролем.

– Чего Рроак пытается добиться? – спросила я, совладав с волнением.

– Он не сказал? Надеется на мир с этим вашим... Орденом, – Гррахара поморщилась. – Все отказывается верить, что не бывает мира с теми, в ком нет жалости.

Я нахмурилась. Нет жалости? Что за вздор! Праведные отцы переполнены этим чувством! Каждый год они спасают десятки жизней, помогают сиротам вернуть силы, обрести цель. Дарят будущее. Если бы не они, я давно умерла бы в какой-нибудь сточной канаве.

– Не нужно говорить о том, о чем вы понятия не имеете!

Я вскинулась и одним размашистым движением скинула чужую ладонь со своей груди.

– Брось, охотница, всё мы знаем! – голос Гррахары скатился в рык. – Вас обучают с отрочества, натаскивают ненавидеть нас и отправляют в горы с отравленным оружием наперевес.

– Вы не знаете ничего!

Гнев заструился по венам, словно яд. Безотчетно я прижала руку к ребрам, где остались отметины после падения со скалы.

На моем теле много шрамов. Большинство из них затянулось тонкими белыми полосками, но есть и уродливые рубцы – на ребрах и голени. Однако даже они не болят так сильно, как шрамы, оставшиеся у меня на сердце и в памяти.

– Будущих охотников выбирают из сирот – из тех, кому нечего терять и некуда податься, – проговорила глухо. – Мне было восемь, когда дракон сжег нашу деревню дотла. Убил своим огнем всех, кого я любила: родителей, братьев, младшую сестру, лучшую подругу. Говорите, нас натаскивают ненавидеть вас? О нет. Уверяю, вы прекрасно делаете это сами.

* * *

После разговора с Гррахарой не хотелось сидеть взаперти. Стены давили – совсем как в ту роковую ночь, когда охваченная огнем крыша роняла горящие доски. До сих пор помню горький дым, от которого слезились глаза, собственный кашель и страх. Помню треск дерева и жар, гнавший меня, словно волк зайчонка. А еще помню, как все в душе оборвалось, когда стало понятно, что никто из моих родных не спасся.

Даже спустя десять лет я так и не сумела вытравить из сердца страх перед огнем. Он притупился, перестал преследовать меня в кошмарах. Но не исчез.

Я спустилась в гостиную, мазнула по ней взглядом, убеждаясь, что Рроака нет, схватила теплую жилетку и вышла.

Двигаться в платье было непривычно. Широкий плотный пояс мешал. Подол казался слишком длинным – все хотелось отхватить

кусок ножом. А вот рукава мне понравились – до кистей закрывающие, широкие, с вытянутыми манжетами. Они не сковывали движений и при этом не мешали. Надо будет рассказать праведным отцам. Вдруг они позволят скроить новые рубахи для сестер с такими же рукавами?

Обувь, к счастью, оставили мою. Хотя Гррахара, которая принесла одежду, неодобрительно дернула носом, едва заведя старые сапоги. Поначалу я решила, что драконице хотелось забрать все вещи охотницы. Будто если переодеть меня, я перестану быть дочерью Ордена. Потом поняла, что ей просто не нравится, как темно-зеленое платье сочетается с моими сапогами. Подумаешь! Зато теплые. И разношены как раз по ноге.

Холодный ветер трепал мои косы. Вместо привычной одной Гррахара уговорила меня заплести две. Потом порывалась еще перевить их цветными ремешками, как носит сама, но я отказалась. Хватит перемен. В последние дни их и так слишком много. Я теряюсь. Чувствую, будто иду по тонкому льду, и не понимаю: туда ли? Может, стоит повернуть обратно?

На улицах Северных Гнезд было шумно. Причем не только на земле, но и в небе. Иногда солнце скрывали тени огромных ящеров, стремительно проносящихся в воздухе. Несколько раз я видела, как они грузно приземляются на открытые площадки башен, как вспыхивают в огне на мгновение – и оборачиваются людьми. Точнее, принимают человеческий облик.

Я ускорила шаг. Миновала десяток улиц, почти бегом пересекла большой гнутый мост. Ветер на нем ощущался сильнее. Казалось, один резкий порыв – и тебя скинет в широкую расщелину под ним. Я особо не думала, куда иду. Рроак успокоил, что по Северным Гнездам я могу гулять без страха – кровь не закипит.

Очередная улица, вильнув, вывела меня на широкую площадку. В первую секунду я даже не поверила глазам. Моргнула несколько раз – и не сдержала улыбки. На открытом пятачке нашлось несколько качелей, больших горок, гигантских железных сфер. По одной стороне ровным рядом выстроились лавки, по другой нашелся уступ для драконов в зверином обличье.

В Ордене похожие площадки воздвигают временно – раз в год, на празднование божественного равноденствия. В этот день даже старшие

братья и сестры теряют серьезность и вместе с младшими предаются забавам.

Над драконьей площадкой звучал смех. Дети носились друг за другом, кидались снежками. Кто-то лениво отстреливался с качелей, другие прятались за лавками. Двое мальчишек вскарабкались почти на верхушку сферы и, дразнясь, махали руками. С хохотом уворачивались от снежков и снова принимались дразниться.

Ноги сами понесли меня на площадку. Захотелось присоединиться к игре. Рассмеяться так же задорно, слепить липкий шарик и бросить его вон в того задиру на сфере. Словно спрячься я среди детей – и получится спрятаться от сомнений, стать беззаботным ребенком.

Однако стоило мне приблизиться, дети замерли. Все как один вскинули на меня напряженные взгляды, а едва я подошла еще ближе, закричали:

– Чудовище!

– Чудовище!

– Чудовище!

Я рывком крутанулась. Убедилась, что за спиной у меня никого нет, и снова повернулась к площадке. Дети убегали. Те, что постарше, похватили маленьких и спешно уносили ноги. Некоторые оборачивались на бегу.

Я застыла, будто примерзнув к месту. Даже когда площадка опустела не сразу смогла пошевелиться. Лишь когда стало так тихо, что шум ветра вдруг показался оглушающим, я вынырнула из оцепенения. Нетвердой походкой дошла до ближайшей лавки, села. Невидящим взглядом уставилась на сферу, вокруг которой совсем недавно кипела снежная битва.

Чудовище.

В Ордене нас называют защитниками. В городах и деревнях, избавленных от драконов, нас называют спасителями. В битвах мы охотники. А для драконов мы... чудовища?

Налетевший порыв ветра поднял снежную крошку, кинул ее мне в лицо, заставил зажмуриться. Слух уловил хлопки крыльев, звучащие все ближе. Приставив козырьком ладонь ко лбу, я посмотрела на плоский уступ. Увидела кроваво-алого дракона и вспышку пламени, в котором он обратился человеком.

Рроак пересек площадку, опустился на лавку рядом со мной.

– Ты всех распугала, – заметил он с улыбкой. Но тут же нахмурился, взглядевшись в мое лицо. – В чем дело?

– Мы для вас чудовища?

– Да. Как и мы для вас.

– Но ведь...

Я закусила губу, не договорив.

Но ведь у меня не было дурных намерений.

Неважно. Все это неважно. Ни то, что я не желала детям зла. Ни то, что просто хотела разделить с ними веселье. Они увидели чудовище – и сбежали. Человеческая ребятня поступила бы так же.

Будто подслушав мои мысли, Рроак сказал:

– Мы не выясняем причин, почему столкнулись. Если дракон и человек встречаются, они либо бегут друг от друга, либо бьются насмерть.

– Вы тоже убегаете?

– Конечно. Не в каждую битву нужно вступать. Не каждый готов биться. Но бывает, что выбора не остается.

Под выразительным взглядом Рроака я смутилась. Да, когда встретились на перевале, мы схлестнулись именно из-за меня. И я же отказалась отступить – упрямо билась до последнего.

– Первое рождение? – сухо уточнил он.

Я кивнула. На душе вдруг стало гадко.

– Смерть дракона – рождение охотника. Конец жизни одного чудовища дает начало другому. Символично, не находишь?

Холодная ирония и колючий взгляд Рроака пробрали до костей. Я невольно передернула плечами и отвернулась. На несколько минут мы замолчали, потом Рроак снова заговорил:

– Пообещай мне одну вещь, Кинара.

– Какую?

Повернувшись, я встретила его серьезный взгляд.

– Что никогда больше не приблизишься к нашим детям. Чувствовать себя чудовищем неприятно – я знаю, уж поверь. Но, пожалуйста, не пытайся быть для них хорошей.

– Почему?

– Ты убьешь их этим. Они должны научиться держаться от людей подальше. Иначе рано или поздно твой брат или сестра проткнет их сердце дайгенором. А может, даже ты сама.

И хотя Рроак говорил о сердцах драконов, мое на секунду
престало биться.

Глава 5

Я возвращалась в дом Рроака, плутая по узким улочкам. Заблудиться не боялась – башни чертога можно разглядеть почти из любого уголка Северных Гнезд. А уж от него дорогу я найду!

Погода портилась. Порывы ветра становились все сильнее и резче, мелкая порошка норовила броситься в глаза снежной пылью. Горы оцетинились. И, подобно им, оцетинилась я. На сердце было беспокойно. Я не хотела думать над словами Рроака, но просто не могла выкинуть их из головы. Перед глазами до сих пор стоит картина игровой площадки, в ушах звучит радостный гомон.

Дети драконов, дети людей – так ли они отличаются? И те и другие растут с одинаковыми страхами, учатся ненавидеть противника, даже не понимая причин. Можно ли это изменить? Или мы обречены бегать по замкнутому кругу до скончания времен?

Налетевший порыв ветра ударил в лицо, взметнул мои косы. Я остановилась и хмуро уставилась на башни чертога, виднеющиеся невдалеке.

Суд парящих наверняка проходит там. Интересно, какое наказание ждет Берготта? И за что? Положа руку на сердце, я согласна с Гррахарой: Берготт не сделал ничего плохого. Он поступил так, как поступил бы любой, окажись в его доме враг. Хотя нет. Берготт был со мной мягок: решил отнести к перевалу, а не убить. Охотники бы такого милосердия не проявили. Уж точно не к дракону.

Я должна поговорить с Рроаком. Нужно выяснить, почему он решил наказать брата. Уверена, есть причина. Из-за чужаков своих не судят.

Решив так, я продолжила путь. Двигалась теперь быстро, твердо. Спину держала прямо. И даже настороженные взгляды драконов не беспокоили.

Я миновала два моста и свернула на небольшую улочку, по которой, если не ошибаюсь, можно быстрее добраться к дому Рроака. Однако не успела я сделать и дюжины шагов, как вдруг меня с силой дернули и впечатали спиной в каменную стену.

– У драконов принято здороваться именно так? – я с усмешкой встретила прищуренный взгляд черно-золотых глаз.

– Весело тебе, охотница? Подставила меня и радуешься?

– Что?

Мои руки сжали сильнее. Почти до боли.

– Не прикидывайся, будто не понимаешь! Ты ведь знала о крови Рроака в тебе. Знала и промолчала, дрянь. Из-за тебя меня ждет отлучение от парящих!

Я растерялась.

– Отлучение? Из-за чего? Из-за того, что хотел унести чужака подальше от Гнезд?

Берготт зло дернул уголком рта, будто с трудом сдерживая клокочущую ярость.

– Не прикидывайся, – прорычал он и вдавил меня в неровную стену. Пришлось выгнуться – острый камень уперся прямо в поясницу. Взгляд дракона полыхнул расплавленным золотом. – О нет, охотница, не выйдет. Люди нас не привлекают.

В первую секунду я не поняла, о чем он. Потом же вспыхнула огнем смущения и гнева. Однако сказать ничего не успела – Берготт наклонился ниже, почти коснувшись моего носа своим.

– А хотя... может, я бы и попробовал. В бою охотницы яростны. Кто знает, в чем еще вы столь же неистовы?

– Ты бредишь, – фыркнула я, гася эмоции.

Сейчас не стоит им поддаваться. Дракон не справляется со своими, если еще и я проиграю внутреннюю борьбу – точно случится беда. А мы оба натворили достаточно.

– Успокойся и отпусти меня. Давай поговорим с Рро...

– Поговорим? – прорычал он и надавил еще сильнее. Настолько, что в этот раз я не сдержала вскрика. – О чем? Как ты обманула меня? Как подставила? Или как рылась в его бумагах?

– Что ты несешь?! Я даже не ступала в его кабинет! И ты...

– И я могу открыть память на суде парящих. Тогда они увидят всё.

– Увидят... что?

Я напряглась. Злое торжество в голосе Берготта отозвалось стылыми мурашками по коже. И что значит – открыть память?

Узкие губы растянулись в оскале:

– Могу показать.

– Обойдусь.

Я дернулась. Камень чиркнул по пояснице, заставив прогнуться еще сильнее. Наши с Берготтом тела соприкоснулись. Я снова вспыхнула – уже только от смущения – и попыталась отстраниться. Но дракон подался вперед. Теперь он прижимал меня всем телом, не только руками. Проклятый камень впивался в кожу. Я терпела, только чтобы не выгибаться, но Берготт сам навалился сверху. Нос наполнился тяжелым ароматом горящего торфа. Я задержала дыхание.

– Уверена? – теперь в низком голосе звучала насмешка. Холодная, колючая, злая. – Я не стану единственным, кто сорвется в пропасть. Если гнев Рроака падет на меня – клянусь Первопредком, я сделаю все, чтобы ты тоже не избежала его ярости.

Все внутри меня выморозило от дурного предчувствия. Клятвы для драконов священны – в этом сомнений не осталось. И если Берготт воззвал к их божеству...

Проклятье!

– Что значит «открыть память»? – спросила сухо, почти требовательно.

Пусть от волнения сердце сбивается с ритма, но дракон этого не узнает. Я охотница, дочь Ордена. И гордость праведных для меня не пустой звук.

– То и значит. Они увидят все, что видел я. Почувствуют то же, что чувствовал я. И услышат, что слышал я. Могу показать, каково это, – повторил он и, не давая возразить, добавил: – Клянусь Первопредком, ничего плохого с тобой не случится. Напротив, ты узнаешь об еще одной тайне драконов. А потом уйдешь. И я не стану тебя удерживать.

Я нахмурилась. Новая клятва вселила надежду, что Берготт говорит правду. К тому же мне действительно будет намного проще объяснить отцам это умение драконов, если я его прочувствую. Но почему же тогда все мои инстинкты буквально вопят об опасности?

– Или мы можем пойти к Рроаку, как ты хотела. Я открою ему свою память, а ты постоишь рядом. Посмотришь.

Каждое слово едва не сочилось предвкушением. Будто сделай Берготт обещанное, и все станет еще хуже. Проклятье! Как же быть?

– Я не стану уговаривать, охотница. Не хочешь? Не надо. Увидимся на суде парящих.

Фыркнув, Берготт отпустил мои руки, развернулся и зашагал прочь. Я смотрела в широкую спину и чувствовала волны дрожи, расходящиеся по телу.

Нет. Не могу. Я должна понять, что он задумал.

– Подожди!

В три шага я нагнала его и ухватила за рукав. Медленно, будто нехотя, Берготт обернулся.

– Что? Передумала?

Сердце сжалось от волнения и страха. Великие боги, молю, пусть это не будет ошибкой!

– Да, – ответила твердо. – Я хочу, чтобы ты открыл мне свою память.

* * *

Берготт отвел меня в сторону. Заставил подняться на небольшой ящик, присыпанный снегом. И встал напротив.

– А ящик обязателен для открытия памяти? – я криво дернула уголок губ, пытаюсь за насмешкой скрыть волнение.

Берготт хмыкнул.

– Ты слишком низкая, охотница. А наши глаза должны быть вровень. Теперь расслабься. Расслабься, охотница, – повторил он, стоило мне напрячься, когда наши руки соприкоснулись. – Вот так. Ничего страшного, видишь?

Он прижал мою ладонь к своей груди. Прямо напротив сердца. Подушечками пальцев я ощутила его ритмичное биение.

– Не бойся, – произнес Берготт неожиданно мягко. И медленно, чтобы не напугать, опустил руку мне на грудь. – А теперь закрой глаза. Ты не должна видеть окружающий мир, чтобы увидеть мои воспоминания.

Я кивнула. Выдохнула через нос, успокаиваясь, и зажмурилась.

– Расслабься. Тебе ничего не угрожает. Просто смотри, чувствуй...

С каждым словом его голос звучал все тише, будто отдаляясь. Сердце под моей ладонью билось все ощутимее. В какой-то момент даже показалось, что оно ударяется мне в пальцы. Словно нет больше

мужской груди, клетки ребер. И наших тел больше нет. Только его сердце и моя ладонь. Ритм жизни, что передается от него ко мне.

Темнота перед внутренним взором подернулась рябью. Начала светлеть, как тающая ночь. И в этих сумерках проступили силуэты: обшитые деревом стены, голые ноги, худые и белые. Светло-серая рубаха, едва прикрывающая колени. И густые рыжие волосы, почти медные из-за напитавшей их влаги.

Мгновение – и я вижу свое лицо. Хмурое, сосредоточенное, решительное. Еще мгновение – и взгляд застывает на разбросанных бумагах на столе.

А ведь когда я стояла перед дверью, даже не подумала, как этот бардак может выглядеть со стороны. Не понять: был ли он там всегда или его устроила я.

Движение ресниц – и я, стоящая у порога проаковского кабинета, кивнула. Улыбнулась довольно, почти с гордостью, и развернулась.

Образ поплыл, перемешался, как ягодное варенье с кашей. Миг – и я снова вижу себя. Только уже прижатую к стене. Волосы растрепаны, голубые глаза горят вызовом. Пальцы ощутили тонкие запястья. Нос набился запахом горячего тела, мяты и чего-то неуловимого, одновременно приятного и отталкивающего. Взгляд скользнул ниже – к плотно сжатым губам, ко впадинке между ключицами. Широкий ворот мужской рубахи разошелся, открывая белую кожу и две бледно-розовые полосы недавно затянувшихся порезов.

Новое движение, и картинка снова изменилась. Раньше плотно сжатые, теперь губы замерли в дразнящей полуулыбке. В глазах лукавый блеск. Меня прострелило от ощущения чужого тела, прижимающегося к моему. Внизу живота стало тяжело и жарко.

А потом в ушах, словно эхо, зазвучал голос Берготта:

– Вздумала шпионить, дрянь?

Голубые глаза полыхнули ярче. Меня вновь прошило ощущение чужой близости.

– Не выйдет, охотница. Люди нас не привлекают.

– Из-за чего? – в моем голосе удивление.

– Не прикидывайся, будто не понимаешь. Все знают о подлости вашего племени.

Слова, сказанные тогда, у кабинета, и те, что прозвучали совсем недавно, перемешивались. Рождали новый разговор. И новые вопросы. Ко мне как к охотнице.

– Ты бредишь. Давай поговорим... Договори...

Звуки едва различимы за шумом крови в ушах. Я не могу! Не хочу видеть себя, призывно улыбающуюся врагу, прижимающуюся к нему! Это все неправда!

Я – настоящая я, не из воспоминаний Берготта – трепыхаюсь, словно рыба в сетях; пытаюсь вырваться из омута чужих фантазий, но лишь сильнее запутываюсь.

– Чего ты хочешь? – эхом звучит в ушах.

Только не так, как было на самом деле. Вместо невозмутимости и спокойствия в моем тоне искушение.

– Чтобы ты убралась из Северных Гнезд, – а вот голос Берготта холоден. – Или мы можем пойти к Рроаку... Я открою ему свою память...

– Обойдусь!

– Тогда... Я отнесу тебя к перевалу. И даже не убью...

– Договорились.

Ладонь простиливает ощущение рукопожатия. Чувствую чужие пальцы, тоненькие и хрупкие. Моргаю – и вижу себя, взбегающую по ступеням. Взгляд скользит по голым ногам и подпрыгивающей от каждого движения рубахе.

Я больше не могу видеть эту ложь, смешанную с правдой. Кричу, сжимаю веки до боли, отталкиваюсь изо всех сил – и отлетаю. Ноги скользят по снегу. Не могу удержать равновесие, падаю. Перед глазами все плывет. Тело потряхивает от пережитого.

– Ну как? Налюбовалась на себя, пламенноволосяя?

Я вскинула на дракона полный ярости взгляд.

– Лжец! Ничего этого не было и...

– Разве? Северные Гнезда слышали каждое из этих слов. И каждое из ощущений я пережил. Возможно, в моей памяти все немного перемешалось... Но какая, в сущности, разница?

Вскочив на ноги, я двинулась на дракона.

– Я никогда не смотрела на тебя... так, – губы сами скривились в презрении. К себе. К дракону.

Он не шевелился. Стоял скалой и не сводил с меня торжествующего взгляда.

– Иногда наши мысли настолько яркие, что и не понять – воспоминание то или выдумка.

Даже его голос зазвучал надменно, уверенно. Как у того, кто уже празднует победу.

– Мне плевать на твои фантазии! Можешь показывать парящим что угодно, в моей голове они не увидят этой глупости!

Я остановилась в нескольких шагах и прожгла Берготта взглядом. Кровь вновь вскипела. Вот только не от жара, заключенного в ловушку Рроака, а от ярости.

– Ошибаешься, – лениво отозвался дракон, а в следующий миг схватил меня за подбородок. Слишком быстро, чтобы я успела увернуться. – Ты не сможешь забыть увиденное. Оно задело тебя, вызвало эмоциональный отклик. И чем он сильнее, тем тяжелее стереть из разума чужие воспоминания. Ты же среагировала очень... – он наклонился ниже, – очень... – еще ниже, так, что его дыхание коснулось моих губ, – очень эмоционально. Если Рроак решит прочитать твою память, он увидит именно это. Поэтому теперь тебе нужно постараться. Проявить всю изворотливость своего племени и убедить моего дорогого брата отменить суд парящих. Запомни, охотница: упаду я – упадешь и ты.

Я дернулась, вырывая подбородок из цепких пальцев, и отступила. Возражать не стала – боялась не сдержать ярости и наговорить лишнего. Или даже сделать что-то, что заставило бы Берготта отправиться к Рроаку прямо сейчас. Все, что я себе позволила, – сжать кулаки с такой силой, что ногти до крови впились в ладони.

Берготт дернул носом. Довольно усмехнулся и зашагал к выходу из проулка. Я сверлила взглядом широкую спину и чувствовала, как еще неясные идеи уже выстраивались в план действий.

Сыграть по твоим правилам, дракон? Ты плохо знаешь дочерей Ордена, раз считаешь, что мы сдаемся без боя.

Глава 6

В дом Рроака я вошла осторожно. Замерла у двери, прислушиваясь, выждала минуту и, лишь когда убедилась, что сверху тоже не доносится ни звука, с облегчением выдохнула. Кроме меня – никого. Прекрасно. В котле эмоций кипит слишком много раздражения и злобы, чтобы суметь их скрыть. Пальцы подрагивают, щеки горят – то ли от смущения, то ли от праведной ярости. Если бы мы сейчас столкнулись с Рроаком, он бы непременно заметил мое состояние и начал задавать вопросы. А ответов у меня пока нет.

Проходя к лестнице, невольно бросила взгляд в дальний конец коридора. Туда, где находится кабинет. В памяти тут же всплыли фантазии Берготта: я, прижатая к стене, и призывная улыбка на моем лице.

Проклятье! Надо поговорить с Рроаком. Может, если рассказать ему всю правду, он поймет? Поверит?

Надежда встрепенулась, точно воробышек, но тут же камнем рухнула вниз.

Вряд ли. Если бы чужак попытался обелить себя, свалив вину на моего собрата, я бы не поверила. Никто из охотников бы не поверил. Так как же быть? У кого спросить совета? Обычно в минуты сомнений я искала поддержки у старших сестер или праведных отцов. Однако в поселении драконов у меня сторонников нет. Гррахара приняла решение Рроака, но явно с ним не согласна. А сам Рроак... Уф, я понятия не имею, как он ко мне относится и за кого принимает!

Так почему бы не спросить прямо?

Я остановилась и невидящим взглядом уставилась перед собой. А ведь правда – почему нет?

Поднявшись на второй этаж, я огляделась. Рядом с лестницей находится дверь, ведущая ко мне в комнату. У дальней стены – дверь в умывальню. А между ними... дверь в комнату Рроака? Или ее заняла я? Пока терялась в беспамятстве, не думала, где спит Рроак. Теперь же вдруг поняла: уже третью ночь мы проведем в соседних кроватях.

Отчего-то эта мысль взволновала. Даже странно. Когда я переступила порог этого дома, то не испытывала волнения. Опаску?

Да. Недоверие к дракону? Снова да. А вот едва ощутимого трепета во мне точно не было. Что же изменилось?

Ответ на этот вопрос я искала до самого вечера. На улицу больше не выходила. Не из-за страха перед Берготтом: если захочет, он легко найдет меня и здесь. Скорее решила не дразнить драконов своим видом. Сегодня я часто ловила на себе их настороженные взгляды, замечала напряженные позы. Драконы не вставали ко мне спиной. И каждый раз, стоило мне оказаться поблизости, начинали рычать. У некоторых пальцы превращались в когти, по рукам других бежали алые сполохи – предвестники оборота.

Когда за окном окончательно стемнело, а выюга уже выводила протяжную песнь, вернулся Рроак. Хлопнул входной дверью и шумно затопал, явно стряхивая снег с сапог.

Я выглянула из комнаты. Дождалась, когда он поднимется, и уточнила:

– Все в порядке?

Мне нужно поговорить с ним. Нужно! Но я не представляю, с чего начать.

– Да. Много дел с парящими, – Рроак устало потер переносицу, потом посмотрел мне в глаза и нахмурился: – Что-то случилось?

Я задрала голову, открыла рот, но не произнесла ни звука.

Невольно вспомнилось, как я стояла на ящике, чтобы оказаться вровень с Берготтом. С Рроаком высоты того ящика не хватило бы. Но почему-то именно с Рроаком наша разница в росте кажется неважной. Наоборот – в чем-то даже правильной.

Так не должно быть. Мы враги, волею богов оказавшиеся связанными. Но это временно. Когда моя кровь исцелится, Рроак вернет меня на перевал и тем самым исполнит принесенную клятву. И часть меня – та, для которой долг охотницы превыше всего, – требует убить его в момент прощания. Но уже сейчас я знаю, что не смогу.

Он спас меня. Дважды. И пусть за этим кроется личный интерес, именно рядом с Рроаком я вновь почувствовала себя нужной.

В Ордене нас не выделяют. Нет Кинары или Айкира – есть лишь охотники. Как говорят отцы, это дает нам чувство причастности, цельности. Напоминает, что все мы – камни в фундаменте защитной стены вокруг Равьенской империи.

Рроак же заставил меня почувствовать себя особенной. Той, кому драконы решились открыть свои тайны. И единственное, чего я теперь боюсь, что все это окажется насмешкой. Хитрым ходом, чтобы усыпить мое внимание и заманить в ловушку.

– Нет, – я улыбнулась, – ничего не случилось. Просто... непривычно.

Рроак понимающе улыбнулся. На секунду задумался и протянул руку.

– Составишь мне компанию за бокалом аррахи? Напитком драконов, – пояснил он, поймав мой растерянный взгляд.

Колебалась я недолго. Вложила пальцы в широкую ладонь и позволила Рроаку увести меня вниз.

Мы разместились в креслах у зажженного камина. Рроак наполнил два невысоких фужера желтоватой жидкостью с ощутимым пряно-хвойным ароматом. Протянул мне один. Я с благодарностью приняла фужер и, дождавшись одобряющего кивка Рроака, пригубила напиток. Закашлялась.

– Осторожнее. – Рроак тихо рассмеялся. – Аррахи крепкая.

– Я заметила.

По горлу будто пронеслась огненная волна. Но, схлынув, она оставила после себя ощущение свежести и легкие покалывания на языке. Поддаваясь шальной мысли, я осторожно провела кончиком языка по нижней губе. Теперь невидимые иголки принялись вытанцовывать и на ней. Я улыбнулась. Посмотрела на Рроака и замерла, заметив, как изменился его взгляд – стал темнее, внимательнее. Крылья тонкого носа затрепетали, будто дракон принюхивался.

– Осторожнее, – повторил он.

Рык в низком голосе прозвучал едва слышно, как первые раскаты грома вдалеке. Будто передразнивая, треск поленьев в камине стал громче.

Я кивнула, не сводя взгляда с Рроака. В груди почему-то стало горячо. Наверное, это все аррахи...

Некоторое время мы молчали. Оба словно не хотели нарушать тишину, опутавшую нас коконом. Уютным и колючим одновременно. Невозможное ощущение, дразнящее, провоцирующее. Но мы оба

держались – только неотрывно смотрели друг на друга, будто опасаясь упустить из вида малейшую деталь.

– Ты доверяешь мне?

В первую секунду я даже не поняла, кто это сказал. Потом с удивлением узнала свой голос.

– Не больше, чем ты мне, охотница.

Охотница. Не Кинара.

По языку протянулась горечь. Я прищурилась и пригубила аррахи, стараясь перебить привкус. Снова закашлялась.

– А убить бы мог?

Взгляд Рроака полыхнул алым.

– Если пришлось бы? Да. Это мой народ, и я поклялся его защищать. Но и ты, охотница, могла бы убить меня. Точнее, – жесткие губы дрогнули в усмешке, – попытаться это сделать.

Я снова ощутила горечь. Вот только уже не на языке, а под сердцем. Криво улыбнулась, пытаюсь казаться невозмутимой, и отвернулась к огню.

И на что я надеялась? Что между Берготтом и мной он выберет меня? Чужачку? Охотницу? Какая наивность! Какие бы цели Рроак ни преследовал, я лишь инструмент их достижения. Я не особенная. Все еще обычный камень, который, вырвав из основания одной стены, пытаются уложить в другую. Если Берготт откроет память, Рроак не поверит в мою невиновность.

Горечь стала ощутимее. Я прижала к груди кулак, с силой потерла. Повернулась к Рроаку, собираясь узнать, как долго мне придется пробыть в Северных Гнездах, но слова вдруг застряли в горле.

Взгляд Рроака снова изменился. Стал... голодным? Не знаю. Раньше никто не смотрел на меня так. Воздух вдруг показался горячим. Я задышала чаще.

– Что?

– Твои косы, – даже голос дракона зазвучал иначе: ниже, но без рыка, а будто бархатно. – В свете огня они выглядят как горящие факелы.

Против воли я смутилась. В ушах зазвучали голоса Гррахары и Берготта.

– Пламенноволосяя, – повторила за ними.

Думала, это просто слово. Красивое описание, выбранное драконами. Но Рроак весь подобрался и подался вперед.

– Кто тебя так назвал?

– Гррахара.

– И все?

– И все.

Говорить о Берготте не хотелось. Я опасалась, что Рроак отправится к нему и увидит его воспоминания. А я не готова. Не сейчас.

Рроак кивнул, не отрывая от меня взгляда. Медленно выпрямился, откинулся на мягкую спинку кресла. Еще секунды две над чем-то размышлял и залпом выпил остатки аррахи.

Я же, напротив, отставила фужер с напитком.

– Это не просто слово? Оно... особенное?

– Ты даже не представляешь насколько.

* * *

Рроак не спешил продолжать разговор. Он видел мой интерес, подмечал напряженную позу, но... молчал. Будто пытался что-то для себя решить.

Наконец, спустя минуты три, он заговорил:

– Цвет всегда был важен для драконов. По нему мы определяем уровень силы, близость дракона к огню и Первопредку. У каждого из нас два имени. Первое дается при рождении. Второе – после первого оборота, когда проявляется зверь.

– А какое имя было у тебя раньше?

Наверняка стоило промолчать – дать Рроаку закончить рассказ. Но я просто не смогла сдержаться. Почему-то стало бесконечно важно узнать, как Рроака звали в детстве.

Он улыбнулся.

– Нейдр.

– Рроак Нейдр Ольдрайк?

– Ках Ольдрайк, – поправил он и пояснил: – Ках – это... мм... у людей, кажется, это называют титулом. Ках – высший.

Успокой свой народ...

Я оторопела. Так он действительно правитель? Поэтому Берготт ждет суд парящих за неповиновение? И Берготт хочет, чтобы я... переубедила правителя? Этот дракон вообще понимает, о чем просит?!

Рроак наблюдал за мной с видимым удовольствием. Легко читал по моему лицу и растерянность, и неверие, и сомнения – каждую эмоцию, которую я тщетно пыталась скрыть.

– Это ведь ты приказал Гррахаре меня переодеть? – вдруг догадалась я.

– Разумеется. Глаза выдают в тебе человека. Но хотя бы издалека ты должна напоминать нас. Я хочу, чтобы жители Гнезд видели в тебе не угрозу, а кого-то похожего. Ты интересна им.

Я фыркнула. Интересна? Дети сбегают от меня с криками, у взрослых при моем появлении пальцы превращаются в когти. Только Гррахара и Берготт не боятся ко мне приближаться. Первая явно делает это по приказу Рроака. Второй преследует собственные интересы.

– Пламенноволосяя. Драконы редко рождаются с таким цветом волос. Люди, насколько я знаю, тоже.

Губы сами искривились в кислой усмешке. Я бы хотела сдержать ее, правда. Но стоило только понять, что кому-то могут нравиться мои волосы, которые я ненавижу с детства...

– Непросто было?

– Нормально, – я с безразличием повела плечом.

Не стану я плакаться, рассказывая, как из-за проклятых волос меня обвинили в нападении дракона на деревню – мол, пламя притянуло пламя. Не стану жаловаться, как непросто было в Ордене; как братья и сестры отказывались принимать меченную огнем. Как до сих пор смеются над любой моей неудачей. Потому-то я и не отступила на перевале. Знала, что следовало это сделать – никто из охотников не погнался бы за драконом в такую непогоду, – но просто не могла повернуть назад. Только праведные отцы приняли меня такой, какая есть. И их я поклялась не разочаровывать.

– Как знаешь, – холодно отозвался Рроак.

Может, понял, что я недоговариваю. А может, ему не понравилось мое пренебрежение особенным для драконов цветом. Сейчас это и не важно.

– А как давно рождался последний рыжеволосый дракон?

– Почти четыре поколения назад. Первопредок направляет к нам своих посланников, лишь когда грядут перемены. В этот раз, надеюсь, начало им положишь ты.

Я прищурилась.

– Поэтому ты пощадил меня на перевале? Не только из-за того, что я медлила?

– Да. Но уверяю, охотница: если бы ты не сомневалась, я бы тоже не дрогнул.

– Ты... – я на миг сбилась, но все же продолжила: – Ты уже убивал охотников?

Зеленые глаза вспыхнули алым. Черты лица заострились.

– А сама как думаешь? – Даже голос зазвучал иначе. Низко, с нескрываемым раздражением.

Я мотнула головой. Злилась при этом больше на себя, чем на Рроака.

Почему рядом с ним я забываю, кто мы? Дракон и человек – непримиримые враги. Встреться мне тогда на перевале кто послабее, и я бы тоже окропила дайгенор кровью.

Мы оба убийцы. Просто мне помешали закончить начатое.

– Первопредок – наш покровитель, – снова заговорил Рроак, погасив внутренний огонь. – Божество, если говорить вашим языком. Огромный пламенный ящер, способный как даровать жизнь, так и отнимать ее. Горная гряда – его хребет, острые пики скал – шипы. Равнины – это его крылья. Великий и могущественный, он царствовал в мире в полном одиночестве. Наблюдал, как появились люди, как стали обживаться у его ног, но не воспротивился. Напротив – подарил людям огонь. В его честь складывали костры, в которых жгли ароматные травы, чтобы Первопредок, даже будучи далеко, почувствовал благодарность и преданность подножных. А потом Первопредок повстречал деву с волосами, как у тебя.

– Он украл ее?

Рроак тихо усмехнулся и качнул головой.

– Нет. Он поступил коварнее – завоевал ее сердце, увел к себе на вершины скал. Именно их дети стали первыми драконами, способными менять облик.

– Подожди, – я нахмурилась. – Ты хочешь сказать, что драконы и люди... могут быть вместе? Как пара?

– Разумеется, – Рроак улыбнулся, отставил фужер с аррахи и поднялся из кресла. – Нужно лишь побороть ненависть, что удерживает врагов на расстоянии. И тогда возможно всё, – закончил он тише и шагнул ко мне.

Я вжалась в спинку кресла и напряженно застыла, будто кролик перед удавом. Гордость охотницы, воспитанные в Ордене рефлексy – все вмиг забылось. Я ощущала себя бесконечно уязвимой и открытой перед силой этого дракона. Смотрела, как он приближается, и чего-то... ждала? Не знаю.

Когда Рроак оказался рядом, я сглотнула. В нос забился аромат нагретого солнцем дерева, пряных трав и совсем немного – костра. Не думая, я задышала глубже. Сердце забилося о грудную клетку, словно птица, пойманная в силки, – все норовило вырваться. Стоило Рроаку наклониться, и птичка затрепыхалась изo всех сил.

– Хватит, охотница, – произнес он тихо, касаясь дыханием моей кожи. – На сегодня хватит...

Я растерянно моргнула, и он пояснил:

– Аррахи крепкая. Выпьешь еще немного, и мне придется нести тебя в спальню.

Рроак явно говорил о том, что случится, если перебрать с алкоголем. Но в моей голове смысл слов исказился. Стало жарко. Захотелось отвернуться, опустить взгляд или хотя бы зажмуриться – сделать что угодно, но скрыть эту неподобающую для охотницы слабость. Однако я не пошевелилась. Так и смотрела в зеленые глаза с едва заметными алыми сполохами в самой глубине.

Рроак усмехнулся. Не отводя взгляда, потянулся забрать мой фужер. Накрыл мои пальцы своими и снова усмехнулся, стоило мне вздрогнуть.

– Отдыхай, охотница.

Одним плавным движением он отстранился. Отставил фужеры, плотно заткнул пробкой бутылку и зашагал к лестнице. Держался уверенно, расслабленно – так, будто ничего необычного не произошло. Будто его сердце не забилося быстрее. Я же такой выдержкой похвастать не могла. Сидела как заколдованная и все смотрела перед собой.

Это неправильно... Неправильно! Я охотница. Дочь Ордена, на дайгеноре поклявшаяся уничтожать чудовищ. И я ни за что не

проиграю дракону.

Стоило воскресить в памяти лица праведных отцов, смятение отступило. Даже метель в душе – почти такая же сильная, как та, что ярилась за окном, – успокоилась. Я поднялась с кресла и твердой походкой отправилась к себе. Там принялась выискивать в сундуке ночую сорочку. Точно помню, что Гррахара оставляла ее вместе с халатом. Но где?

В приглушенном свете ламп все вещи выглядели одинаково. Пришлось встать на колени и едва ли не носом зарыться в нутро сундука, чтобы отыскать желаемое. Найдя нужную вещь, я выскочила в коридор.

Первый полноценный день в Северных Гнездах выжал меня, как Найра – кухонное полотенце, случайно упавшее в чан с водой. Скрутил почти до хруста и встряхнул что есть мочи.

Я не готова к открывшемуся миру драконов. Не готова к их страхам и сомнениям, когда с трудом борюсь с собственными. Я хочу от них спрятаться. Пусть ненадолго, под струями зачарованного ливня, но спрятаться. Позволить воде вместе с потом и грязью смыть усталость. Отвоевать у этого дня хоть немного спокойствия.

У двери в мыльню я остановилась. Шумно выдохнула, пытаюсь оставить часть напряжения еще у порога, и ухватила за ручку. Однако не успела потянуть за нее, как дверь резко распахнулась. Я отскочила. Действуя на рефлексах, встала в боевую стойку и выставила руку вперед. Только вместо привычного дайгенора пальцы сжали белую сорочку.

– Спасибо, Кинара, у меня есть в чем спать.

Голос Рроака прозвучал спокойно – так, будто я каждый вечер выскакиваю из-за угла с сорочкой наперевес. И лишь подрагивающие уголки губ выдавали, что дракон с трудом сдерживает смех.

Я прищурилась. Выпрямилась, опустила руки и посмотрела на дракона с такой же смесью уверенности и достоинства. Точнее, попыталась это сделать. Стоило взгляду скользнуть ниже, и щеки запылали.

Рроак был в одних штанах, сидящих низко на бедрах. Свободная ткань в некоторых местах прилипла к телу, обрисовав контуры ног. Ни рубашки, ни жилетки. Влажная кожа едва заметно поблескивает в приглушенном свете ламп. В отличие от братьев по дайгенору,

у Рроака волос на теле почти нет. Только от пупка к краю штанов спускается темная дорожка.

Во рту пересохло.

Я уже видела Рроака обнаженным по пояс. Но полубоком, в свете костра, подглядывая из-под ресниц. Сейчас же я бесстыдно рассматривала его, стоящего прямо передо мной. Причем так близко, что протяни руку – и коснешься. Стоило об этом подумать, подушечки пальцев закололо от желания дотронуться. Щеки нагрелись сильнее. Жар от них спустился ниже – к шее, к груди, скрутился там жгутом и юркой змеей скользнул еще ниже.

Проклятье!

Это неправильно! Неправильно!

Отвесив себе мысленную оплеуху, я спешно обогнула Рроака и закрылась в умывальне. Задвинула засов, быстро скинула вещи и прыгнула под зачарованный ливень. Щеки пылали. Тело пылало. Сама душа и та полыхала в огне то ли смущения, то ли какого-то другого, незнакомого чувства.

Великие боги! Я не имею права ему поддаваться. Я должна выстоять. Во имя принесенных клятв, во имя долга охотницы!

Схватив жесткую мочалку, принялась тереть себя с такой яростью, будто вместе с кожей можно содрать сомнения. Однако я не преуспела ни в одном из этих действий – лишь расцарапала тело до красноты.

Спустя четверть часа я выбралась из лохани. Обтерлась насухо, оделась и на цыпочках прокралась в свою комнату. Загасила свет, легла в кровать, попыталась уснуть... Однако мысли не отпускали. Полночи я проворочалась без сна, вспоминая то лицо Рроака, находящееся так близко к моему; то слова Гррахары о его слабости; то фантазии Берготта, которые Рроак может увидеть, если я не придумаю, как отменить грядущий суд.

Неудивительно, что утром я проснулась разбитой. Зевая во весь рот, выбралась из кровати, оделась. Заплела волосы в две косы и даже перевила их цветными ремешками. Теперь, зная, почему Рроак захотел меня переодеть, я не стану противиться. Перемены пугают – мне ли этого не понимать! И если такой мелочью, как правильная одежда и прическа, можно помочь драконам Северных Гнезд принять меня, я это сделаю.

Придерживая подол платья, я спустилась в гостиную. Ожидала увидеть там Рроака, но вместо него на диване сидела Гррахара. На столе перед ней замерли тряпичные свертки; в небольших кармашках находились пузырьки и палочки с темными кончиками, какие-то стеклышки, угольки.

– Что это? – спросила я вместо приветствия.

Гррахара подняла на меня хмурый взгляд.

– То, что может разозлить драконов еще больше. Но раз Рроак настаивает... – она недовольно поджала губы, – я сделаю это. Надеюсь, ты стоишь риска, на который Рроак готов пойти ради тебя.

Глава 7

Я с опаской приблизилась.

– Почему это может разозлить драконов?

– Садись, охотница. Закатай левый рукав платья. А я пока все расскажу, – Гррахара вздохнула.

Сухие узловатые пальцы споро вынимали из тряпичных кармашков пузырьки и палочки. Стоило откупорить первую же бутылочку, и в воздухе запахло чем-то сладким.

– Кровь Рроака в тебе чую лишь я.

– Почему?

– Потому что старая и талантливая, – хмыкнула Гррахара, глянув на меня украдкой. Однако уже через мгновение заговорила хмуро, с нескрываемым неодобрением: – Мы не делимся кровью с чужаками. Даже со своими редко. Это... слишком личное.

Она поджала губы. Помолчала недолго и продолжила:

– Обычно так поступают, когда хотят связать судьбы. В какой-то мере между тобой и Рроаком именно это и произошло: он связан с тобой клятвой, ты с ним – кровью. Сам Первопредок вынуждает вас быть вместе. Пока никто об этом не знает, кроме меня и Берготта. Но теперь...

Обмакнув палочку в алую жидкость, она чиркнула мокрым кончиком по угольку. Вздохнула тяжело и снова посмотрела на меня. На этот раз пристально, будто выискивая на моем лице ответ на вопрос, который так и не осмелилась задать.

– Теперь о вашей связи узнают все. Каждый дракон Северных Гнезд почувствует, что ты принадлежишь Рроаку. А он, – Гррахара поморщилась, – принадлежит тебе.

– Принадлежит? – повторила я растерянно. И тут же вскрикнула, когда меня укололи окрашенным концом палочки. – Что вы творите?

– Терпи, охотница. Так надо. И не дергайся ты! Больнее будет.

За первым уколом последовал еще один. Потом еще. И еще. Я морщилась, шипела, пыталась высвободить руку из цепких пальцев и вскрикивала.

– Расслабься, охотница!

Гррахара действовала уверенно. Обмакивала палочку то в один пузырек, то в другой, терла об угольки, укалывала и снова опускала острый кончик в цветную жидкость. Иногда останавливалась и стирала с кожи выступившие капли крови.

– А Рроаку вы тоже сделаете... такое? Ай!

– Уже, – буркнула Гррахара, не поднимая головы. Потом все же посмотрела на меня и добавила, не скрывая усмешки: – Ты долго спишь, охотница. Видимо, в вашем Ордене не принято просыпаться на рассвете.

Я вскинулась. Хотела было вскочить, но Гррахара удержала меня на месте. Пусть драконица и выглядит старой, сил в ней явно побольше, чем в любом из братьев Ордена.

– Мы тоже встаем с первыми лучами! Без понятия, почему здесь все изменилось, но охотники не лежебоки!

– Знаю. В Гнездах ты чувствуешь себя не так, как на равнинах: все же воздух тут другой, да и небо давит меньше.

Я прищурилась:

– То есть вы все понимаете, но продолжаете смеяться надо мной?

– Разумеется, – старуха кивнула и широко улыбнулась. – Должна у меня остаться хоть какая-то радость? Брось, охотница. Не стоит топорщить шипы на каждый выпад. Да, ты среди тех, кого привыкла видеть врагами. Но узрей и другое – мы не желаем тебе зла.

Перед мысленным взором встало лицо Берготта. В ушах далеким эхом прозвучали его угрозы.

Не желают зла? Вот уж не сказала бы!

Однако вслух возражать не стала. Вместо этого взглянула на свое запястье. Каждый укол палочки впечатывал в кожу цвет, рождая рисунок. Еще непонятный, но уже вызывающий интерес.

– Что это будет?

– Крыло Первопредка. Левое у тебя, правое у Рроака. Вы нужны друг другу так же, как оба крыла нужны дракону для полета.

– А как об этом узнают остальные жители Северных Гнезд? Рисунок ведь будет скрыт под одеждой.

– Не всегда. Если ты закатаешь рукава, его увидят. Но, в отличие от людей, для нас зрение не главный орган чувств. Обоняние, – крючковатый палец коснулся кончика моего носа, – вот чему дракон доверяет больше всего. А у этих красок есть запах. Особенный,

который используется только для таких рисунков. У каждой пары цвет свой. У вас – красный с золотом, как у ящера Рроака. Сильные цвета – сильные запахи. Никто не ошибется. Никто, – повторила Гррахара со вздохом.

Я всмотрелась в морщинистое лицо. И впервые увидела на нем не только недовольство, но и... страх?

– Чего вы боитесь?

– Тебя, охотница. Людские сердца слишком ненадежны, а память слишком коротка. Связать себя с человеком – дикость для любого из драконов. Для Рроака же это почти безумие. Но он пошел на это. Ради тебя.

– Почему?

На этот раз Гррахара не спешила с ответом. Наносила палочкой рисунок и все бросала на меня задумчивые взгляды. Наконец, когда я уже решила, что она не ответит, драконица заговорила:

– Пламенноволосяя притягивает внимание. Переодев тебя в наши одежды, Рроак надеялся помочь своему народу примириться с присутствием человека. Но некоторых это ввело в искушение...

– Например, Берготта?

– Например, его, – кивнула Гррахара. – Он хороший дракон. Верный сын Северных Гнезд. Но он... давно укрыт тенью. И эта тень тяготит его. Боюсь, он может решиться на глупость. Поэтому, пожалуйста, держись от него подальше. Не искушай Берготта пламенем своих волос.

Гррахара посмотрела с такой искренней просьбой, почти мольбой, что я не посмела возразить. Но мысленно костерила Берготта на чем свет стоит.

Что это за дракон вообще? Почему он не может оставить меня в покое? Сначала его долг перед Гнездами свел нас вместе. Потом гнев Рроака испугал его и зародил нелепую уверенность, что мне по силам отменить грядущий суд. А теперь еще и это?!

Проклятье!

Как я должна действовать, чтобы не ошибиться и не запутаться в порядках драконов? Как понять, кого слушать? Рроака? Гррахару? Себя? А если я сама не знаю, что делать, – как быть тогда?

Если Гррахара поделилась с Рроаком переживаниями насчет Берготта и его интереса ко мне, станет невозможно убедить Рроака

отменить суд, не вызвав при этом подозрения. Почему вообще эти драконы решили скинуть свои проблемы на плечи охотницы, не прошедшей нового рождения?

Гнев и растерянность полыхали в душе, словно поленья, объятые пламенем. Я с трудом дождалась, когда Гррахара закончит рисунок. Едва она обмотала мое запястье чистой повязкой и вернула манжету на место, я выскочила на улицу. Даже жилетку не застегнула.

Плывать на непогоду, на холод, покусывающий за щеки, и на ветер, треплющий мои косы. Я просто хочу убраться отсюда. Пусть не обратно в Орден, но хотя бы дойти до края Северных Гнезд – до границы очерченной Рроаком территории, где моя кровь остается спокойной.

Удивительно, но на улицах было шумно. Судя по всему, непогода в горах не редкость и драконы давно к ней привыкли. Я шла, не обращая внимания на их взгляды. Пальцы от напряжения то сжимались в кулаки, то расслаблялись, чтобы тут же сжаться еще сильнее.

Перейдя пятый по счету мост, я остановилась. Огляделась и устало опустилась на скамейку. Подставила лицо ветру и мелкому снегу, закрыла глаза.

Почему я так боюсь, что Берготт откроет Рроаку память? Потому что меня посчитают шпионкой? Или потому, что не хочу, чтобы Рроак увидел грязные фантазии своего двоюродного брата? Не знаю. Но надеюсь выяснить это уже скоро.

* * *

Детский смех прозвучал неожиданно близко. Я открыла глаза, огляделась и почти сразу заметила их – драконят, которых вчера вспугнула на игровой площадке. Они бежали, хохоча и шикая друг на друга, словно заговорщики. Явно ведь задумали какую-то шалость!

Ноги сами понесли меня следом. Нет, я помню требование Рроака – держаться от детей подальше – и не собираюсь нарушать данное слово. Но хочется понаблюдать за ними хотя бы издали. Почувствовать их радость и беззаботность, отвлечься. Никто не узнает, что я пошла за ними. Я все-таки охотница и умею оставаться незамеченной.

Мысленно я проговаривала эти слова снова и снова, убеждая себя, успокаивая совесть. И совсем скоро перестала чувствовать ее уколы.

Я петляла за детьми, отставая почти на улицу – так, чтобы они не заметили моего присутствия. Куда мы шли, не задумывалась: вряд ли дети покинут Северные Гнезда. А значит, переживать не о чем.

Мы миновали еще два моста. Проплутали узкими переулками, обогнули пик скалы и оказались в горной чаше, скрытой от ветров высокими каменными боками. Непогода тут почти не ощущалась. Метель превратилась в слабый снегопад.

Дети кинулись к старому, заметно покосившемуся от времени дому с черными проемами вместо окон. В крыше видны прорехи, стены изрезаны трещинами, а у крыльца не хватает перил. И все же, глядя на дом, я улыбнулась – вспомнила, как давным-давно, еще в детстве, вместе с сестрами и братьями по дайгенору лазила в заброшенное крыло цитадели.

Отцы каждый раз ругались, поймав нас за опасным делом. Напоминали, что неспроста двери заколочены, а окна крест-накрест забиты досками. Но разве ж нас это останавливало? Словно мышата, мы пробирались через щели, а потом учились двигаться бесшумно, как истинные охотники. Когда кто-нибудь оступался и с грохотом падал, задевая старые тумбы или поломанные стулья, все мы хохотали. Причем так громко, будто вмиг забывали, что собирались не издавать ни звука. Переставали притворяться воинами и становились теми, кем и являлись – детьми, которым еще рано взрослеть.

В груди болезненно заныло.

У драконов, получается, даже шалости как у нас? Так в чем тогда наше отличие? Неужели все эти годы мы убивали не диких зверей, а кого-то очень на нас похожих?

Сколько себя помню, я гордилась тем, что отцы выбрали меня. Назвали охотницей, вручили дайгенор, дали цель в жизни. А теперь... теперь я не понимаю, на чьей стороне правда. И есть ли она вообще, эта правда?

Я проводила детей долгим взглядом, дождалась, пока они скроются в доме, и лишь после этого осторожно перешла к большому валуну. За ним меня не видно, но сам он стоит довольно близко к дому. Если прислушаться, можно даже уловить отголоски чужого веселья.

Детей не было долго. Устав стоять, я опустилась на снег, подтянула колени к груди и уткнулась в них подбородком. Спряталась меж свесившимися косами от мира и собственных сомнений. Их слишком много в последние дни. И они слишком тяжелые, чтобы совладать с ними мгновенно.

Не знаю, сколько я так просидела. В себя пришла от громкого визга – уже совсем не веселого. Вскочила на ноги и выглянула из-за валуна.

Дом загорелся, будто тюк соломы от упавшей искры. Заполыхал в один миг, загудел яростным пламенем и затрещал старым деревом. Дети выбегали, толкаясь и крича; жилетки некоторых дымились. Их стягивали, бросали на снег, топтали. И все оборачивались ко входу.

Почему дети не убегают подальше? Дом же старый, от такого пламени он может обрушиться в любой миг. Стоять так близко – опасно. Неужели они не понимают?

Или...

Великие боги! Неужели выбежали не все?

Сколько их зашло в дом? Девять? Десять? Не помню!

Я рывком обернулась. Каменная чаша надежно укрывает это место от ветра и непогоды, но из-за нее же драконы не сразу увидят дым. А когда они прилетят, уже может быть слишком поздно. Боги, что делать? Я не могу бездействовать! Но Рроак запретил приближаться к детям...

Грохот, с которым обрушилась часть крыши, отозвался во мне дрожью. Вспомнилось, как падала другая крыша, пожираемая огнем. И как я задыхалась от дыма и гари. Как металась, ничего не видя, как спотыкалась и падала.

Нет. Я не обреку детей на то же самое.

Мысли пронеслись стремительно, за один удар сердца. Я выбежала из своего укрытия.

Плевать, что подумает Рроак! Плевать, что я человек, а они – драконы. Сейчас они лишь дети в ловушке огня. И я не оставлю их.

Я оказалась рядом с детьми в секунду.

– Кто остался внутри? Сколько?

Они молчали. Глядели на меня с испугом, вцепились друг в друга, но не убегали. Видимо, не хотели оставлять своего.

– Сколько?! – прикрикнула я.

Сейчас нет времени быть с ними мягкой. Каждая секунда на счету.
– Один, – буркнула темноволосая девочка.

Стоящий рядом мальчик ткнул ее локтем в бок, будто напоминая, что с человеком разговаривать не следует. Но девочка лишь шикнула на него и снова посмотрела на меня.

– Молчун не говорит. Вы не услышите его криков. Он либо выйдет сам, либо...

Я не дослушала. Что бы она ни собиралась сказать, это уже неважно. Молчун либо выйдет сам, либо я его вынесу. Только так. Другой правды у этой истории быть не может. Я не позволю ребенку погибнуть в огне.

Сердце билось где-то в горле. Давний страх подкрался со спины, скользнул холодными руками мне на грудь. Обнял, будто возлюбленный, и крепко сжал, как бессердечный мучитель.

Я на бегу сорвала повязку, которой Гррахара перемотала рисунок, наклонилась, зачерпнула снега и сжала в кулаке. Этого не хватит, чтобы пропитать ткань, но все же лучше, чем ничего.

– Молчун! – выкрикнула я, забегая в облако дыма.

Закашлялась, прижала влажную повязку к носу и рту.

– Молчун! Постучи! Урони что-нибудь! Дай понять, где искать тебя!

Я не знаю планировку дома. Но если предположить, что все драконьи дома похожи, то сейчас я в гостиной. А дети, скорее всего, были на втором этаже. По крайней мере, мы, будучи маленькими, всегда стремились забраться повыше. Боги, пусть в этом мы с драконами тоже окажемся похожи!

Пошатываясь и отмахиваясь от дыма, я поспешила к лестнице. Сзади что-то грохнуло. Слева обжигающим языком взметнулось пламя. Я закричала – уже не в попытках дозваться ребенка, а от страха. Почти забытый, он креп с каждой секундой. Заставлял ощущать себя не взрослой охотницей, а напуганной девочкой.

– Молчун!

Я закашлялась. Тряпка высохла, перестала спасать от дыма.

– Молчун!

Вход в первую комнату закрывала дверь. Ручка наверняка давно раскалилась. Пришлось навалиться плечом. Потом еще раз и еще.

Проклятые драконьи двери! Почему они такие крепкие?! Или ее перекосило от жара?

Зажмурившись, я кинулась на дверь в четвертый раз. Не устояла на ногах, когда та рывком распахнулась, и упала. Почти прижалась носом к полу, попыталась разобрать очертания предметов – понять, есть ли среди них силуэт ребенка.

– Молчун!!!

В соседней комнате что-то грохнуло. Не знаю, упала ли балка, или это был ответ на мой зов, но я поспешила туда. Выбежала в коридор. Закричала, уворачиваясь от падающих кусков крыши. Влетела во вторую комнату и вдруг сразу поняла, где он. Под шкафом. Тяжеленная машина опрокинулась и накрыла собой ребенка. Боги, прошу, пусть с ним все будет в порядке!

– Держись, я рядом!

Откинув тряпку, обеими руками вцепилась в край шкафа и попыталась перевернуть его. Кожа горела от жара. Дым забивался в грудь, щипал глаза. Страх пожирал душу. Кажется, я заплакала. Не знаю. Возможно, всему причиной сильная резь в глазах. А может, то были слезы отчаяния.

По языку протянулся металлический привкус – это побежала кровь из прокушенной губы. Мышцы тянуло. Ноги подрагивали. Все нутро скрутило узлом.

Ну же! Ну давай!

Я не смогла полностью поднять шкаф – только оторвать его от пола. Но этого хватило, чтобы оттуда, отталкиваясь локтями и кашляя, вылез мальчик. Даже беглого осмотра хватило, чтобы понять: правая нога сломана. Не знаю уж, из-за дверцы или еще чего – это мы выясним потом. Сейчас надо выбирать.

Когда Молчун вылез полностью, я разжала пальцы, и шкаф с грохотом упал. С потолка сорвалось несколько горящих деревяшек. Одна упала мне на ногу. Я вскрикнула, сбросила ее, откуда-то найдя силы, и повернулась к Молчуну.

– Ты должен держаться за меня изо всех сил! – выкрикнула, стараясь, чтобы он расслышал меня за ревом пламени.

Не дожидаясь кивка, подхватила ребенка, прижала к себе, накрыв его голову рукой, и побежала к выходу. Молчун обнял меня за шею,

уткнулся в нее носом. Здоровую ногу закинул мне на талию, тоже пытаюсь держаться.

Я не оглядывалась. Даже когда грохот за спиной стал почти оглушающим, продолжила бежать, смотря только вперед, уворачиваясь от вспышек пламени и падающих кусков дерева. Мы почти добрались до выхода, как вдруг прямо перед нами с протяжным треском упала горящая балка. Я взвизгнула, отскочила и стала судорожно озираться.

Окно! Тут должно быть окно! Кажется, вон там.

Не раздумывая кинулась к проему. Чуть не заплакала, поняв, что не ошиблась. И замерла, оказавшись рядом.

Окно слишком маленькое для взрослого человека. А сейчас еще и раскаленное, я не пролезу точно. Но Молчуна вытолкнуть смогу.

– Отпускай меня, – приказала я. – Отпускай! – прикрикнула, не дождавшись от мальчишки реакции. – Молчун, не бойся, все будет в порядке. Ты пролезешь в окно, окажешься в безопасности. Ну же!

Однако, вместо того чтобы отпустить, мальчик вцепился в меня еще сильнее.

– Молчун! – я почти заплакала от отчаяния.

Он мотнул головой. Всего раз, но очень уверенно. И сжал руки на моей шее, почти душа.

– Да что же ты творишь?!

Поняв, что страх не дает ему отцепиться от меня, снова кинулась к выходу. Может, получится обойти ту балку? Вдруг за дымом и пламенем я не увидела прохода?

Новый грохот заставил испуганно вздрогнуть и метнуться в сторону – подумала, еще одна балка вот-вот обрушится. Но тут услышала приказ:

– Кинара! Сюда!

Рроак! Рроак здесь!

Я кинулась на его голос, как мотылек на свет. В несколько ударов сердца добежала до проломленной в стене дыры и прыгнула. Вот так – не думая, не спрашивая, не сомневаясь. Просто прыгнула навстречу, зная: он поймает.

И он поймал.

Глава 8

Рроак на мгновение сжал нас с Молчуном в объятиях и опустил на снег.

– У него нога сломана. Точно не знаю. Надо проверить. Это к Гррахаре? Или у вас есть лекарь? А он быстро придет? Или прилетит? Надо увериться, что пострадала только нога. А в Гнездах пекут сладкие пироги для заболевших? У нас вот пекут...

Я тараторила почти без умолку, выплескивая ужас пережитого. Гладила по голове Молчуна, обнимающего меня все так же крепко. И смотрела на Рроака. Зеленые глаза стали почти красными от плещущегося в их глубине огня. Черты лица заострились, на скулах проступили желваки.

Он зол. Проклятье, как же он зол! Ведь запрещал мне приближаться к детям. А я... А я... А я ни о чем не жалею! И кинулась бы в этот горящий дом снова!

Отвечая мыслям, я невольно обняла Молчуна крепче, а он с готовностью вцепился в меня. Рроак заметил наше движение. Рыкнул с явным недовольством и опустил на корточки.

Теперь наши лица оказались почти вровень.

Я напряглась. Сейчас точно начнет отчитывать. Берготта за неповиновение ждет суд и отлучение от парящих. А меня – чужачку, охотницу? Какое наказание он уготовит мне? Неважно. Приму любое.

Я стиснула губы и хмуро уставилась в алые глаза Рроака. Он молчал. Почти минуту мучил меня ожиданием. Заставлял мысленно переживать кары, одна страшнее другой, глохнуть от шума крови в ушах и...

– Сильно испугалась?

Тихий голос самым невозможным образом прозвучал громче удара молнии. Я моргнула дважды, не понимая, не шутка ли это, и нахмурилась.

– Ты дрожишь.

– Это запал битвы!.. Точнее, пережитого и... и я... я в порядке! – ответила поспешно, сбивчиво.

Не хочу, чтобы он видел мой страх, чтобы считал слабой. Я охотница! Я не уступлю ему!

Рядом приземлился серебристо-белый дракон. Вспыхнул огнем – и обернулся человеком.

– Ах вы подхвостыши мелкие! – Гррахара затрясла кулаком на детей, сбившихся в кучку, словно воронята в гнезде. – Я вам говорила не соваться сюда? Говорила? А вы?! Хотите сдерживающие оборот письма?

Дети тут же заголосили. Принялись заверять, что они ничего плохого не хотели, и вообще дом выглядел крепким-крепким, а Молчун ни знаком, ни жестом не дал понять, что вот-вот обернется. И если бы не он, то ничего бы не случилось. Клятвенно заверяли, что больше и близко не подойдут к каменной чаше и...

– И еще хоть раз я увижу вас рядом с заброшенными домами – письмами обзаведетесь аж на две зимы! – буйствовала Гррахара. – Вам это ясно?!

На сей раз дети ответили молча – закивали так старательно, что казалось, еще чуть-чуть – и тонкие шейки переломятся.

Наконец Гррахара подошла к нам. Хмуро осмотрела Рроака, меня, потом остановилась взглядом на ноге Молчуна.

– Отпускай его, Кинара, – вздохнула она, приседая.

Я же не смогла сдержать удивления. Кинара? Не охотница?

Руки разжались. Будто очнувшись, я ощутила, как сильно ноют мышцы и печет кожу на лопатке слева. Рроак попытался снять с меня Молчуна, но тот упрямо держался. Не закричал, не засопел – только задышал чаще, явно от натуги.

Я растерянно посмотрела на Рроака. Увидела неверие в его взгляде, но почти сразу оно исчезло, уступив место решительности.

– Отпусти немедленно, – приказал он холодно.

Не попросил – приказал. И Молчун тут же перестал хвататься за мою шею. Только взглядом серых, словно горы, глаз цеплялся за мой взгляд. Русые волосы растрепались, лицо покрыла сажа. Сам маленький, худой. Сколько ему?

– Шесть, – хмуро отозвался Рроак, стоило задать последний вопрос вслух.

Шесть... И не говорит. Даже не заплакал из-за сломанной ноги. Сам выполз из-под шкафа. Отказался уходить один. И держался так

крепко, изо всех сил...

Глаза защипало.

Не понимая до конца, что и почему делаю, я потянулась следом. В серых глазах промелькнула тень – будто Молчун на секунду усомнился, а потом он задергался, попытался вырваться из крепкой хватки Рроака. И смотрел... смотрел с таким отчаянием, что я не выдержала:

– Рроак, пожалуйста, – взмолилась, наплевав на гордость охотницы. – Я... я...

Что – я? Боги, что я творю? О чем хочу попросить? Не знаю. Только чувствую, что не могу отпустить этого ребенка.

– Ты должна держать себя в руках, Кинара, – жестко осадил Рроак. – Обещание, которое ты мне дала, помнишь? – Я закусил губу, соленую от крови, и кивнула. – Вот и не забывай. А ты успокойся! – еще жестче потребовал он от Молчуна.

Тот вмиг притих. Бросил на Рроака упрямый взгляд и снова повернулся ко мне. Я кивнула.

Рроак прав. Мне нельзя становиться хорошей для этого ребенка. Но что гораздо важнее – я не имею права привязываться к нему. Нужно сейчас, пока еще можно, задушить ростки этого неправильного для охотницы чувства.

И все же, когда Рроак передал Молчуна Гррахаре, а та, отойдя на несколько шагов, обернулась драконом и бережно понесла мальчика в лапах, я не смогла отвести от него взгляда. Все во мне тянулось следом, стремилось оторваться от земли и тенью полететь за ними. Остаться рядом.

Рроак вновь оказался совсем близко. Присел, принялся осторожно осматривать мою лопатку и ногу, на которую упал горящий кусок крыши. Не знаю точно, я не обратила внимания – все всматривалась в небо, тщетно надеясь сквозь падающий снег различить бело-серебристого дракона Гррахары.

– С ним все будет в порядке. Гррахи и не такие переломы лечила.

Я кивнула. Кожу жег взгляд Рроака, но я не повернулась, чтобы встретить его. Просто не могла. Возможно, эмоции после пережитого еще не схлынули и поэтому Молчун стал для меня вдруг так важен? Я не знаю, в чем причина. Но сейчас и не хочу ее знать.

– Подожди несколько минут. Я закончу с детьми и займусь тобой.

Рроак поднялся и тяжелой поступью направился к драконятам.

– П-простите, кахррар, – первым пискнул мальчик, который в свое время тыкал девочку локтем в бок. – Мы правда не специально.

– Не специально что? – Рроак скрестил руки на груди. – Не специально ослушались Гррахару? Не специально полезли в заброшенный дом? Или... – он прищурился, – не специально свалили всю вину на Молчуна?

Дети смотрели на Рроака с одинаково повинным выражением лиц.

– Но ведь Молчун правда не дал нам знать, что вот-вот обернется! Он сам виноват! Вот пусть и отвечает.

– Вообще-то он показывал на грудь, тер ее... – вспомнила девочка, которая первой заговорила со мной.

– Ну и что! – тут же взвился мальчишка и снова попытался ткнуть в подругу локтем. На этот раз она увернулась. – Может, у него просто шнуровка на рубаше мешала или еще что...

– Агрей, – холодно оборвал его Рроак. – Кто вы?

– Драконы.

– Стая, – тихо подсказала девочка. – Крылья и шипы друг друга.

– Именно, Тира. И если вы сейчас не научитесь понимать друг друга, а что важнее, – Рроак внимательно посмотрел на Агрея, – защищать друг друга, то вам не стать истинными парящими. Это понятно? – Дети снова закивали. – Хорошо. Вы ослушались Гррахару – значит, и наказание для вас выберет она. Для всех вас, – подчеркнул он, стоило Агрею открыть рот. – А теперь живо домой.

Дважды повторять не пришлось. Едва получив разрешение, дети сорвались с места и бегом кинулись к выходу из каменной чаши.

Я проводила их взглядом, потом повернулась к Рроаку:

– Парящие – это камни в защитной стене Северных Гнезд?

Неужели здесь тоже, как в Ордене, обезличивают, даря за это ощущение единства?

– Нет, Кинара. Парящие – это наша опора и будущее. Каждый из них бесконечно ценен. Им надо научиться доверять друг другу, быть готовыми прикрыть спину или подставить крыло. Когда-нибудь может оказаться так, что им не на кого будет рассчитывать.

– Но почему?

Рроак повернулся и посмотрел туда, где еще недавно стояли дети.

– Их мало... Всего шестнадцать, считая тех, что еще слишком малы, чтобы ходить самостоятельно. А к моменту, когда им придет час пролететь под солнцем, возможно, их будет и того меньше.

– Почему? – повторила я растерянно.

Рроак поймал мой взгляд. Секунды две или три медлил, будто решаясь, стоит ли отвечать.

– Потому что мы вымираем, Кинара.

* * *

В первое мгновение показалось, что я ослышалась. Как это – вымирают? Отцы всегда твердят, что драконово племя расплодилось, как тараканы. Что их потому и надо убивать – не только ради защиты поселений, но и чтобы сдерживать опасный рост.

– Наши дети рождаются нечасто. Сам Первопредок не дает нам завести следующего ребенка, пока первый не достигнет оборота. А у всех это разный возраст. У Молчуна оборот случился рано. Очень рано. Обычно это происходит к одиннадцати-двенадцати годам. И не всегда к тому моменту оба родителя остаются в живых. Драконов мало, Кинара, а охотников слишком много.

– Ты поэтому решил открыть людям вашу тайну?

– Да. Надеюсь, для нас еще не все потеряно.

– Но почему вы не открылись раньше?

– Потому что предыдущий кахррар ненавидел ваше племя, как и все кахррары до него.

– А ты?

– Тоже ненавижу, – Рроак пожал плечами. – Но свой народ люблю больше.

Я нахмурилась. Вгляделась в его лицо, отметила следы усталости, которую Рроак старается не показывать; беспокойство за благополучие целого клана... Почему я не замечала этого раньше? Не видела за ненавистью других эмоций? И почему мы, охотники, не испытываем похожих? Любят ли нас праведные отцы? Думаю, да. Но скорбят ли они, когда мы умираем? Не уверена.

Я видела много поминальных костров, слышала много речей, пропитанных горечью утраты. Но не чувствовала за ними истинной

скорби. Может, просто не замечала? Нет, дело в другом. По прошествии траура имена павших стираются из нашей жизни. Вырванные камни из защитной стены заменяют новыми, и праведное дело Ордена ведет нас дальше.

– Хватит сидеть на снегу, Кинара.

Рроак улыбнулся, обошел меня со здорового бока и аккуратно взял на руки. Я испуганно дернулась, попыталась вырваться, уверить, что легко дойду сама, но Рроак лишь усмехнулся мне в волосы.

– Я знаю, что ты сильная; не нужно мне это доказывать. Но хотя бы иногда позволь чувствовать, что я сильнее.

Я вскинула на него удивленный взгляд:

– Зачем тебе это?

– Кто знает, охотница? Может, мне просто нравится смотреть, как меняется выражение твоего лица в такие моменты.

Рроак шел легко. Так, будто я ничего не весила. И почему-то мне нравилось это: чувствовать его силу и свою... слабость?

Мысль испугала.

– А почему ты не обернулся драконом? Гррахара отнесла Молчуна в лапах.

Я старалась держаться бесстрастно. Так, будто его близость не будоражила, не рождала опасные мысли и чувства. Проклятье! Сейчас мне действительно лучше оказаться в когтях у зверя, чем на руках у Рроака.

– Надо же, – протянул он, – охотница рвется к чудовищу в лапы. А мне казалось, полет тебе не понравился.

– Я... – выдавить из себя признание оказалось неожиданно сложно. Пришлось кашлянуть, возвращая голосу твердость. – Я думала, что полечу верхом, а не в лапах. Как корова.

Рроак засмеялся. Открыто, искренне. Его руки крепче прижали меня к сильному телу.

– Прости, что тогда вспомнил их, – отсмеявшись, произнес он. – Не знал, как еще тебя успокоить.

– Но почему нельзя было пустить на спину?

– Во-первых, драконы – не ездовые животные и почти никого не допускают к себе на загривок.

– Почти?

Зеленые глаза хитро блеснули, однако Рроак не ответил. Вместо этого продолжил:

– А во-вторых, ты бы не удержалась. В тот момент ты была слишком слаба, да и усидеть меж шипами без привычки крайне сложно.

– То есть, чтобы удержаться, нужна привычка, которую не разработаешь, потому что вы никого на спину не пускаете? Очень здорово устроились!

Рроак снова рассмеялся. И я против воли залюбовалась.

Боги, до чего же у него приятный смех! И лицо меняется в такие моменты – перестает казаться хмурой маской. Так бы и смотрела... Но нельзя. Нельзя поддаваться этой слабости.

Я с силой сжала левую ладонь в кулак. Впилась ногтями в кожу, отрезвила себя болью.

Рроак почувствовал напряжение в моем теле. Посмотрел с немым вопросом, но я лишь покачала головой. А потом, поняв, что таким ответом Рроак не ограничится и попытается вызнать причины, спешно перевела тему:

– Почему ты не предупредил, что хочешь сделать нам парные рисунки?

Здрав рукав, я принялась рассматривать припухший узор. Пока Гррахара колола, толком и не вглядывалась – следила за самой драконицей. А ведь красиво получилось! Действительно крыло дракона, да еще так старательно выполненное. Будто настоящее...

– Для тебя это ничего не меняет, – Рроак тоже посмотрел на мой рисунок. – Да и для меня, если задуматься. Мы уже связаны. Просто... мм... скажем, я решил перестать это скрывать.

– Но почему?

– Потому что это защитит тебя, Кинара.

Теперь внимательный взгляд был прикован к моему лицу. Щеки нагрелись, сердце забилось быстрее.

– Теперь каждый дракон Северных Гнезд знает, что ты моя.

Глупое сердце забилось еще быстрее. Великие боги, да что же это со мной? Куда подевалось хладнокровие охотницы?

Губы защипало, как после аррахи. Я приоткрыла их, задышала глубже, будто это могло сбить волнующее чувство. Но нет. Стоило

заметить, как потемнел взгляд Рроака, и странное ощущение на губах усилилось.

Я не выдержала. Зажмурилась и спрятала лицо у Рроака на груди.

Пусть недостойно охотницы показывать слабость. Пусть! Сейчас во мне не осталось сил противостоять этому дракону. Любому другому – легко! Но именно перед Рроаком я пасую. Наверное, всему виной его кровь во мне. Да, наверняка дело в этом. Или я до сих пор не успокоилась после пожара. В любом случае уверена: то, что Рроак назвал меня своей, не задело моих чувств. Ни капельки!

Стараясь отвлечься, вновь сменила тему:

– Дом ведь загорелся из-за Молчуна? Из-за его оборота?

– Да. Причем если бы он остался в теле дракона, то смог бы вырваться из пламени. Но он испугался и инстинктивно вернулся в привычный облик. Надо созвать совет парящих.

– Из-за пожара?

Рроак покачал головой:

– Между первым и вторым оборотом всегда проходит много времени: от шести до восемнадцати месяцев. Это необходимо, чтобы тело закончило перестройку. Но важно другое: после первого оборота проводится обряд наречения. Это старая и очень важная для нас традиция, Кинара. Мы не можем отступить от нее даже сейчас.

– Почему «даже»?

– Потому что никто не видел, какого цвета ящер Молчуна. Я расспрошу детей, но сомневаюсь, что будет толк. Каждый знает, как важен цвет и первый оборот. Если бы они видели, сказали бы сразу.

– А нельзя назвать, не зная цвета?

Я перестала прижиматься к груди Рроака и снова посмотрела ему в лицо.

– Цвет, точнее, его близость к пламени определит силу. А сила определяет выбор имени: достоин ли новый дракон рыка, с которым остальные будут к нему обращаться?

Я задумалась. Мысленно покатала на языке имена Рроака, Гррахары и Берготта. А ведь правда: имя Берготта глухое. «Р» почти проглатывается, а «т» звучит долго.

– У Гррахары дракон белый, а имя сильное, – заметила отстраненно.

Рроак снова усмехнулся.

– Ты когда-нибудь смотрела на зажженную свечу? – Я кивнула. – Значит, ты видела, что в центре пламя кажется почти белым. Для нас это тоже сильный цвет.

– А что бывает, если вы ошибаетесь с наречением?

Рроак посмурнел.

– Еще никогда мы не называли вслепую. Но есть поверье: если дракон будет назван именем, которого недостойн, его покарает сам Первопредок.

Сердце испуганно сжалось.

Из-за того, что Молчун испугался и слишком быстро обернулся человеком, его ждет... кара их божества?

Глава 9

Рроак принес меня в дом Гррахары. Зашел без стука, уверенно двинулся к лестнице.

– А я уж решила, не явитесь, – фыркнула драконица, встречая нас на втором этаже. – Неси ее в рабочую комнату.

Кивнув, Рроак прошел мимо первой двери и толкнул следующую.

Рабочая комната оказалась чем-то средним между спальней и кабинетом. У дальней стены ютилась узкая кушетка на одного, с потолка свисала плотная штора, которая легко могла спрятать спящего от посторонних глаз. У окна замер огромный стол с выдвижными ящиками. Над ним висела обтянутая холщовой тканью доска, истыканная иголками поверх клочков бумаги. На полке, чуть левее и выше стола, выстроились книги.

Шкаф с реечными дверцами, два сундука, обшитых железом, легкий стул и тяжелое массивное кресло, вешалка с фартуком и нарукавниками, стеллаж с разномастными баночками и пузырьками. Плетеные корзины и ящики с закрытыми крышками. Я едва успела осмотреться, как Рроак ссадил меня на кушетку. Тут же, закрывая обзор, передо мной возникла Гррахара.

– Подожди в гостиной. Я все сделаю.

– Могу подождать и тут, – отозвался Рроак, явно дразня. Только кого? Гррахару? Или меня?

Она повернулась, уперла руки в бока и задрала голову – все-таки росточком Гррахара сильно уступает Рроаку. Но, что удивительно, даже в таком положении она умудрялась смотреть на него сверху вниз.

– Держи кровь в узде, кахррар! Ни одна дева еще не оказывалась обнаженной пред мужчиной, пока я работаю. Охотница ли, дракон – неважно. Честь есть честь.

Рроак улыбнулся. Причем так довольнo, будто мальчишка, услышавший похвалу.

– Ты не меняешься, Гррахи.

Он развернулся и шагнул к выходу.

– А с чего бы мне меняться? Из ума-то, поди, не выжила, – пробурчала она. И тут же крикнула вдогонку: – На кухне рагу, а

в холодном стоит банка взвара на меду. Только не бери синюю чашу, она треснула!

Рроак негромко рыкнул в ответ. Я не поняла: просто ли это рык, или он что-то значит. Но Гррахара довольно прищурилась.

Потом повернулась ко мне. Хмуро оглядела и заключила:

– Платье придется резать.

– Простите...

Стало неловко. В Ордене каждая рубаха на счету, и если уж какой ловкач умудрялся порвать свою, то ходить ему потом либо с прорехой, либо со штопкой. Причем, как правило, кривой, потому что вещи мы чиним сами. Любой охотник мастерски обращается с дайгенором, но сладить с иглой и ниткой дано не каждому. Новые же рубахи нам дарят раз в год – на праздник божественного равноденствия.

Наверняка и Гррахара сейчас с трудом сдерживает злость. Еще бы! Из-за какой-то чужачки придется резать красивое платье!

Однако драконица посмотрела на меня как на умалишенную.

– «Простите»? – переспросила она, будто все еще сомневаясь в услышанном. – Девочка, ты спасла Молчуна – нашего ребенка. Одно из шестнадцати сокровищ Северных Гнезд. И теперь переживаешь... из-за платья? Милая, да сожги ты их хоть все, никто бы и слова против не сказал! За жизни наших детей мы готовы заплатить любую цену. И ты... – тут старуха замолчала и на миг отвернулась. Потом снова посмотрела на меня. – Спасибо, что спасла его, Кинара. Спасибо, – повторила она еле слышно.

Я кивнула:

– Он в порядке? Ему не было больно, когда вы фиксировали кости?

Что-то изменилось во взгляде Гррахары – раньше всегда холодный, он потеплел:

– Не беспокойся. Я умею нейтрализовать чужую боль. Молчун даже не заметил, как я все сделала.

Я улыбнулась и покачала головой:

– Так не бывает.

– Думаешь? А ты заметила, как я распорол платье вокруг твоей лопатки?

– Что?!

Я крутанулась, пытаюсь заглянуть себе за спину. Услышала тихий, полный довольства смех, но не повернулась на звук. Сейчас я во все глаза таращилась на свое плечо, с которого свисали лоскуты некогда красивого платья.

– Но... но как вы успели? Ведь даже ткань не трещала!

– Старая и талантливая, помнишь? – подмигнула Гррахара. – Не стоит забывать об этом. А теперь не дергайся, я нанесу мазь. Будет холодить.

Поднявшись с кушетки, она достала пузатую банку, на две трети заполненную бело-желтой кашицей. По правде сказать, на мазь это было похоже весьма условно, но спорить я не стала. Послушно развернулась так, чтобы Гррахаре было удобнее работать, и зашипела, когда кожу защипало.

– Точно! Холодить и пощипывать! – спохватилась старуха. – Чувствовала, что что-то забыла...

– Не придумывайте. Вы снова смеетесь надо мной.

Сзади хмыкнули.

– Может, и так. А может, я начинаю относиться к тебе как к дракону – кто знает? Любой дракон вытерпел бы эту боль. Вот и ты вытерпела.

– Я не дракон, – возразила хмуро.

– Разве? Ты живешь в поселении драконов. Носишь одежды драконов. Ешь еду драконов. И рискнула жизнью, чтобы спасти ребенка драконов. Так кто же ты?

– Я...

Слова вдруг кончились. А правда, кто я? Сирота? Охотница? Рожденная убить дракона?

– Я... я не знаю.

Взгляд скользнул к лицу Гррахары. В добрых морщинках вокруг губ и глаз читалось понимание. Она словно узнала что-то, что для меня пока оставалось загадкой.

– Ничего страшного, Кинара. Придет час, и ты во всем разберешься. Первопредок присмотрит за тобой, поэтому не бойся.

Старуха вернула банку на место, вытерла руки о полотенце, снова осмотрела мой ожог.

– Так, сейчас посиди-ка без движения минут пять. Пусть первый слой мази впитается. Потом я нанесу второй и хорошо замотаю твои

спину и грудь.

– Вы уходите?

– Ненадолго. Надо переговорить с Рроаком. Жди здесь.

Я кивнула. Проводила Гррахару взглядом, попыталась изучить покрытую липким слоем лопатку. Потом принялась ждать.

Время текло медленно. Уже через минуту я начала скучать, но, помня о просьбе, осталась на месте. К концу десятой минуты я изучила взглядом каждый миллиметр комнаты, каждую банку, каждую бирку, неровно приклеенную к пузатым бокам.

Судя по всему, у драконов что пять минут, что десять, что час – все едино. Надо напомнить о себе. Гррахара говорила, что после обработки ожогов хотела продолжить лечить мою кровь. А это тоже может занять немало времени. Я не готова провести тут целый день. Пусть Рроак против, но я должна узнать, что с Молчуном, увидеть его хоть одним глазком – убедиться, что он действительно в порядке.

Придерживая на груди платье, чтобы оно не свалилось, я вышла в коридор. Прислушалась. Кажется, с первого этажа доносятся приглушенные голоса. Но почему такие тихие? Ладно, спущусь – там и выясню.

Двигаясь тихо, как истинная охотница, я миновала лестницу и почти вошла в гостиную. Но тут услышала:

– Ты не можешь разделить их, Рроак!

Гррахара шипела, явно пытаюсь сдерживаться, но проигрывая клочкущему в ней раздражению.

– Я кахррар! И ради защиты будущего парящего я могу и обязан это сделать! Кинаре лучше держаться от Молчуна как можно дальше.

– Ты видел мальчика, видел его реакцию! Ты знаешь, что это значит!

– Кинара охотница и...

– И что, кахррар? Из опасения перед ее племенем готов рискнуть драконом? Готов к тому, что он так и останется молчаливым? Неужели ты не хочешь, чтобы он заговорил?

– Дело не в этом, Гррахи.

– А в чем тогда?

– В Молчуне. Если мы ошибемся, платить придется ему, а я не уверен, что он справится.

Раздался тяжелый вздох:

– Понимаю. И мне тоже страшно. Но только у нас нет иного выбора. Мы обязаны рискнуть.

* * *

Я замерла, не зная, как поступить. Войти и дать понять, что подслушала? Или быстро вернуться в рабочую комнату? Сомневаюсь, что драконы обрадуются случайному свидетелю их разговора, но если утаить правду – наверняка будет только хуже.

Да, лучше выйти сейчас.

Я глубоко вдохнула, уже подняла ногу, собираясь сделать шаг... Но вдруг входная дверь распахнулась. Холодный ветер ворвался, как голодный зверь, стремительно промчался, заглянул в каждый уголок в поисках добычи и взметнул мои косы. На мгновение они закрыли взор рыжей пеленой, а когда упали – я встретила взгляд черно-золотых глаз.

Доля секунды на узнавание, понимание случившегося и...

– У вас лишние уши, – оскалился Берготт, проходя внутрь.

Я скрипнула зубами с такой силой, что сама передернулась от неприятного звука. И поспешила выйти.

– Гррахара, – беззаботно улыбнуться было непросто, но я справилась, – простите, что не дождалась. Мазь впиталась, а вы говорили, надо нанести второй слой.

Я подошла ближе и повернулась спиной к Гррахаре, показывая лопатку. Чувствуя внимательные взгляды всех трех драконов, добавила:

– Кожу тянет. Так и должно быть?

– Должно, – холодно согласилась Гррахара.

Обернувшись, я встретила ее внимательный взгляд. Снова улыбнулась, стараясь выглядеть так, будто мне не о чем переживать, и уточнила:

– Подняться в рабочую комнату?

– Ты правда подслушивала? – почти одновременно со мной произнес Рроак.

Сердце на миг замерло, а когда я посмотрела дракону в глаза, тяжелым камнем рухнуло вниз. В груди стало так больно, что я с трудом поборола желание согнуться.

Лицо Рроака застыло: скулы заострились, губы плотно сжаты, во взгляде презрение. Никогда прежде, даже в пещере, Рроак не смотрел на меня так. Будто он разочаровался во мне. Словно я предала его.

Все во мне мучительно напряглось. Давление на спину стало сильнее. Казалось, опусти сверху хоть перышко – и я не выдержу. Переломлюсь пополам, как сухая ветка.

Я не хочу, чтобы Рроак видел во мне предателя. Только не теперь!

Губы шевельнулись, но так и не произнесли лживое «нет». Я не могу соврать ему.

Рроак криво дернул уголком рта:

– Хотя чего еще ждать от охотницы. Интересно, как часто ты это делала? Видимо, с первого дня? Поэтому так часто рвалась уйти гулять? Все ходила и вынюхивала?

– Что? Нет, Рроак! Это просто случайность! Я спустилась и...

– И что? Воспользовалась шансом подслушать чужой разговор? Мы открылись тебе, охотница. Показали многое. Но есть вопросы, которые касаются только драконов. И тебе не стоит совать в них нос!

– Рроак, нет! Подожди!

Я кинулась к нему, попыталась схватить за руку, но он рывком стянул мои пальцы.

– Довольно. Иди наверх. Гррахара, закончи все, что собиралась, и проводи охотницу в мой дом. Дверь запири.

Берготт глядел на меня хмуро, будто, как и остальные, не одобряя моего поступка. Но во взгляде его вновь – как в переулке – читалось торжество.

Я же едва сдерживалась, чтобы не заплакать от обиды. Зачем он так со мной? Разговор, пусть и косвенно, касался меня. Откуда такая реакция? На что?

– Пойдем.

Гррахара схватила меня за руку и силком потащила к лестнице. Я кусала губы, глотая тугий ком, который упорно вставал в горле. Постоянно моргала и поднимала взгляд вверх, не позволяя слезам пролиться. Я охотница! Я умею держать удар!

Мы вернулись в рабочую комнату. Сев на кушетку, я повернулась полубоком и подставила лопатку под пальцы Гррахары. Кожу вновь ощутимо закололо, но на этот раз я не издала ни звука.

Несколько минут Гррахара работала в тишине. Потом не выдержала:

– Вот надо было тебе подслушивать! Вышла бы – Рроак бы не прогнал. А теперь... – она вздохнула и снова замолчала.

Я же молчать не стала. Рывком обернулась и вперилась в драконицу взглядом:

– Да я даже минуты там не простояла! Еще секунда, сама бы вышла! И не надо было бы устраивать драму на пустом месте!

– Не на пустом, – она качнула головой. – Ты не понимаешь, охотница. То, что Рроак сделал: принес тебя к нам, поручился за тебя, дал каждому понять, что вы связаны, – это доверие. Вряд ли дракон может показать открытость еще больше. Разве что пустить на спину, – сухие губы слабо дрогнули в намеке на улыбку. – Рроак принял тебя, заступился перед парящими. А ведь многие из них были против. Некоторые даже искали способ убить тебя, не нарушив принесенной Рроаком клятвы.

Тяжелая каменная броня, сковавшая сердце, дала трещину.

Рроак заступился за меня? Защитил?

– К тому же, – продолжила Гррахара, – мы говорили о Молчуне. А дети для нас почти священны. Думаю, в Рроаке разыгрались инстинкты – он увидел в тебе охотницу, вынюхивающую правду о слабом детеныше. Удивительно, что ему удалось сдержаться и не напасть.

Сказанное про инстинкты я проигнорировала. Вместо этого зацепилась за другое:

– «Слабом детеныше»? Молчун сильный! Он сам выполз из-под шкафа, когда мне не хватило сил его опрокинуть, и...

– Я о другом, – Гррахара покачала головой. – Молчун уязвим. Причем сейчас – как никогда прежде. И Рроак переживает, что ему не хватит сил со всем справиться.

– Тогда позвольте мне помочь! Что бы вы ни обсуждали, я поняла главное: мы с Молчуном как-то связаны. Ему не придется справляться со всем в одиночку, если я буду рядом.

Гррахара прищурилась. Обвела взглядом мое лицо, снова посмотрела в глаза. Причем так, будто пыталась прочесть в них мои мысли.

– Зачем тебе это? – спросила она наконец. – Он ведь дракон. В будущем, вероятно, он разорвет одного из ваших. А может, и не

одного.

По телу будто прострелила молния. Я дернулась, не сумев сдержаться, и инстинктивно отстранилась. Не от Гррахары – от правды.

Молчун вырастет и убьет кого-нибудь из Ордена? Того, кто, как и я, потерял семью, близких? Кто обрел новый дом и цель?

Внутренности стянуло тугим узлом. Я с шумом выдохнула и прижала напряженные пальцы к животу.

– Я не могу...

Взгляд метнулся к глазам Гррахары – с узкими, как игла, зрачками. Я смотрела в них, но видела другие – светло-серые, словно горы. Глаза Молчуна. Вспомнила, как он цеплялся за меня, как пытался вырваться из хватки Рроака, несмотря на приказ, как шумно дышал мне в шею, не желая отпускать.

– Я не могу...

В Ордене говорят, что нет преступления страшнее, чем повернуться спиной к собратьям по оружию. Что за столь подлое деяние боги проклинают: отравляют сердце, душу и кровь предателя. И даже после смерти не обретет он покоя – так и будет мучиться в вечной агонии, переживая гибель каждого, от кого отвернулся. Чувствовать их боль и заходиться в немом вопле, ибо боги лишают предателей голоса. Чтобы не было им облегчения даже в крике.

– Я не могу... – прошептала одними губами. – Не могу иначе. Я должна быть рядом с ним.

Пусть боги проклинают меня! Если когда-нибудь из-за Молчуна погибнет охотник, я приму высшую кару. Но из-за страха перед будущим я не откажусь от настоящего. Не только я нужна Молчуну, он тоже нужен мне. Не знаю почему. Однако чувствую, как все во мне тянется к этому ребенку.

Гррахара не спешила с ответом. Помолчала, будто давая шанс забрать слова назад, и вздохнула:

– Рроаку надо остыть. Потом я с ним поговорю. Кто знает, может, Первопредок не зря свел ваши с Молчуном пути? Может, благодаря тебе, он снова заговорит?

Я нахмурилась.

– Разве он не немой?

– Нет, Кинара. Он замолчал в ту осень, когда охотники убили его мать.

Глава 10

После разговора о Молчуне Гррахара закрылась. Она словно ушла в себя, перестала отвечать на вопросы, а если все же делала это, то ограничивалась двумя-тремя словами. Закончив с лопаткой и ногой, которая пострадала совсем немного, Гррахара принялась лечить мою кровь.

Я больше не пыталась завести разговор. Была ли погибшая драконица близкой подругой Гррахары, или она переживает боль утраты каждого дракона? Не знаю. Но беречь чужую душу я не стала.

Голубые глаза потускнели, морщины на лице будто стали глубже. Скорбь накрыла Гррахару, как сошедшая лавина предгорную деревню. Меня же накрыл стыд. Не только за смерть матери Молчуна – за ту радость, с которой мы отмечаем убийство каждого дракона. За праздничные костры, танцы и показательные сражения на дайгенорах. За смех, что не смолкает в такие дни.

Кто же все-таки настоящие чудовища? Драконы? Или мы? Уже не уверена, что знаю ответ на этот вопрос.

Когда Гррахара отняла ладонь от моей груди и тяжело поднялась, я подскочила следом. Обвила ее руку своей и поймала полный недоверия взгляд.

– Нога ноет, – выдала первое, что пришло в голову.

Гррахара хмыкнула. Не сомневаюсь, в мою ложь она не поверила ни на секунду. Однако и вырываться не стала.

Мы зашагали рядом. Обе держались непринужденно, словно просто идем под руку, как давние подруги. Затем я почувствовала, как Гррахара медленно, явно борясь с собой, оперлась на меня. Я поймала очередной внимательный взгляд, но не повела и бровью.

Да, Гррахара, я не вижу твоей слабости. Знаю, ты наверняка потратила много сил на помощь нам с Молчуном и сейчас держишься на ногах из чистого упрямства. Но еще я знаю, каково это – когда не желаешь показывать уязвимость. Вокруг тебя врагов нет. И даже я тебе не враг. Но если гордость не позволяет тебе быть слабой среди своих, я поддержу.

Мы миновали пустую гостиную, вышли на улицу, шагали чинно и размеренно. Разговаривать не пытались. Лишь оказавшись в доме Рроака, я нарушила молчание:

– Вы хотите запереть меня в комнате? Или я могу остаться в гостиной?

Да, Гррахара, я не заставлю тебя подниматься по лестнице, если только ты сама не решишь иначе.

Морщинки в уголках глаз собрались рыбьими хвостами, когда она улыбнулась. Ее взгляд потеплел:

– Иногда ты ведешь себя как охотница: как та, кого мы привыкли опасаться и ненавидеть. А иногда я вижу в тебе дракона. Сильного, гордого, честного. Это сбивает с толку, Кинара. Неудивительно, что и Рроаку тяжело. Ведь кроме охотницы и дракона он видит в тебе женщину с пламенем в волосах.

В первую секунду все во мне встрепенулось, но почти тут же ошетинилось иглами.

– О да, – едко протянула я, – как же забыть об этих волосах. У людей ли, у драконов – их всегда замечают вперед меня самой. Ладно, Гррахара, спасибо, что проводили. А теперь я бы хотела побыть одна.

Отпустив ее руку, я в несколько быстрых шагов пересекла гостиную и тяжело рухнула в кресло. Причем в то, которое стоит спинкой к Гррахаре. Не хочу ловить на себе очередной внимательный взгляд.

Иногда кажется, она смотрит не на меня, а куда-то вглубь. Жуткое чувство: будто кто-то может читать мои мысли. Или и того страшнее – душу.

Сзади раздался шумный вздох. Гррахара помолчала, потом что-то тихо пробубнила и вышла. Раздался щелчок замка.

Я фыркнула. Скрестила руки на груди и уставилась на черные головешки в камине.

Отцы всегда ругали мой характер. Говорили, он слишком горячий, а истинное дитя Ордена должно иметь холодный рассудок и спокойное сердце. В мою пятнадцатую зиму, когда эмоции особенно бунтовали, отцы принялись воспитывать во мне смирение. Мне надлежало пройти три испытания: выдержать двенадцать плевков, принять удар двенадцати брошенных камней, не разозлиться на двенадцать бранных слов. И последнее оказалось самым сложным.

Братья и сестры, тренировавшие меня, знали мои слабые места и били прицельно. Я могла выдержать насмешки над моей неловкостью; могла сдержаться, когда зло отчитывали за любой из прошлых проступков. Но когда начинали винить меня за смерть деревни, говорить, что проклятые волосы притянули пламя, я не выдерживала. Хватала все, что попадалось под руку, а иногда и с голыми кулаками кидалась на обидчика.

Отцы подолгу отчитывали меня за несдержанность. Напоминали, что не всегда охотники успевают уничтожить дракона вовремя. Что порой те сжигают поселения – и ответ перед жителями несем мы. Что когда это случается, вместе с проклятиями в нас летят камни. Потерявшие близких ищут виновного, на которого можно выплеснуть боль. И задача охотника – принять эту боль со смирением. Мы не только защитники, убивающие чудовищ; мы еще и громоотводы, принимающие чужую злость на себя, чтобы она не попала ни в кого другого. В этом наше призвание.

Взгляд расплывался. Мысли кружили, словно снег за окном. И, вторя ему, они успокаивались. Сомнения отступали. Впервые за прошедшие дни я смогла взглянуть на мир без страха предать заветы Ордена.

Долг каждого охотника – уничтожать чудовищ. Но правда в том, что вокруг себя я не вижу чудовищ. Я могу встать на сторону Рроака, Гррахары или Молчуна и не чувствовать себя предательницей. Наоборот: если задуманное Рроаком удастся, мы спасем жизни не только драконов, но и охотников. Никому не придется погибать в сражениях.

К моменту, когда в замке провернулся ключ, я успела привести себя в порядок, переодеться и даже разжечь огонь в камине.

Рроак вошел, огляделся. Дошагал до шкафа с аррахи, щедро плеснул себе в фужер и устроился напротив меня. Ни один из нас не спешил заговорить – мы только смотрели глаза в глаза, будто ведя немой диалог. И тем неожиданнее прозвучало:

– Церемония наречения Молчуна уже завтра.

– Разве он готов?

– У него нет выбора. Мы не можем ждать: согласно традициям наречение проводят на новую луну. Новая луна – новое имя, новый этап в жизни дракона.

Я скрипнула зубами. Что за шутки? Таких совпадений просто не бывает!

Будто подумав о том же, Рроак заметил:

– Первопредок испытывает этого ребенка. Остается только надеяться, что после наречения трудности закончатся.

– Вы уже выбрали имя?

– Нет. Имя рождается само во время обряда. Мы лишь можем контролировать процесс, направлять его, опираясь на цвет дракона. Но в этот раз придется действовать вслепую.

Рроак замолчал, причем так, будто пытался не дать себе сказать что-то еще. Я напряглась:

– Это ведь не все новости?

Он криво усмехнулся и разом ополовинил фужер. Шумно выдохнул, сжал пальцами переносицу, снова посмотрел на меня. Его нежелание отвечать... напугало. Заставило строить догадки одну страшнее другой. Но я не спешила их озвучивать.

– Завтра ты будешь присутствовать на наречении, – наконец произнес он. – Молчун тебя не увидит, но сможет почувствовать. Если же этого не случится, ты никогда не посмеешь к нему приблизиться.

– А если случится?

– Тогда ты поделишь с кланом ответственность за его жизнь.

* * *

Церемония началась в сумерках. Меня отвели в огромный зал, спрятали за одной из десятков выставленных ширм и приказали не издавать ни звука. До самой церемонии оставался почти час. Этого времени должно хватить, чтобы ароматы трав и масел перебили мой запах.

Еще утром Гррахара принесла мне новое платье и цветные ремешки для кос. Не слушая возражений, заплела волосы, украсила на свой вкус. Потом достала еще одну кожаную ленту – более широкую, с выбитым узором, расшитую мелким бисером, – и повязала ее мне на лоб.

Темно-зеленое, словно поздняя листва, платье выглядело изящнее и дороже тех, что я носила раньше. По манжетам и поясу тянулась

затейливая строчка – будто закручивающиеся волны на прибрежной линии. На груди ткань собиралась широкими вертикальными складками. Юбка расходилась красивыми клиньями. Привычную жилетку сменила мягкая шаль, тонкая, но удивительно теплая.

Перед тем как выйти из дома, я глянула в зеркало и на секунду замерла. Непривычно видеть в отражении не охотницу в простой одежде, с оружием наперевес, а ухоженную молодую женщину. Наряд скрыл шрамы, украшения добавили элегантности. Даже рыжие волосы вдруг показались красивыми.

Я задумчиво коснулась их.

Драконы меняют меня, мои представления не только об их народе, но и о себе самой. Тот человек, которым я прилетела в Северные Гнезда, и тот, кто я сейчас, – надеющаяся, что драконий ребенок выберет меня, – разные люди. Но самое забавное, новая я мне нравится больше.

Запрокинув голову, я задумчиво уставилась в потолок. Высоченный, он терялся где-то под самым пиком скалы, в которую врос драконий чертог. Сотни цветных камней играли бликами в свете ламп и живого огня, горящего в центре зала. Тяжелые гобелены на стенах пропитались ароматами сотен трав. Запахи смешивались, кружили голову, наполняли тело приятной тяжестью.

Массивные двустворчатые двери распахнулись, и вошли драконицы. Все в похожих платьях, с одинаковыми ремешками на лбу. Особо не глядя по сторонам, они по одной встали за ширмами.

Я в волнении закусила губу. Что будет, если Молчун не почувствует моего присутствия? Или почувствует, но не поймет, за какой ширмой я?

Из груди вырвался тяжелый вздох. Глупо задаваться вопросами, ответы на которые знаешь. Кого бы Молчун ни выбрал, именно она станет для него проводницей от наречения до первого полета. Для юных драконов – особенно таких юных, как Молчун, – связь душ необходима. Им важно чувствовать, что в них верят, что их крылья держит не только ветер, но и любовь близких.

Разумом я понимаю, что для Молчуна лучше выбрать проводницу из своих – она-то никуда не уйдет. Ее зрачки выглядят привычно. И про нее наверняка не ходит страшных баек. Однако стоит только

подумать, что сегодня мы с Молчуном увидимся в последний раз, – и сердце сжимается от боли.

Почему он так важен для меня? Потому что наши судьбы похожи и мы оба пережили страшный пожар? Или потому, что я никак не могу забыть его полный отчаяния взгляд? Не знаю. Но не могу отказаться от этой связи. Если только Молчун выберет меня, я сделаю все, чтобы доказать – он не ошибся.

Эхо тяжелых шагов заставило вынырнуть из размышлений и приникнуть к узким просветам в ширме. Вошел Рроак. За ним чинно ступала Гррахара. Следом – восемнадцать рослых мужчин с гвизармами в руках. Длинные отполированные древки увенчаны зазубренными лезвиями, которые бросают блики от падающего на них света ламп и живого огня.

На всех мужчинах одинаковые темно-синие рубахи, расшитые алыми нитками, и черные штаны с сапогами. Только у Рроака одежда отличается: дорогая красно-золотая сорочка, тяжелый плащ, две витые фибулы, удерживающие его. И широкий, едва заметно мерцающий обруч, обнимающий высокий лоб.

Впервые я увидела Рроака в таком облачении. И впервые ощутила трепет, понимая – он действительно правитель.

За дни, проведенные в пещере и в Северных Гнездах, я привыкла воспринимать Рроака драконом, защитником, мужчиной. Кем угодно, но не правителем. Лишь сейчас я по-настоящему осознала его статус.

Взгляд невольно метнулся к его запястью, не прикрытому рукавом. Крыло Первопредка горело алым, привлекало внимание. Рроак не прятал его, но и не выставлял сознательно. Он держался так, словно носит этот рисунок уже годы, за которые успел с ним свыкнуться и перестать замечать.

Отогнув манжету, я посмотрела на свой. Мягко огладила пальцами. Снова перевела взгляд на запястье Рроака, а потом и на его лицо. Он остановился возле огромной чаши в центре зала. Гррахара встала неподалеку и в почтении склонила голову. Остальные драконы припали на одно колено, прижались лбами к древкам гвизарм.

Рроак медленно обвел взглядом зал и коснулся ладонью пламени:
– Первопредок, Великий отец, мы, твои дети, взываем к тебе!

Спокойный огонь вдруг взметнулся столбом. Алые лепестки обвили руку Рроака, заставив меня испуганно вскрикнуть и тут же

зажать себе рот. Нельзя! Я обязана молчать!

И я замолчала. Смотрела во все глаза, глохла от шума крови в ушах, чувствовала, как сердце бьется все быстрее. Даже когда двери вновь распахнулись и в зал вошел Молчун, прихрамывая на туго перевязанную ногу, я не отвернулась. Просто не смогла отвести взгляда от Роака, наполовину объятая огнем.

Великие боги, Первопредок – кто бы ни услышал мой беззвучный крик, молю: пусть все закончится хорошо! Да, драконы вспыхивают пламенем прежде, чем принять человеческий облик. Но это длится мгновение. Сейчас же Рроак держит руку в огне слишком долго.

Молчун, робко оглядываясь, прохромал к преклонившим колена драконам. Встал рядом, неуверенно переступил с ноги на ногу, снова огляделся. Его взгляд задержался на ширме, за которой стояла я, но почти сразу же скользнул дальше.

В груди болезненно кольнуло. Неужели Молчун ничего не почувствовал?

– Подойди к нам, – позвала Гррахара.

Молчун крутанул головой, будто все выискивая что-то... или кого-то. С опаской покосился на Рроака, сделал маленький шаг навстречу. Потом еще один. Обернулся. Снова скользнул взглядом по ширмам.

Я мысленно потянулась к нему. Постаралась передать всю уверенность, которую когда-либо испытывала, всю стойкость и смелость.

Не бойся.

Рроак не ошибется. Я знаю его совсем недолго, но не сомневаюсь – ради своего народа он вынесет что угодно. И пойдет на что угодно. Даже на связь с врагом, если это поможет защитить будущее драконов. Поэтому не бойся, малыш. Рроак не позволит, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Серый взгляд, до этого растерянно скользивший вокруг, вдруг стрелой метнулся ко мне. Прошел сквозь узкие просветы ширмы и встретился с моим.

Я медленно кивнула.

Да, малыш, все хорошо. Иди.

И он пошел. Уже без прежней робости сделал шаг, затем еще один. Оказался возле Гррахары, замер, вытянувшись в струнку, и не

дрогнул, когда старуха принялась синей краской рисовать линии у него на лице.

— У каждого дракона четыре жизни. Первая — дитяти, неспособного обернуться. Вторая — дракона, парящего под северным небом. Третья — седого мудреца, что уже не летает, но хранит и передает знания. Четвертая — после смерти, в доме Первопредка. Сегодня закончится твоя первая жизнь, Карстен. Ты умрешь и возродишься.

Карстен... Так вот как тебя зовут, малыш.

— Готов ли ты к смерти?

Не бойся.

Он кивнул. Кивнул уверенно, без тени сомнения или страха. Так, словно действительно больше не боялся.

Ком в горле душил. Эмоции переполняли меня, словно вышедшая из берегов река. Волнение, вера, надежда... гордость. Незнакомая, почти материнская. За шестилетнего мальчика с выдержкой взрослого мужчины. Даже когда Рроак протянул ему свободную руку, Молчун не дрогнул. Вложил в нее ладонь и не отвернулся от пламени, побежавшему к их сцепленным рукам.

Я же держалась из последних сил. Когда Рроака и Молчуна поглотил огонь, я едва не закричала. Закусила губу почти до крови, сжалась вся, будто пружина, и ждала.

Пламя взвилось под самый пик скалы, Гррахара запела, драконы поднялись с колен и принялись бить гвизармами о пол.

Бум. Бум. Бум.

Ритмичный звук вплетался в мелодию песни и рев огня, заполнял собой каждый миллиметр пространства. Запах масел и трав усилился. Меня замутило. Пришлось зажать рот ладонью, чтобы только сдержать дурноту.

Спроси меня, сколько длился этот момент, — и я не отвечу. Может, минуту. А может, целую вечность. Но вот, наконец, драконы ударили гвизармами еще раз и замерли. Гррахара замолчала. Гул пламени стих. На мгновение даже показалось, что я оглохла, — так внезапно исчезли все звуки.

Потом я увидела их. Сначала Молчуна, целого и невредимого. Затем и Рроака. Пламя скользило по его телу, тягучей каплей собираясь в ладонь, протянутую над огромной чашей.

– Карстен умер, – произнес Рроак. Эхо с готовностью подхватило и усилило каждый звук. – Вместо него родился Сайлмор. Да будет он достойным сыном Первопредка!

Повернувшись, Рроак с улыбкой посмотрел на мальчика.

– С новой жизнью, Сайлмор Карстен Дарер.

– Сайлмор, – прошептала я одними губами.

Звук вышел тихим – настолько, что я сама не услышала. Но Молчун услышал. Безошибочно нашел меня взглядом и улыбнулся. Широко, радостно, с таким облегчением, что я не сдержала ответной улыбки.

Ты молодец, малыш.

Рроак хмыкнул. Обменялся понимающими взглядами с Гррахарой и тоже повернулся ко мне.

– Выходи, Кинара. Сайлмор выбрал тебя.

Тело не слушалось – оно будто окаменело за время церемонии. Мне с трудом удалось сделать первый шаг. Но второй дался легче. И третий. Я ступала все быстрее, под конец едва не срываясь на бег. Оказалась возле Мол... возле Сайллора, присела и обняла. Крепко-крепко. Слова не приходили, будто я враз забыла, как говорить. Вместо меня говорили мои руки, сжимающие Сайллора, и частый стук сердца, ощущающийся во всем теле.

Когда Сайлмор в ответ обнял с не меньшей силой, я закусила губу, чтобы не расплакаться. Он снова держался за меня, как тогда – в горящем доме. Только на этот раз без страха, а с молчаливым обещанием, что нам больше не придется расставаться.

Не размыкая объятий, я посмотрела на Рроака. Поймала едва заметный кивок и подхватила Сайллора на руки. Встала, повернулась к остальным драконам, заметила среди них Берготта, недовольно кривящего губы, и лишь сейчас поняла – это парящие. Опора Рроака и защита Северных Гнезд. Будущее Сайллора.

Я смотрела на них без вызова, не как охотница. Сейчас я и не хочу ею быть. Впервые в жизни ничто во мне не отозвалось на мысль об Ордене и долге. Я ощутила себя обновленной. Будто в том огне нас побывало трое. И сейчас, держа Сайллора на руках, чувствуя присутствие Рроака за спиной, я безмолвно принесла клятву. Не великим богам, не Ордену и даже не Первопредку – самой себе. Я поклялась, что никогда не подниму дайгенор на дракона, если только

не ради защиты, и сделаю все возможное, чтобы когда-нибудь похожие клятвы принес каждый из охотников.

Глава 11

За окном давно стемнело. Бархат ночи ласково укрыл горы, подоткнув звездное одеяло под пики скал. В гостиной рроакского дома было тепло. Огонь в камине сыто потрескивал поленьями, иногда выплевывая алые искры. В воздухе пахло деревом, нагретым камнем и, едва уловимо, пряным можжевельником – это Рроак, разместившись в кресле,пил аррахи.

Я сидела во втором кресле и прижимала к себе уснувшего Сайллора. Смотрела на тени от огня, пляшущие на лице мальчика; осторожно, едва касаясь, гладила его по густым волосам. В душе царил покой. Впервые за последнюю дюжину дней.

Нет, я не забыла, что рано или поздно мне придется вернуться в Орден; что Сайлор – дракон, а я – охотница. И до сих пор какая-то часть меня верит, что для него было бы лучше выбрать наставницу из своих. Но в то же время все во мне сладко трепещет от правильности случившегося.

Я снова нежно огладила русую макушку. Поддаваясь порыву, наклонилась и коснулась ее губами. Подняла взгляд и встретила со взглядом Рроака. Внимательным, но не холодным или цепким, а очень теплым. Почти ласковым.

– Он особенный для тебя? – Я кивнула. – А если бы он сейчас оказался в предгорьях, а один из твоих братьев кинулся на него с дайгенором? Что бы ты сделала?

Рроак еще не договорил, а мое тело уже среагировало. Я притянула Сайллора к себе, укрыла его свободной рукой и внутренне ошетинилась, как перед боем. Губы Рроака дрогнули в намеке на улыбку, взгляд полыхнул довольством. Меня же собственная реакция напугала. Я вдруг осознала, что действительно могла бы кинуться на собрата по Ордену. Осознала и растерялась.

– Почему так? – спросила тихо, чтобы не разбудить Сайллора.

– Самому интересно. Была бы ты драконом, я бы сказал, что ты отозвалась его зверю, как мать потерявшемуся детенышу.

– И что в таких случаях происходит дальше?

Рроак снова улыбнулся.

– Ничего необычного. Драконицы любят ребенка, которого выбрали душой, как родного. Будь ты из наших, Сайлор бы остался с тобой. Ты бы растила его, наставляла перед первым полетом. А потом полетела бы рядом, готовая подставить крыло и спину, если потребуется. Вы бы приземлились вместе, и ты бы стала той, кто нарисует на его груди ритуальный узор. Он бы назвал тебя харрари, то есть мамой на драконьем наречии.

Я представила каждый миг из того, о чем говорил Рроак. Увидела подросткового Сайлора, улыбающегося широко и довольного. Увидела себя в драконьих одеждах, стоящую с ним рядом. Обнимающую его, благословляющую на чистое небо и послушные ветра. Увидела и... заплакала.

Слезы сами побежали по щекам, стоило понять, что ничего этого не случится. Точнее, не случится со мной. Сайлор обязательно взлетит, получит ритуальный узор. Обязательно станет парящим. Но только другая женщина будет с ним рядом. И другая станет для него харрари – поддержкой на земле и в небе.

Рроак смотрел на меня молча. Скользил взглядом по моему лицу, мокрому от слез, по губам, закушенным, чтобы сдержать всхлипы, по рукам, обнимающим Сайлора с немим отчаянием.

Это не мой ребенок! Не мой! Я не имею права считать иначе и мечтать о несбыточном. Но, боги, как же тяжело вырвать из сердца то, что уже успело прорасти!

– Мне жаль, – тихо произнес он. – Ты стала бы ему достойной матерью. В тебе есть сила, стойкость, храбрость. Ты красива, но при этом держишься так, будто не понимаешь этого. Ты умеешь думать, выходя за рамки... По правде сказать, ты стала бы прекрасной матерью для любого ребенка Северных Гнезд.

– Хватит, – выдохнула я сипло. Закусила губу, глотая тугий ком, и снова попросила: – Хватит. Не издевайся надо мной... над нами. Мне придется уйти, чтобы помочь тебе достичь мира между нашими видами. Придется оставить Сайлора... – голос дрогнул. – Но, пожалуйста, пока я здесь, не напоминай мне об этом. Позволь хоть ненадолго представить, что у нас с Сайлором есть будущее. Что он мой.

Не выдержав, я прижалась лбом к русой макушке и затряслась в беззвучном плаче. Боги, как мне справиться? Как найти в себе силы

оставить его... их? Откуда во мне такое сильное желание назвать Сайллора сыном? И почему сейчас, глядя на нас со стороны, я не могу не видеть семью? Проклятье! Это неправильно! Непозволительно! У охотниц не бывает семьи! Уж точно не с драконами. И...

– Ты удивительная, Кинара, – голос Рроака заставил меня вынырнуть из омута отчаяния. – С каждым твоим поступком, с каждым словом мне все труднее напоминать себе, кто ты. Даже твои глаза, столь непривычные, уже не кажутся чуждыми. С тобой легко забыть.

Плавнo поднявшись, Рроак шагнул ко мне.

– Драконы никогда не открываются охотникам. Никогда не приносят их к себе в селение. Не допускают на священные церемонии и – уж точно – к детям. С тобой я пошел против каждого из этих правил. Но есть еще одно, которому мы следуем поколениями.

Рроак остановился возле моего кресла, уперся руками в подлокотники и наклонился так низко, что наши глаза оказались вровень.

– Драконы никогда не показывают слабости. Даже смертельно раненные, мы бьемся на пике ярости, не позволяя врагу увидеть, что сражены.

Я улыбнулась сквозь слезы. Невероятно, настолько мы все-таки похожи! Одинаково гордые, упрямые; одинаково неспособные отступить.

– Но ты, Кинара, заставляешь меня забывать даже об этом правиле.

Голос Рроака изменился: зазвучал ниже, с хрипотцой. И все во мне затрепетало, отзываясь. Взгляд невольно спустился к губам Рроака. Захотелось коснуться их пальцами, может, даже губами. Узнать – какие они? Мягкие? Жесткие? Горячие?

Мои собственные губы вдруг показались ужасно сухими. Я словно давно мучилась жаждой, но лишь теперь это поняла. Посмотрела на Рроака, надеясь, что он поможет – либо объяснит, откуда появилась эта жажда, либо утолит ее, – но замерла, увидев голодный огонь в глубине его глаз.

– Мы тоже не должны показывать слабость, – произнесла я еле слышно. – Но мою ты видишь.

– Вижу. И она пьянит. Только это опасное искушение, Кинара. Мы не можем ему поддаваться. Наш долг – достичь мира между драконами и людьми. Ради этого мы сейчас вместе.

Я не нашла сил ответить – только кивнула. Близость Рроака дурманила. Его запах окружил меня плотным облаком. Защекотал в носу, вместе с воздухом ворвался в тело.

– Я отнесу его наверх, – дыхание Рроака коснулось моих губ, распалая занявшийся во мне огонь. – Нам всем давно пора отдыхать.

– Конечно.

Рроак подхватил Сайллора, коснулся моего тела. На мгновение замер, будто это прикосновение обожгло его так же сильно, как меня.

– Добрых снов, Кинара, – произнес он, выпрямляясь.

– Добрых снов, Рроак.

Он не уходил. Стоял, легко удерживая Сайллора на руках, и не сводил с меня темного взгляда. Еще секунды три мы боролись – каждый сам с собой, – потом Рроак сжал зубы, развернулся и зашагал к лестнице.

* * *

Утром я проснулась рано, еще до рассвета. Лежала и сквозь тающие сумерки рассматривала Сайллора, спящего на кровати у окна.

Вчера, едва переступив порог, я сначала не поверила глазам. Повернулась к Рроаку, собираясь спросить, откуда в моей комнате вторая кровать, но увидела его улыбку и все поняла. Он распорядился подготовить необходимое еще до церемонии. Почему? Не знаю. Может, догадывался, что Молчун выберет меня, а может, действовал на всякий случай. Чем бы ни руководствовался Рроак, я была ему искренне благодарна.

В Ордене никто не стал бы решать чужие проблемы. Нужна кровать? Поди к хранителю вещей и проси лично. И тащи к себе в комнату тоже сам. У каждого отца, брата или сестры хватает забот, чтобы беспокоиться еще и о чужих. А Рроак побеспокоился.

Сайлор перевернулся, высунул босую ногу из-под одеяла, что-то еле слышно промычал и засопел сладко-сладко. Меня затопило нежностью. Захотелось подойти, поцеловать его спутанные волосы,

поправить одеяло... Но я сдержала порыв, опасаясь ненароком разбудить. Под утро сон особенно чуткий.

Тихо выскользнув из постели, я накинула длинный халат и босиком вышла из комнаты. Глянула на дверь в спальню Рроака, попыталась представить, как выглядит он, когда спит. А представив, залилась краской до кончиков ушей. Даже холодные ладони, которые я спешно прижала к щекам, не смогли остудить жар.

В гостиной было темно: не горели ни лампы, ни огонь в камине. Взяв длинную кочергу, я разворошила угли, надеясь выбить из них хоть несколько искр. Но нет. Судя по всему, огонь потух давно. Не страшно – в поленнице еще много дров, а значит, и разжечь новое пламя труда не составит. Недолго думая, я занялась делом.

Когда первые, еще робкие алые языки принялись за сухую кору, в гостиную спустился Рроак. Увидел меня перед камином, скользнул взглядом по разошедшимся полам халата, по моим голым ногам; чему-то тихо усмехнулся.

Я спешно выпрямилась.

– Доброе утро. Прости, что похозяйничала – подумала, будет неплохо, если комната немного прогреется к...

– Тебе не стоит извиняться. Пока ты в Северных Гнездах, это и твой дом тоже.

Я растерялась. Рроак заметил это, но не стал ни пояснять, ни дополнять сказанное. Вместо этого предложил:

– Пошли на кухню. Нужно выяснить, осталось ли там что-нибудь съестное. Если нет, поможешь с завтраком? Или охотницы ножами не владеют?

– Не недооценивай нас, дракон, – я с улыбкой качнула головой. – Мы легко управимся с любой заточенной сталью.

– Вот и выясним, – в тон мне отозвался Рроак.

Мы прошли на кухню. Пока Рроак зажигал лампы, я взяла с печи чайник, наполнила его водой.

– Кто тебе готовит? – Рроак вопросительно изогнул бровь, и я пояснила: – Сам ты редко бываешь дома, да и приходишь всегда усталым. При таком ритме я бы точно не вставала к плите.

– У Гррахары под началом шесть молоденьких девушек, еще не выбравших себе пару. Они и готовят еду для всех, кто не может сделать этого сам.

– То есть для парящих?

– Не только. В Гнездах есть несколько стариков, уже не способных на оборот. Третья жизнь дракона, помнишь? – Я кивнула. – Вот такие старики тоже, за редким исключением, не готовят. А порой случается, какая-нибудь из женщин заболевает, и тогда помощницы Гррахары заботятся о той семье.

– Но зачем это самим девушкам? Или они не могут послушаться приказа?

Рроак посмотрел на меня с удивлением:

– Никто не заставляет их. Каждая пришла к Гррахаре по доброй воле. От нее они перенимают знания, учатся готовить не только еду, но и лекарственные настойки. Да и помощь своим естественна, разве нет?

Я задумалась. В Ордене нас учат всегда приходить на выручку пострадавшим селениям. Но при этом за каждого убитого дракона нам платят; из императорской казны регулярно отчисляется сумма на содержание охотников. Да и управители городов нередко благодарят нас звонкой монетой. Дети праведных привыкли, что наша помощь стоит немало. А эти девушки, получается, заботятся о своих... бесплатно?

Стыд расплескался в душе, как хмельной взвар в дрожащих руках пьяницы. Почему мы берем деньги у жителей освобожденных селений? Нам ведь платит император. Отправляясь в бой, мы знаем, на что идем и чем рискуем. Это наш выбор. Наша работа. И просить награду сверх того, что уже имеем, мы не должны. Но зачастую просим.

Рроак тем временем открыл низкий шкаф, вделанный в каменную стену. Достал сковороду, заглянул под крышку, втянул носом запах.

– Мм, алькард, – протянул он довольно и бросил на меня хитрый взгляд. – Помнится, в пещере ты была не против их мяса. Надеюсь, тушенный с овощами тоже придется по вкусу.

Я через силу улыбнулась, все еще погруженная в мысли. Хотела было присесть, чтобы разжечь печь, но замерла, почувствовав близость Рроака. Он остановился у меня за спиной в полушаге. Отклонись я – и наши тела соприкоснутся.

– Не надо, – выдохнул он, шевеля дыханием мои волосы.

– Что – не надо?

– Думать о том, о чем ты думаешь.

– Опять читаешь мои мысли?

Он усмехнулся.

– Нет, конечно. Ты ведь давно поняла, что это мне не под силу. Все, что я могу, – подмечать, когда ты закрываешься в попытках унять беспокойство. Вот как сейчас. Что бы тебя ни терзало, не поддавайся. Если не можешь ничего изменить – прими как есть. Если можешь – меняй. Но не мучай себя понапрасну.

Рроак водрузил сковороду на печь и будто случайно задел меня – прижался рукой к моему боку. Я задержала дыхание, закусил губу до боли, сдерживая желание сделать шаг назад. Ощутить спиной грудь Рроака, почувствовать, как она вздымается на каждый вздох, поймать ритм его сердца и зазвучать с ним в такт.

– Разбуди Сайллора, – хрипло попросил он. – Там на сундуке настойка Гррахары. Пусть выпьет.

– Зачем?

– Поможет его ноге. После первого оборота драконята восстанавливаются быстро. Но Гррахара хочет быть уверена, что не останется хромоты.

– Конечно.

Развернувшись, я почти уткнулась носом в грудь Рроака. Задрала голову, встречая его взгляд, и снова закусил губу. Искушение опалило внутренности кипятком. Боясь поддаться ему, я отвернулась, выскользнула и едва не бегом кинулась прочь из кухни.

Пока Рроак не дал понять, что тоже чувствует влечение, было легче. Я могла убедить себя, будто ничего нет. Будто та слабость, о которой говорила Гррахара, ей показалась. Или что во мне самой нет никакого интереса к Рроаку. Но теперь отрицать очевидное невыносимо трудно.

В комнате я схватила платье и ремешки для кос, убежала в умывальню. Там привела себя в порядок, умылась ледяной водой в надежде остудить внутренний жар. Помогло слабо.

Ну же, Кинара, соберись! Думай о главном!

Правда, о чем именно главном, понять не получалось. Как-то незаметно главными для меня стали горы, Сайлор, Рроак, мир между драконами и людьми – все сразу. И выделить – или, наоборот, исключить – что-то одно не получалось.

Я вернулась в комнату, присела на край детской кровати и ласково коснулась светлой макушки.

– Сайлор, – позвала тихонько. – Сайлор, малыш, вставай.

Он сонно завозился, несколько раз моргнул, будто пытаюсь понять, к кому я обращаюсь. А поняв, встрепнулся воробышком и сел. Уставился на меня, оглядел комнату, ощупал себя. Снова посмотрел на меня, на этот раз с заметным вопросом во взгляде.

– Доброе утро, Сайлор Карстен Дарер, – поприветствовала я, без лишних слов напоминая обо всем, что случилось вчера.

И он понял. Серые глаза расширились от радости, лицо осветила улыбка. Сайлор кинулся мне на шею... точнее, хотел это сделать. Но, дернувшись, тут же схватился за перевязанную ногу.

– Подожди секунду, – я поднялась с постели, нашла пузырек с настойкой, о которой говорил Рроак. – Вот, выпей. Гррахара передала, чтобы ты быстрее восстанавливался.

Пока Сайлор рассматривал пузырек и, откупорив, принюхивался к его содержимому, я искала чистые детские вещи. Перерыла нутро сундука, проверила спинку стула... даже в умывальню заглянула! Но новой одежды не нашла, только ту, в которой Сайлор был вчера.

– Держи, – я протянула ему вещи. – Видимо, сменную принесут попозже. Помощь нужна?

Сайлор фыркнул и посмотрел на меня почти с обидой. Я же вновь улыбнулась – даже с таким выражением лица он вызывал во мне нежность. Потрепав его по волосам, я направилась к двери.

– Как оденешься, спускайся завтракать. Рроак не говорил о планах на день, но не сомневаюсь: Гррахара появится на пороге еще до обеда.

Завтракали мы на кухне, за массивным столом темного дерева. Простые миски, простая еда. Но почему-то здесь и сейчас я чувствовала себя счастливее, чем в Ордене за празднично накрытым столом в честь божественного равноденствия.

Сайлор сел ближе ко мне. На Рроака смотрел с легкой опаской – ему явно не по себе в обществе кахррара. Но я не стала ни вмешиваться, ни успокаивать мальчика. Пусть учится сам оценивать ситуацию, понимать, когда стоит держаться с осторожностью, а когда можно расслабиться.

Как я и предполагала, Гррахара появилась еще до обеда. А точнее, сразу после завтрака. Тепло всех поприветствовав, она увела Сайллора на второй этаж. В висящей через плечо сумке звенели какие-то склянки. Пахло травами.

Я хотела пойти следом, но Рроак удержал. Дождался, когда Гррахара с Сайллом скроются в спальне, и заговорил:

– Сегодня вечером будет праздник в честь наречения. Новый день настал, и горы приняли имя Сайллора.

– Приняли?

– В противном случае, согласно преданиям, Сайлор бы не проснулся. Первопредок карает тех, кто носит неподходящее имя.

– Ты поэтому вчера ничего не сказал?!

– Твои волнения ничего бы не изменили. Теперь же для них и вовсе нет причин. Но я говорил о другом. Сегодня будет праздник, и я хочу, чтобы ты села рядом со мной.

Я растерялась. Сесть рядом с ним? Кахрраром? Правителем? Но я ведь чужачка. В Ордене садиться рядом со старейшими отцами смеют лишь те, кто заслужил это право: либо недавно убившие дракона, либо те, кого отцы пожелают выделить.

– Зачем тебе это? – я нахмурилась. – Ты и так сделал для меня больше, чем нужно, чтобы убедить в искренности своих намерений. У нас парные рисунки, ты разрешил нам с Сайллом быть вместе и...

– Это не только для тебя, Кинара. Это для моего народа. Многие до сих пор относятся к тебе с опаской. Они видят пламя в твоих волосах, видят парный с кахрраром рисунок, ребенка, спасенного тобой и признавшего тебя. И это привлекает их. Но каждый раз, когда они смотрят в твои глаза, они видят глаза охотника. Старые страхи не вытравить за день. Поэтому так важно показать, что ты не опасна; что мир с людьми возможен.

Во рту возникла горечь. Напоминание, что я для Рроака лишь способ спасти его племя, не порадовало. Но я сумела быстро взять себя в руки, выдавила улыбку и кивнула.

– Ты прав. Ради нашего дела мне действительно лучше сесть рядом. Надеюсь, это поможет.

Рроак прищурился, а едва я сделала шаг в сторону, снова удержал.

– Некоторые поступки мы совершаем, следуя долгу. Другие – следуя велениям сердца. К счастью, есть те, которые не противоречат

друг другу. Будь готова ко второму часу сумерек.

Отпуская мою руку, Рроак скользнул по ней пальцами. Легкое, почти невесомое прикосновение отозвалось волной мурашек по коже. Я отвернулась, не в силах выдерживать пристальный взгляд, и закусила губу.

Что же ты делаешь, дракон? Зачем дразнишь? Ты верно сказал: каким бы сильным ни было искушение, мы не имеем права ему поддаваться. Слишком многое стоит на кону, чтобы быть беспечными.

Рроак ушел не прощаясь. Я дождалась, когда дверь с глухим ударом захлопнется, и только после этого подняла взгляд. Прижала руку к груди, чувствуя, как сильно бьется сердце. Попыталась представить, как бы все могло сложиться, посмей мы с Рроаком забыть о долге. Но тут же тряхнула головой, отгоняя видение. Не стоит еще больше терзать себя. Проще от этого уж точно не станет.

Я вернулась в спальню.

Сайллор сидел на кровати и хмуро следил за Гррахарой. Услышав мои шаги, он хотел кинуться навстречу, но драконица быстро пресекла этот порыв.

– Я, кажется, просила не шевелиться, – требовательно напомнила она. Бросила на меня взгляд через плечо и вздохнула: – А ты успокой душу, охотница. В порядке твой мальчишка, в порядке.

Я нахмурилась, не понимая, о чем она. Потом улыбнулась. Судя по всему, Гррахара решила, что я терзаюсь из-за Сайллора, а не из-за Рроака.

– Через пару-тройку дней снимем повязки и закрепы. Будет ходить сам. Ходить, а не бегать, – добавила она, хмуро уставившись на Сайллора. – Или я оставляю все как есть еще на десяток ночей. Это ясно? – Молчун кивнул. – Вот и ладно. Так, здесь я закончила. Теперь ты, Кинара. Садись. Нет, ближе к изголовью. И подушку под спину подложи, удобнее же будет!

Гррахара командовала уверенно, явно привыкшая, что когда она лечит – с ней не спорят. В ее действиях чувствовалась властность. Не знаю, впервые ли она вытравливает жар из чужой крови, но почему-то не сомневаюсь: все будет хорошо. Жжение, возникающее всякий раз от прикосновений Гррахары, уже не беспокоило.

Я полусидела, расслабленно откинувшись на подушки. Слушала последние новости, которыми Гррахара щедро делилась.

Переглядывалась с Сайлором. Чувствовала себя хорошо и спокойно. Но вся расслабленность улетучилась вмиг, когда Гррахара отняла руку от моей груди и довольно сказала:

— Ты сильнее, чем кажешься. Лечение идет очень хорошо. Думаю, через неделю твоя кровь очистится от жара полностью.

Внутри будто что-то лопнуло и гулко ухнуло вниз.

Через неделю? У меня осталось так мало времени?

Глава 12

К вечеру я облачилась в тот же наряд, в котором была на церемонии. Он выглядит празднично, да и сидит, надо признать, отлично. К тому же сомневаюсь, что у дракониц много лишних платьев. Если на церемонии присутствовали лишь некоторые, то на праздник явится все поселение. И что-то мне подсказывает: редкая девушка согласится отдать платье чужачке. По правде, удивительно, что у меня не забрали это.

Сайллора же, как главного виновника торжества, нарядили со всей помпой. Голубая рубаша, расшитая темно-синими нитками; жилетка с рисунком по внешней стороне и светло-серым мехом по внутренней; свободные темные штаны. Обувь, правда, пришлось оставить старую – она хорошо разношена, и Сайллору в ней удобно даже с перемотанной ногой. Русые волосы заплести в косу не получилось: короткие пряди все выбивались и торчали в разные стороны. Тогда Гррахара решила собрать по две тонкие косички у висков и украсить синими камешками.

Когда мы закончили, Сайлор оглядел себя и кивнул, явно одобряя. Держаться при этом старался так, будто собственный вид его ни капельки не волнует, но я видела – ему нравится.

Час, оставшийся до прихода Рроака, мы провели в гостинной. Гррахара ушла, и Сайлор, расслабившись, забрался ко мне на колени. Устроил голову у меня на груди, уткнулся носом и довольно зажмурился, когда я принялась ласково перебирать его волосы.

Огонь в камине сыто потрескивал. В окно, словно любопытные дети, заглядывали первые звезды. В воздухе пахло теплым деревом и пряностями. Я сама не заметила, как поддалась этому расслабляющему настроению и заговорила.

Я рассказывала Сайллору истории, которые, как мне казалось, давно забыла. Когда-то их мне рассказывала мама. О храбрых воинах и прекрасных, не менее отважных девах. Вместе они странствовали по свету, переживая одно приключение за другим. Находили друзей, побеждали врагов и совершали добрые поступки.

В маминых сказках воины обязательно убивали драконов, но об этом говорить я не стала. Да и самих воинов решила не называть ни драконами, ни людьми. Они герои. А для настоящего героя неважно, откуда он вышел; важно – скольким сумел помочь.

– Осторожнее, иначе ты его усыпишь, – тихий голос прозвучал неожиданно близко.

Я вздрогнула и посмотрела на Рроака. Как он успел подкрасться?

Сайлор тоже его услышал – выпрямился и хмуро свел брови, всем видом показывая, что уж его-то сказкой не усыпишь. Правда, сонный взгляд подпортил грозный вид.

Рроак с улыбкой опустил ладонь ему на макушку.

– Вставай. Праздник в твою честь вот-вот начнется.

Я хотела предложить понести Сайллора на руках, но Рроак, будто прочитав мои мысли, качнул головой.

Верно. Он дракон, будущий парящий. И излишне опекать его не стоит.

Мы вышли на улицу. В спокойном безветрии звездное полотно наступающей ночи казалось ниже: будто взлети – и коснешься его ладонью. Холод почти не ощущался. Удивительно, как быстро я привыкла к драконьей крови и тому теплу, что она дарит. Пожалуй, по этому я тоже буду скучать.

Снег хрустел под подошвами сапог, мягко сминался. Мы шли неспешно, чтобы Сайлор без труда поспевал за нами. Я легко опиралась на предложенный Рроаком локоть, второй рукой держала ладошку Сайллора. И гнала... гнала прочь неуместные мысли о семье.

Небольшая площадь перед чертогом ослепила десятками огней, протянувшихся над расставленными столами. Свет шел не от горящих чаш, а от стеклянных шаров с танцующим пламенем внутри, собранных на толстую нить, словно бусы. Столы выстроились длинным прямоугольником. В центре, в очерченном камнями круге, полыхал огонь.

Вокруг столов сновали девушки и юноши, расставляя большие тарелки, полные еды. Гррахара прикрикивала на детей, которые носились проворными сойками меж накрывающими. Как только не сбили никого! Но нет, если присмотреться, легко заметить, что ребятя внимательно глядит по сторонам, играючи меняет направление или ныряет под стол, заведя поблизости кого-то, кому мешать не стоит.

Парящие – а их я теперь узнаю без труда – тоже не сидели без дела. Они крепили большие мишени в конце ближайшего моста. Звучали приглушенные удары молотка по дереву, слышались разговоры, смех.

Драконы, замечая нас, кланялись Рроаку, бросали настороженные взгляды на меня и радостные – на Сайллора. Сам виновник торжества хотел было кинуться к друзьям, но Рроак тихо рыкнул, без слов напоминая, что бегать с больной ногой не стоит. Кажется, Сайлор и сам это вспомнил. Посмотрел виновато и, извиняясь, пожал плечами.

Постепенно все расселись. Я заняла место по левую руку от Рроака. Сайлор сел с остальными детьми за празднично украшенный стол. Позади, метрах в четырех, простерлись полотняные крылья. Причем крепились они так, чтобы каждый, кто посмотрит на Сайллора, решил, будто это его крылья.

Когда кубки наполнились пряным вином, Рроак заговорил:

– Дети Первопредка, поприветствуйте в наших рядах заново рожденного – Сайллора Карстена Дарера! Горы приняли его, Первопредок одобрил имя. Геротт, – Рроак повернулся к мужчине, сидящему за соседним столом, – твой племянник выбрал ту, что станет его опорой на земле. Но ему по-прежнему нужна поддержка в небе. согласишься ли ты подставить Сайллору крыло и спину, если небо будет к нему сурово?

Геротт поднялся из-за стола и склонил голову.

– Соглашусь, мой кахррар. Я поклялся Первопредку, что буду защищать сына сестры даже ценой жизни. И от своих слов не отрекаюсь. Одно меня беспокоит, кахррар... – цепкий взгляд метнулся ко мне. – Сможет ли та, что не знает наших законов, подготовить Сайллора к первому полету? Не зародит ли в его душе доверия, слишком опасного для нашего вида?

– Только время ответит на твои вопросы, Геротт. Выбор сделан. Какое бы будущее ни ждало Сайллора, вмешиваться уже поздно.

Мужчина недовольно скрипнул зубами – даже со своего места я услышала этот пробирающий до мурашек звук, – но все же покорно кивнул.

– Вы правы, кахррар. Прошу простить мои сомнения – я лишь хочу, чтобы мой племянник крепко держался на земле и в небе.

– Мы все хотим того же, Геротт.

Он снова кивнул – на этот раз более удовлетворенно – и сел.

Рроак обвел присутствующих взглядом.

– Сайллор обрел новое имя и новую жизнь, горы приняли его. Так давайте это отпразднуем! Пусть Первопредок услышит наш радостный рев!

Драконы с готовностью ответили. Зарычали все: старые, молодые, мужчины, женщины, дети. Кто-то – хрипло, кто-то – по-девичьи высоко. Но все – радостно.

Я посмотрела на Сайллора и не сдержала улыбки, увидев, как старательно он рычит. Даже головой замотал из стороны в сторону. Будь у него сейчас хвост, уверена – он бы им бил.

Рев сменили громкие хлопки и смех, а потом и звон кубков. Праздник начался.

Столы ломились от еды, но еще больше они ломились от грохота, с которым приземлялись тяжелые кулаки – драконы салютовали каждому пожеланию, произнесенному в честь Сайллора.

Чистого неба!

Удар.

Сильных крыльев!

Удар.

Огня, что напитает тело и вырвется из пасти рекой!

Удар. Удар. Удар!

Я всегда знала, что драконы яростны в схватках. Теперь же выяснила, что в праздновании они столь же неистовы.

Когда зазвучала музыка, многие кинулись плясать. Некоторые предпочли кидать топоры в установленные на мосту мишени. Сайллору, как прошедшему новое рождение, тоже дали кинуть топор. До цели тот не долетел, но приземлился очень близко. И мой мальчик гордо расправил плечи, принимая одобрительные похлопывания по спине. Лицо его светилось от улыбки.

Остальная ребятня вновь принялась носиться, плясать у костра и шустро улепетывать, едва завидев Гррахару.

– Составишь компанию?

Рроак встал и протянул мне руку. Я растерялась.

– В чем?

– В танце, конечно.

Моя растерянность усилилась.

– Я не танцую, – призналась, чувствуя огонь смущения на щеках. И зачем-то добавила: – Но могу метнуть топор.

Рроак рассмеялся. Искренне, открыто. Поймал меня за руку и потянул из-за стола.

– Тебе не обязательно всегда быть охотницей. Иногда достаточно быть просто женщиной. Никто не обвинит тебя в слабости, если хотя бы раз ты выберешь танцы вместо оружия. Хоть раз, Кинара, – повторил он, привлекая меня к себе. – Хотя бы только сегодня.

Я подняла на него взгляд, открыла рот, собираясь... что? Возразить? Защититься? Не знаю. Слова не приходили, будто я враз забыла их все.

Как объяснить, что меня не учили, каково это – быть женщиной? Что для всех сестер Ордена слабость – нечто постыдное, семья – почти запретное. Мы повенчаны с дайгенором и только с ним можем танцевать дни и ночи напролет.

Но Рроак, кажется, все понял без слов. Улыбнулся уголками губ и потянул к танцующим. Мы замерли в метре от них – так, чтобы никому не мешать, но оставаться рядом.

– Это несложно, я научу. Встань напротив меня. Да, вот так. Теперь обними одной рукой.

Я замешкалась и в растерянности уставилась на свои руки. Какой обнимать-то?!

– Той, на которой рисунок, – подсказал Рроак, легко угадав причину моего ступора.

– З-за талию?

Он насмешливо изогнул бровь и повернулся к танцующим. Я тоже посмотрела на них, увидела ответ и мысленно застонала. Обнимать следовало за шею. Но Рроак высок. Чтобы обнять его за шею, мне придется встать вплотную, почти прижаться.

Я снова повернулась к нему. Шагнула навстречу, сглотнула, чувствуя неясный трепет, и скользнула пальцами по горячей коже. Ощутила руку Рроака у себя на талии, почувствовала стук его сердца. Удивительно, но даже сейчас, несмотря на шум голосов, громкую музыку и треск пламени в чаше, я чувствую ритмичное биение в его груди.

Рроак дал мне секунды две, чтобы привыкнуть к ощущению нашей близости. Потом сделал первый шаг. Я испуганно сжалась,

взмахнула свободной рукой, точно в поисках опоры... и Рроак стал ею. Он перехватил мою ладонь, опустил себе на предплечье, дал еще секунду – и новый шаг.

Он не говорил. Не объяснял, что собирается сделать, и не успокаивал. Вместо этого он неотрывно смотрел мне в глаза. Так, будто попросту не мог отвернуться, будто в моих глазах отражение мира. И вел. Мягко, но вместе с тем настойчиво заставлял принимать его движения, ритм его тела. Без слов просил подчиниться.

И я подчинялась.

Сначала неуверенно – сжимаясь при каждом шаге, чувствуя себя как на тонком льду. Сердце трепыхалось где-то в горле, в ушах вместо музыки звучал шум крови. Но с каждым движением я ступала все тверже. Взгляд Рроака потемнел, в самой его глубине зародилось пламя – пока едва заметное. Стремясь выяснить, настоящее оно или это лишь отблеск костра, я прижалась теснее. Задрала голову, вгляделась в мужественное лицо и... поплыла. От нашей с Рроаком близости, от его запаха и крепких объятий. Губы вновь закололо – как тогда, от аррахи.

Мы двигались вместе с другими танцующими, но в то же время – будто не с ними. Словно вокруг нас нет никого: только ночь, горы и пламя – такое же голодное, как то, что полыхает во мне. Я больше не думала, что Рроак делает с моим телом, куда ведет и какое движение заставлял совершить. Впервые в жизни не я вела в танце, а меня. И впервые в жизни я танцевала не со сталью.

Когда музыка остановилась, остановились и мы. Дыхание у обоих сбилось, словно после боя. Еще какое-то время мы молчали, приходя в себя. Потом Рроак заговорил:

– Спасибо.

– За что? За танец?

Он качнул головой.

– За то, что доверилась.

Жар смущения лизнул щеки, но я не отвернулась. Кивнула и только собиралась поблагодарить в ответ, как вдруг рядом раздалось:

– Мой кахррар, прошу прощения, если помешал...

– Говори, Таррек.

– От имени всех парящих прошу бросить первый топор нового состязания.

Рроак понятливо усмехнулся:

– Гехерр и Харреш снова выясняют, кто из них более меткий? Ну пошли. Кинара?

Он повернулся ко мне. Я покачала головой.

Сомневаюсь, что охотница с оружием – то, что драконы захотят увидеть на празднике. К тому же Рроак сам просил забыть о боевых навыках хотя бы на день.

– Благодарю, но я бы хотела немного отдохнуть после танца.

Рроак кивнул, шепнул короткое «я скоро» и первым зашагал к мосту. Таррек двинулся следом, отставая на полшага.

Вновь зазвучала музыка. Я решила отойти от танцующих, чтобы не мешать им, но не успела сделать и двух шагов, как меня схватили. Крутанули в такт мелодии, развернули и сжали в грубых объятиях. Даже не видя лица, я уже поняла, кто это. Берготт.

Проклятье!

Инстинкты охотницы вспенились, точно волны у скалистого берега; губы искривились в презрении.

Берготт заметил это и поспешно сказал:

– Не советую вырываться, охотница. Ты ведь не хочешь опозориться?

– О, новая ложь. Надеешься, я поверю?

Упершись ладонями в широкую грудь, я попыталась оттолкнуть Берготта, но он будто и не заметил моих усилий.

– Оглядишься. Неужели не видишь? Драконы расслабились, когда не только кахррар показал, что доверяет тебе.

– Рроаку не нужна твоя помощь!

Я снова дернулась.

– А речь не про Рроака, – пророкотал он, наклоняясь к моему уху. – Для Сайллора тоже важно увидеть, что парящие приняли тебя. Я же пока один из них.

Я растерянно огляделась, нашла своего мальчика взглядом. Будто почувствовав мое внимание, он обернулся. Увидел меня с Берготтом и улыбнулся. Причем, как мне показалось, с облегчением. Да и стоящие рядом с ним драконы поглядывали на нас хоть и с удивлением, но без прежней опаски.

– Видишь? – довольно оскалился Берготт. – Ты плохо знаешь наши порядки и потому не представляешь, сколь важно одобрение

парящих. Да, не так, как одобрение кахррара, но очень... очень... – он наклонился еще ниже, почти касаясь губами моего уха, – очень важно. Только получив их оба можно считать, что драконы тебя приняли.

Я рывком отстранилась. Прогнулась, пытаюсь оказаться как можно дальше от него, и вспыхнула, увидев довольство в черно-золотом взгляде.

– Я не ищу вашего принятия! – выпалила на одном дыхании.

Объятия Берготта ощущались как тиски. Пусть его зверь слабый, но даже такому безоружная охотница не соперник. Я зашипела, когда пальцы Берготта сильнее впились в мою кожу.

– Ты – нет, – легко согласился он. – Твой драконий сын – да. Рано или поздно ты вернешься к своим, наиграешься в мамочку и забудешь о бедняге Сайллоре. А ему здесь жить. Как думаешь, кем ему остаться в глазах своих? Тем, кто выбрал чужачку? Или тем, кто выбрал признанную парящими?

Я зло прищурилась:

– Зачем тебе это? Зачем ты преследуешь меня, шантажируешь? Чего надеешься добиться?

– Я уже говорил, охотница. Хочу, чтобы ты убралась отсюда как можно дальше. И чтобы Рроак отменил суд. Исполни оба условия, тогда, обещаю, в памяти драконов ты останешься чистой. Доброй и светлой Кинарой, так не похожей на свое подлое племя. Но если ты не выполнишь мою маленькую просьбу, тогда я приложу все силы, чтобы вытравить каждое хорошее воспоминание о тебе. Сайлмор возненавидит тебя. И себя – за то, что выбрал людское отродье.

Слова обожгли, будто кислота. Я вскинулась, зашипела змеей:

– Держись от Сайллора подальше!

– Нет, охотница, – холодно отозвался Берготт. – Это ты держись от нас подальше.

Музыка смолкла, и мы, наконец, остановились.

– Суд назначен на вечер четвертого дня. Поспеш, времени почти не осталось.

Настойчивость Берготта пугала. Чувства вопили, что за ней скрывается что-то еще. Но вот понять, что именно, не получалось. Одно ясно наверняка – нужно поговорить с Рроаком.

Я отошла от празднующих. Дождалась, когда он вернется, приняла его руку и вернулась за стол.

– Скажи... – заговорила спустя минуты три, – ты доверишь Берготту?

Рроак посмотрел на меня с удивлением:

– Конечно. Он же мой брат.

– Почему тогда хочешь отлучить от парящих?

Удивление сменила подозрительность:

– Откуда ты узнала?

– От него самого. Так почему? Ты же говорил, что парящие – это опора Северных Гнезд. Отлучив Берготта, ты ослабишь ее. Должна быть веская причина для такого решения.

Рроак поморщился. Отвернулся, нашел взглядом брата, сейчас танцующего с молодой драконицей. Еще немного помолчал и признался:

– Он слабеет. Не знаю, из-за чего и как ему помочь сохранить силу... и можно ли. Но его зверь чернеет. Пока это заметил только я, однако скоро увидят остальные.

– И что тогда?

– Отлучение от парящих.

– Но... – Я нахмурилась. – Почему в таком случае не оставить все как есть? Если итог одинаков.

– Ты не понимаешь, – Рроак вздохнул. – Если я отлучу его сейчас, он покинет парящих сильным. По крайней мере, таким, каким все привыкли его считать. И последующее угасание, если его не удастся остановить, воспримут как ответ зверя Берготта на решение кахррара. В этом увидят смирение, верность Северным Гнездам. Но если позволить остальным заметить его слабость, пока он среди парящих, – отлучение станет позором: будто он перестал был достойным. Берготт еще молод. Я не хочу, чтобы всю вторую и третью жизнь он чувствовал на себе осуждающие взгляды. Пусть лучше на него смотрят как на истинного сына Первопредка, покорного воле кахррара.

– В таком случае... разве тебя самого не обвинят в его слабости?

– Могут, – Рроак пожал плечами. – Но причина для отлучения веская: Берготт пошел против моего приказа, чуть не вынудив меня нарушить клятву Первопредку. Такое может и должно караться строго.

– Но...

– Берготт никогда не отличался силой. Зато гордости в нем с лихвой хватит на двоих. Пережить позор для него будет сложнее, чем решение суда.

– А ты говорил с ним?

– Нет. И тебя прошу сохранить это в тайне.

– Но почему?!

– Сейчас Берготт не примет правды. Если он узнает, что слабеет, то кинется доказывать обратное. А ты ведь понимаешь, как именно это делают драконы.

Я устало поморщилась. Боги, почему все так сложно?

Если сказать Берготту, что он слабеет, он кинется к предгорьям уничтожать людские селения или сражаться с охотниками, дабы уверить остальных – и в первую очередь себя самого, – что все еще силен. Если не сказать – он не поймет причин, толкнувших Рроака на суд. А не понимая, будет искать любой способ, чтобы его отменить.

Проклятье! И кого мне защищать? Невинных людей в деревнях? Охотников, что кинутся им на выручку? Берготта? Рроака? Себя?

Голова раскалывалась, точно полная воды бутыль на морозе. Хотелось удариться лбом об стол, а потом стукнуться еще пару раз, чтобы упорядочить мысли. Но сомневаюсь, что это поможет.

– Со временем Берготт все поймет. Поэтому не терзайся понапрасну. Давай лучше отдыхать.

Я посмотрела на Рроака, улыбнулась через силу и схватилась за кубок с вином. Кажется, сейчас это единственное, что заставит меня расслабиться хоть немного.

Глава 13

Вера Рроака в Берготта выбила почву из-под ног. Хотя на что я надеялась? Что между братом и чужачкой Рроак выберет меня? Глупость. Но времени действовать осторожно не осталось. Нужно рассказать все как есть: и о том, что стояла у кабинета, и о потасовке с Берготтом, и о его фантазиях, которыми он заменил воспоминания. Даже если Рроак мне не поверит, я, по крайней мере, буду знать, что сделала все, чтобы защититься.

Однако боги явно вели свою партию.

Следующим утром я проснулась и поняла, что едва могу пошевелиться. Все мышцы будто окаменели. Даже приподнять руку над кроватью было невозможно.

– Ч-что?..

– Тише, девочка, тише.

Голос Гррахары прозвучал совсем близко. Я с трудом повернула голову и увидела драконицу возле сундука.

– Принесла вещи для Сайллора, – пояснила она, поймав мой взгляд.

– Где?..

– Он завтракает внизу. Все в порядке, не переживай. Маккира, моя помощница, за ним присмотрит. А я присмотрю за тобой.

– Что?.. что?..

– Молчи. Не трать силы. – Гррахара подошла, опустилась на край кровати и коснулась моего лба. – Горячая... Так, давай-ка для начала ты выпьешь вот это, а потом...

– Ч-что?..

– Кинара! – Мне достался полный укоризны взгляд. – Я же попросила не тратить силы! Пей. Эта настойка собьет жар.

К моему рту прижался край толстой стеклянной кружки. По языку тугой волной прокатилась горечь. Я закашлялась.

– Все-все, ты умница, девочка. А теперь отдыхай. – Моего лба снова коснулись, на этот раз с лаской. – Рроаку пришлось покинуть Гнезда. Несколько ваших прошли перевал. Видимо, ищут тебя.

Сердце встрепенулось, будто птица, но тут же камнем рухнуло вниз. Радость от того, что братья про меня не забыли, сменилась беспокойством за Рроака.

– Не бойся, – Гррахара улыбнулась, точно поняв мои чувства. – Он не станет подлетать слишком близко, лишь проложит ложный след.

– П-почему... он?..

– Упрямая какая! Я кому велела молчать? Рроак один знает, где вы сражались, где ты его ранила, и куда он перенес тебя после. Сейчас снег надежно укрыл горы, но драконью кровь дети Ордена отыщут. А рисковать, посылая парящих, Рроак не захотел. Если уж так случится, что встречи с охотниками не избежать, только Рроак сумеет выстоять против нескольких.

Я слабо мотнула головой, возражая.

Если братьев по дайгенору будет двое или трое – да, вероятно, победа останется за Рроаком. А если их будет пятеро? Десятеро? Нет, против такой команды охотников не выстоять ни одному дракону.

– А ну хватит! – прикрикнула Гррахара, стоило мне вновь завестись. – Своим беспокойством ты ему не поможешь! Кахррар принял решение, нам остается смириться и молить Первопредка о благосклонности.

Выпалив тираду на одном дыхании, Гррахара замолчала. Несколько секунд жевала сухие губы, будто тоже пытаюсь совладать с беспокойством, потом продолжила:

– Есть еще кое-что, о чем тебе следует знать. Если Рроак падет, умрешь и ты. За эти дни я ослабила жар крови – это позволило Рроаку улететь, не опасаясь, что болезнь убьет тебя сразу. Но без него тебе не выжить. Если к рассвету третьего дня он не вернется, жар возьмет свое.

Она тяжело вздохнула. Посмотрела на меня и улыбнулась, явно пытаюсь подбодрить. Не знаю только, кого больше: меня или себя.

– Рроак поверил в тебя. Сейчас твой черед довериться ему. Он не причинит вреда твоим собратям, если только они не нападут первыми. И сделает все, чтобы вернуться. Поэтому хватит. Не терзайся пустыми тревогами. Будь стойкой, Кинара. Будь сильной – ведь ты растишь дракона.

– Са...

– Нет, не только в Сайллоре, – Гррахара качнула головой и опустила руку мне на грудь. – Ты растишь его в своей душе. А теперь отдыхай. Я буду рядом.

Вопреки требованиям, расслабиться я не смогла. Но когда в комнату вошел Сайлор, нашла в себе силы улыбнуться. Он приблизился ко мне, осмотрел хмуро, будто взрослый, коснулся пальцами моего лба. Бросил на Гррахару короткий взгляд и, не спрашивая разрешения, лег рядом. Подтянул коленки к груди, уткнулся в меня носом. Лишь тогда, чувствуя его присутствие, я смогла ослабить мысленные тиски.

Иногда я проваливалась в сон. Иногда на грани беспамятства слышала тихое бормотание Гррахары. Чувствовала прохладные прикосновения ко лбу и детские руки, вцепившиеся в мое предплечье. Когда они вдруг исчезли, все во мне ошетинилось. Вытолкнуло силой из беспокойного сна и заставило открыть глаза.

Комната утопала в сумерках. Лампы не горели, но естественного света хватало, чтобы различать очертания предметов. Сайллора в комнате не оказалось – его кровать стояла пустой. Да и Гррахары не было. Зато был Рроак.

В первую секунду, встретившись с ним взглядом, я испугалась. Черты его лица заострились, в глазах застыл холодный огонь. Всегда туго заплетенные волосы растрепались, на скулах запеклись темные корки. На левой руке, перевязанной от локтя до плеча, проступили кровавые пятна.

Не думая, вмиг позабыв о слабости, я попыталась сесть. Уперлась непослушными руками в постель, приподнялась чуть-чуть – и тут же упала. Снова потянулась вверх... и снова упала.

Рроак следил за мной со сдержанной отстраненностью – не помогал, но и не останавливал.

Ах так?

Я ухватила пальцами за край его жилетки, дернула на себя, сама подалась навстречу. И в этот раз, наконец, села. Мое лицо оказалось совсем рядом с его. Теперь, даже несмотря на сумрак, я разглядела порезы на высоких скулах и шее. Глянула вниз, отметила несколько рваных ран на груди и боку.

Боги, как он вообще держится? Где Гррахара? Ему же нужна помощь!

Снова посмотрела вверх и поймала напряженный взгляд. Не знаю, что в нем изменилось, но внезапно, буквально в секунду, все обрело ясность: и то, почему Рроак пришел ко мне раньше, чем к Гррахаре; и то, почему он молчит.

В груди потяжелело.

– Сколько? – спросила я глухо.

Рроак зло дернул уголком рта.

– Сколько – что? Сколько их было? Или сколько я убил?

Я не ответила. Впитала глухую ярость дракона, словно губка, и попыталась унять собственную. Выходило плохо. Эмоции клокотали в груди, как вода, закипающая в чане. Вырывались тяжелыми каплями, с шипением скатывались по раскаленным бокам и обжигали горячим паром. Но спроси меня, на кого я злюсь – на Рроака, отнявшего жизни охотников, или на братьев по дайгенору, оставивших эти рваные раны, – и я не отвечу.

Наконец, когда воздух едва не зазвенел от напряжения, Рроак заговорил:

– Я убил троих. Еще четверо сумели уйти.

– Ты гнал их?

Мой голос прозвучал спокойно. Так, будто внутренности не скручивало в узел, а кости не дробились в труху.

– Нет. Тех, что решили отступить, я не преследовал.

Я кивнула. Несколько секунд собиралась с духом, чтобы задать следующий вопрос, и выпалила, будто бросаясь в пропасть:

– Как? Как все случилось?

Душу раздирали противоречия. Одна часть меня не желала знать подробности, трусливо дрожала, словно заячий хвост. Но другая, скованная тисками разума, понимала – если не выясню все сейчас, так и буду терзаться сомнениями. А их в моей жизни и без того слишком много.

– Я прилетел поздно. Нет, следов они еще не нашли, но подобралась близко. Пришлось действовать аккуратно. Я сумел их отвлечь, направить в другую сторону, а сам уничтожил все пути к пещере. Но когда я закончил и уже хотел возвращаться, один из охотников почувствовал мое присутствие. У подхвостыша оказались отличные реакции – он выпустил стрелу быстрее, чем я поднялся к облакам.

– Стрелу? Они... они отправили соколов?! Но... но...

Мысли закружились, словно стая ворон над полем битвы.

Соколы – охотники, использующие лук и стрелы. Специальные наконечники изготавливают из той же стали, что дайгенор; шесть лун пропитывают заговоренным настоем. Стрелы соколов отличаются от обычных – они тяжелее и длиннее. Луки мощнее. Далеко не каждому охотнику под силу управиться с ними.

По весне из послушников, только начавших обучение, выбирают несколько лучших. Их тренируют отдельно, закаляют; воспитывают так, как не воспитывают обычных охотников – жестко, без жалости и поблажек. В отличие от нас, им не дают второго шанса. Сорвался со скалы? Недостоин быть соколом. Проиграл в схватке со старшим братом? Недостоин быть соколом. Не выбил десять целей из десяти? Ответ ясен.

Но именно соколы, пройдя обучение и убив первого дракона, отправляются на службу к императору. Они – элита, сильнейшие и опаснейшие дети Ордена. Удивительно, что в отряде, посланном на мои поиски, оказался сокол. Или то была его первая охота?

Я снова осмотрела Рроака, задержалась взглядом на перевязанной руке.

– Говорят, соколы всегда целятся в крылья, чтобы драконы не могли улететь...

Мои губы еще шептали последние слова, а картина случившегося уже выстраивалась перед глазами, как кусочки цветного стекла в законченный витраж. Я увидела алого ящера и охотника, выпускающего стрелу. Услышала рев раненого животного, глухой удар о снег, гул огня оборота и тихое шипение Рроака.

– Даже с нашей скоростью восстановления нужно время, чтобы снова взлететь, – холодный, будто неживой голос врезался в мои мысли. – Еще не помешало бы спокойствие, но твои братья такой любезности мне не оказали.

– Ты не напал на них?

– Нет. Я ведь пообещал, что без крайней необходимости не стану убивать. Разве Гррахара не передала?

Я растерянно кивнула и снова заскользила взглядом по лицу Рроака. Он избегал битвы... ради меня?

– Двое с половиной суток я пытался скинуть их с хвоста, медлил до последнего. Но времени не осталось – к рассвету третьего дня я должен был вернуться. Пришлось напасть. Первым я убил того подхвостыша со стрелами. Потом еще двоих. Остальные, к счастью, решили отступить.

Сначала я не поняла, что царапнуло внимание. Драконье ругательство? Нет. То, что сокол умер первым? Тоже нет. Будь я на месте Рроака, действовала бы так же. А потом в ушах прозвучало эхом:

«К рассвету третьего дня я должен был вернуться...»

Боги, все из-за меня! Это я виновата в смерти братьев!

Если бы не спешка, Рроак мог бы еще несколько дней плутать по горам, замечать следы, уходить от погони. Дождаться, когда перевал укроется метелью и вынудит охотников отступить. Тогда никто бы не умер. Но чтобы сохранить жизнь мне, Рроаку пришлось отнять ее у трех моих братьев. Теперь убедить отцов пойти на мир с драконами будет еще сложнее. И Рроак это понимает.

Проклятье!

– Рад, что ты в порядке. Теперь, когда мы рядом, ты быстро придешь в себя. Отдыхай.

Рроак попытался встать, но я снова вцепилась в его жилетку, останавливая. Не поднимая головы, не зная, что сказать и стоит ли говорить хоть что-нибудь, я потянулась вперед. Прижалась щекой к горячей груди и замерла.

Сердце Рроака стучало так быстро, словно он только-только вырвался из схватки. Мое же, потяжелевшее, еле билось.

Скорбь по погибшим братьям переплелась с радостью, что Рроак выжил, словно пряди в тугой косе. Сверху, вместо цветных ремешков, их обвил запоздалый страх. Не собственной смерти, нет. А того, что все могло закончиться иначе.

Стоило представить алого ящера Рроака на снегу; увидеть, как гаснет огонь во взгляде; как братья выжидают положенные часы, пока драконья кровь остынет, а потом вырезают мощное сердце; как вырывают клыки и спинные шипы – и меня замутило.

Страх подскочил к горлу тугим комком, прокатился по телу ледяной волной. По венам, словно яд, разлилось презрение к самой себе. Я не должна радоваться, что выжил дракон, а не братья. Не должна! Но облегчение – постыдное, сладкое – затопило душу.

Поддаваясь ему, я осторожно, чтобы не причинить боли, скользнула пальцами Рроаку под жилетку, прижалась теснее. Вдохнула его запах, смешанный с запахом запекшейся крови, закусил губу и заплакала.

Я плакала от горя и радости. От чувства вины и облегчения. Цеплялась за Рроака как за единственную опору в мире, ставшем для меня слишком запутанным. Обнимала его, размазывала слезы по широкой груди и упрямо кусала губы в тщетной попытке сдержать всхлипы.

Рроак молчал. Не объяснялся, не проклинал Орден, не защищался. Обняв меня здоровой рукой, притянул еще ближе и уткнулся носом мне в волосы. Он впитывал мои эмоции, как ранее я – его ярость.

Я давно так не плакала. По правде сказать, я в принципе давно не плакала. В Ордене нас учат держать удар, улыбаться, несмотря на боль. Нас учат не показывать слабости. Но здесь, в Северных Гнездах, я будто забываю все, чему учили. И что самое удивительное, именно здесь я чувствую, что все происходящее – правильно. Даже эти слезы. Даже моя слабость.

Когда я успокоилась, Рроак отстранился. Вгляделся в мое заплаканное лицо и до скрежета стиснул зубы.

– Я пришлю Гррахару, – произнес глухо. – У нее есть успокаивающая настойка, она поможет. Сайллору пока лучше побыть с Героттом. Не стоит ему видеть, как ты убиваешься из-за смерти охотников.

Не прощаясь, он вышел. Я же уставилась на дверь невидящим взглядом. До этого шедшие упорядоченно мысли перемешались.

Неужели... Рроак решил, что я плакала только из-за смерти братьев?

* * *

Гррахара появилась спустя полчаса. Глядела хмуро, моих попыток объясниться не слушала, заговаривать не спешила. Лишь раз она насмешливо фыркнула – когда я попыталась объяснить, что чувствую. Судя по всему, старая драконица не поверила, будто охотница может беспокоиться о драконе так же сильно, как о собратях по оружию.

Напоив меня настойкой, Гррахара ушла. Еще до того, как за ней закрылась дверь, я почувствовала сонливость. Проклятье! Теперь понятно, отчего у настойки был этот странный, чуть сладковатый привкус. Кажется, именно такой дает ночь-трава... Додумать, почему Гррахара не предупредила об этом, я не успела: веки сомкнулись, мысли затянула мягкая темнота.

Я проснулась ближе к обеду. Часов в комнате не нашлось, но длинные солнечные дорожки давали понять: полдень миновал час или полтора назад. Лежа в кровати, я прислушалась к тишине дома, попыталась уловить хоть какой-нибудь звук. Но, судя по всему, я одна.

Слабость все еще ощущалась, хотя и не так явно. Я смогла встать, одеться и, заплетя косы, спуститься вниз. Там схватить жилетку и выскочить на улицу.

Нужно найти Рроака. Не хочу, чтобы из-за недомолвок или непонимания мы утратили хрупкое доверие, которое обрели с таким трудом. Неважно, поймет ли он меня и поверит ли моему рассказу о Берготте, но я обязана попытаться. Хватит осторожничать. Гррахара права: Рроак доверился мне, и не раз. Теперь мой черед сделать шаг навстречу.

Ноги сами понесли к чертогу. Уверена, бо́льшую часть дня Рроак проводит именно там. На празднике в честь Сайллора меня видели танцующей с парящим. И пусть воспоминания о стальных объятиях Берготта рождали в душе глухую ярость, сейчас я была почти благодарна ему за наглость. Как он и говорил: драконы увидели, что парящие меня приняли. А значит, меня должны пропустить в чертог.

Однако до него я не добралась. Почти на площади меня нагнал Геротт – дядя Сайллора. Преградил путь и нахмурился, прожигая взглядом.

– Надо поговорить. – Слова прозвучали сухо, отрывисто. Геротт будто силой вытолкнул их из глотки.

– Здесь?

– Нет. Там.

Скупым кивком мне указали на соседнюю улицу. В самом ее конце виднелся двухэтажный дом под красной крышей. Входная дверь распахнута.

Я повернулась к Геротту:

– Мне надо к Рроаку.

– Это... важно, – снова вытолкнул из себя он. – Для Сайллора.

Еще секунду я медлила, бросая беспокойные взгляды то на чертог, то на дом. Потом кивнула. Геротт тут же зашагал вниз по улице. На меня больше не смотрел.

Впервые я встретила дракона, ненависть в котором ощущается так явно. Все в Северных Гнездах поглядывают на меня с опаской: кто-то с большей, кто-то с меньшей. Но ни в ком прежде я не видела таких сильных эмоций.

– Сайлор здесь? – уточнила, поднимаясь по ступенькам.

– Да. Спит. Тихо.

Мы миновали гостиную и разместились на кухне. Геротт плотно прикрыл дверь, сел так, чтобы не дать ей случайно распахнуться, и повернулся ко мне. Заговаривать не спешил. Широкие ноздри раздувались от частого дыхания, на скулах проступили желваки. Во взгляде – уголь. Не огонь. Судя по всему, Геротт слабый дракон. Возможно, даже слабее Берготта.

– Почему?

– Почему – что? – спокойно уточнила я.

– Почему ты приняла его? Ты чудовище.

– А для меня чудовище ты. И Сайлор, когда вырастет, станет чудовищем. Мой священный долг убивать вам подобных, и я буду следовать ему до конца своих дней...

Геротт задышал чаще. Серые глаза сощурились.

– Ты хотел услышать это, верно? – продолжила я все так же спокойно.

– Охотники не могут мыслить иначе!

– Если бы ты в это верил, не позвал бы к себе. Ты боишься. Вот только не меня – за Сайллора. Ты... – я прищурилась, всматриваясь в узкое лицо, – бился с охотником?

Тень ярости промелькнула во взгляде Геротта и тут же схлынула, уступив место холодной ненависти.

– Да, бился.

– Раз ты здесь, значит, повод для гнева есть у меня, а не у тебя.

– Ош-ш-шибаешься! Я должен был проиграть в той битве! И проиграл бы! Если бы не Райллин, моя сестра.

Тонкие пальцы удлинились, покрылись синей чешуей. Поймав солнечный луч, блеснули сталью когти.

Я напряглась, готовая в любой момент уклониться от удара. Подобралась и боковым зрением оглядела кухню. Нож нашелся на подоконнике. Проклятье! Далековато. Но если уйти от первой атаки, кувыркнуться и...

– Огонь Первопредка в ней горел слабо, но все же сильнее, чем во мне. Когда я не вернулся с охоты, Райллин поняла, что я в опасности, и кинулась на помощь.

Скрежет когтей по столешнице прозвучал пронзительно громко. Волоски на теле встали дыбом, нутро перетряхнуло.

– Отец Сайллора погиб двумя зимами ранее. Пережив одну потерю, моя сестра не хотела переживать вторую. Она прилетела, когда меня загнали в ущелье. Приказала спасаться, обещала, что справится...

Пальцы-когти скривились, будто сведенные судорогой. Вспороли столешницу, как плуг – землю, и сжались в кулаки.

– Ты винишь себя в ее смерти?

Геротт вскочил, со скрипом отодвинув стул, навис надо мной и впился злым взглядом:

– Не лезь не в свое дело, охотница! Я позвал тебя не за этим!

– Тогда зачем?

– Чтобы ты поняла: я никогда не отвернусь от Сайллора! Всегда буду рядом. И если ты посмеешь хоть как-то... даже случайно ему навредить, клянусь Первопредком, я заставлю тебя пожалеть. Зачем вообще ты приняла его?

– Он сам меня выбрал...

– Чушь! Если бы ты не открылась ему, он бы не выбрал. Детеныши тянутся к тем, кто готов их принять. На церемонии наречения как минимум три драконицы распахнули перед ним душу, но ты... ты!..

– Я не стану отказываться от него, если ты ждешь именно этого.

Новый скрежет когтей по дереву прозвучал протяжнее, чем раньше. Я осторожно, стараясь не делать резких движений, отодвинулась. Теперь, если дракон кинется, у меня есть место для маневра.

– Почему? Кого ты видишь, когда смотришь на него? Дракона? Чудовище? Кого?!

Серые глаза полыхнули холодным огнем. Не настоящим, какой я иногда вижу в глазах Рроака, а огнем эмоций и чувств.

Готовое соскользнуть с языка «ребенка» я проглотила. Посмотрела без страха на Геротта и ответила то, что до этого боялась произнести даже мысленно:

– Сына.

Геротт фыркнул – насмешливо, колюче, отрицая саму возможность, что сказанное может быть правдой. Но я не стала настаивать – только глядела не мигая и ждала.

Секунды таяли, как свеча под зажженным фитилем. Воздух густел, облеплял нас, подобно воску. А потом вдруг рассыпался мягкой крошкой – это Геротт, снова фыркнув, упал обратно на стул. Синяя чешуя истаяла, возвратив рукам человеческий облик. Когти вновь стали пальцами.

– С чего бы? – спросил он недоверчиво, но уже без прежней ярости.

– Не знаю. Сама пытаюсь понять.

– И?

– И не понимаю. – Я улыбнулась. – Но это и не важно.

– А что тогда важно?

– Сайлор. Клянусь, я никому не позволю его обидеть. Буду поддерживать, пока смогу.

– Пока сможешь? Это сколько? Неделю? Месяц? Ты здесь ненадолго, охотница, сама знаешь. А что делать Сайлору, когда ты уйдешь? Об этом ты подумала, когда решила поиграть в дочки-матери с драконен...

Громкий удар в дверь прервал его на полуслове. Круглая ручка с силой врезалась в стул Геротта.

– Дрянные ветра, – пробурчал он, вставая.

За дверью стоял Сайлор. Маленький, светловолосый, но грозный, словно надвигающийся шторм. Пальцы сжаты в кулаки, челюсти плотно сведены, во взгляде огонь. Причем, как мне показалось, настоящий – крохотная искра, полыхнувшая алым лепестком.

Геротт снова фыркнул. Однако уже не насмешливо, а так, будто уступал. Сайлор прошагал мимо него, забрался ко мне на колени, взял мои ладони и свел их так, чтобы оказаться в кольце моих рук. А потом

снова вскинул хмурый взгляд на дядю. И в этот раз мне не нужно было видеть выражение его лица, чтобы понять: Сайлор смотрит с вызовом.

Все во мне отозвалось этому. Я крепче обняла мальчика, притянула его к себе, поцеловала в макушку и тоже уставилась на Геротта. Он выглядел растерянным. Кажется, за время праздника он так и не понял, что связь — эта непонятная связь, о которой говорили и Гррахара, и Рроак, — установилась.

— Упертый алькард. — Он качнул головой и снова посмотрел на Сайллора, но уже без недовольства, а со щемящей тоской. — Совсем как Райллин.

Глава 14

Я не смогла уйти сразу. Сайлор вцепился в меня клещом, прижался крепко-крепко и иногда поглядывал с беспокойством, будто проверяя, правда ли я в порядке.

Геротт успокоился. Нет, океан ненависти к людскому племени, так отчетливо читающийся в его взгляде, никуда не делся. Но теперь в нем появился крохотный островок сомнений. Это еще не доверие и не принятие меня, как опоры для Сайллора, но готовность рискнуть. Геротт дал мне шанс. И я приложу все силы, чтобы не упустить его.

Сейчас, глядя на то, как Геротт ставит на плиту чайник и кидает в него сушеные листья, я подмечала скованность движений. Что-то будто мешает ему широко отвести левую руку от тела. Не сомневаюсь: это последствия той схватки с охотником.

На каждом из нас прошлое оставило шрамы. На мне, на Рроаке, на Сайллоре. Теперь я начинаю видеть шрамы Геротта. Он живет без пары – в доме не чувствуется присутствия женщины. Его сестра и ее муж погибли. Сайлор – единственный кровный родственник – не разговаривает. А его опорой на земле стал человек. Если задуматься, мне еще повезло, что Геротт не кинулся на меня, а попытался понять. Охотник на его месте медлить бы не стал.

Сайлор снова завожился, задрал голову, посмотрел на меня хитро-хитро, как лис, нашедший лазейку в курятник. Спрыгнул, взял за руку и требовательно потянул за собой. Спорить или возражать я не стала.

Мы поднялись на второй этаж, толкнули первую дверь и очутились в детской.

– Так вот где ты жил раньше.

Я с улыбкой огляделась. Отметила рисунки угольком, небольшой сундук под купольной крышкой, кровать, стол со стулом, игрушки в открытом ящике. Присев, принялась перебирать их. Волки, алькарды, драконы, медведи... Все из дерева, покрытые лаком. Красивые.

Пока я разглядывала игрушки, Сайлор открыл сундук, зарылся в него почти по пояс, выудил тонкий коричневый ремешок. Потом выдернул из ящика фигурку крохотного ящера, аккуратно обвязал его

и протянул мне. Я подставила ладонь. Ящер упал, едва ощутимо уколов кожу крохотными когтями, и завалился на бок. Я пригляделась. Эта игрушка не похожа на остальные, сделана искуснее. Каждую чешуйку можно прочувствовать пальцами; маленькие шипы, зубы в приоткрытой пасти... Надо же.

– Совсем как настоящий. Уверен, что хочешь отдать его мне? Красивый ведь.

Сайлмор кивнул.

– Спасибо, малыш.

Я тепло улыбнулась. Перекинула ремешок через голову, на мгновение сжала ящера в кулаке, будто обнимая, и спрятала под одеждой.

Ответного подарка, к сожалению, у меня не нашлось. Охотники не носят украшений, игрушек у нас не бывает, а знаков отличия я не получала. Но кажется, Сайлмор и не ждал ничего взамен. Увидев, что я надела украшение, он просиял, поймал меня за руку и потянул дальше – к столу. А точнее, к разноцветным камешкам в глиняной чаше, стоящей у дальнего угла. Кажется, Сайлмор решил показать мне все свои сокровища.

Я не могла перестать улыбаться, глядя на него. На лицо, светящееся от восторга, на полные ладошки камешков, на непослушные волосы, которые торчали, будто шипы у игрушечного ящера. Мгновения тепла и счастья, украденные у мира.

Охотницы не становятся матерями, не заводят семьи. Наш удел – служить идеалам Ордена, умирать за них, если потребуется. Однако Северные Гнезда преподнесли мне драгоценный дар: позволили пережить такие эмоции, которые в обычной жизни я никогда бы не испытала.

Эти эмоции затянули настолько, что я не заметила, как пролетели полтора часа. А опомнившись, с трудом заставила себя покинуть Сайлмора. Обняла его перед уходом, попросила Геротта присмотреть за моим мальчиком и пообещала вернуться вечером.

Да, я вернусь. Поговорю обо всем с Рроаком, объясню ему, что чувствую, упрошу забрать Сайлмора к нам. Все будет хорошо. Обязательно. Мы избавимся от недопонимания, сомнений и страхов. Я не хочу больше терзаться. Вместо этого хочу чувствовать тепло и покой, какие испытываю вечерами у камина, сидя напротив Рроака.

Хочу прижимать к себе Сайллора, целовать его в спутанные волосы. Хочу стать не просто смелой, а по-настоящему свободной – как жители Северных Гнезд. Гррахара не ошиблась, сказав, что я ращу дракона. И теперь я наконец поняла, что она имела в виду.

Снежные шапки искрились от солнечного света, вынуждали щуриться, прикрывать ладонью глаза. Я добежала до площади, взлетела по ступеням к дверям чертога. Огляделась, удивляясь отсутствию караульных – в Ордене у входа в главную башню всегда несут службу двое, – и вошла.

Холл, в котором я очутилась, поразил размерами. Здесь наверняка может поместиться взрослый дракон! Высокий свод, полукруглые балконы второго и третьего этажа, поддерживаемые колоннами. И пять коридоров, расходящихся из холла, будто лучи солнца.

Я растерялась. В какую сторону идти?

Вдруг из правого прохода донесся звук торопливых шагов. Я повернулась и увидела молодого дракона в светло-серых одеждах.

– Что вы здесь делаете? Как посмели войти в чертог?!

– Прошу прощения, что вторглась без приглашения, но мне нужно поговорить с кахрраром. Это важно.

Юноша остановился, вопросительно уставился на меня, будто ожидая пояснений. А не дождавшись, качнул головой.

– Сейчас кахррар никого не принимает. Он на суде.

– На... на каком суде?

На миг показалось, что пол подо мной исчез. Желудок стянулся в узел.

Берготт ведь говорил, что у меня есть четыре дня. Четыре, не три! Наверняка это другой суд. Да, должно быть так...

– Суд над Берготтом, – пояснил дракон, разбивая мои надежды. И, словно этого мало, добавил: – Идет уже часа два.

Я не стала спрашивать, почему парящие собрались раньше. Вряд ли этот юнец знает. Да и причина уже не имеет значения – сейчас важнее поймать ускользающий туман. Нельзя позволить Берготту осуществить задуманное.

– Я должна попасть на суд.

Дракон прищурился.

– Если двери главного зала закрыты, никто не смеет их открывать. Только когда кахррар отворит их, слушание будет окончено, а приговор

вынесен. Известный же порядок, – добавил снисходительно.

В глубине карих глаз горело любопытство, уверенность в собственном превосходстве, азарт. Не было лишь главной эмоции, которая вспыхивает во взгляде каждого дракона, впервые столкнувшегося с человеком. Ненависти.

Проклятье!

Уверена, этот дракон никогда не бился с охотниками. Он нас не боится. И моих просьб слушать не станет – лишь поглумится и, довольный собой, выставит вон. Значит, придется действовать наверняка.

На оценку ситуации ушла секунда, еще одна – на принятие решения, на третью – я кинулась на дракона. Выхватила из его ножен кинжал-клык и прижала к тощему горлу.

Дракон застыл, будто статуя. Узкие зрачки расширились, ноздри раздулись.

– Я должна попасть на суд, – повторила, чеканя каждое слово.

– Ты... ты...

– Охотница. Неужели тебе не рассказывали, насколько мы безжалостны? Поверь, я не дрогну, – блеф слетал с губ уверенно. Я сама почти верила тому, что говорю. – Не рискуй понапрасну. Отведи меня к кахррару и останешься цел.

Дракон испуганно сглотнул. Кадык дернулся, задел острое лезвие и окрасил его алым. Всего лишь царапина, но дракон побелел.

Я криво усмехнулась. Вот ведь храбрец! В Ордене никто, даже самый юный послушник, не дрогнул бы от холода стали у горла. Уж точно не перед врагом. Неудивительно, почему этого дракона нет среди парящих. Но так даже лучше.

– Веди!

– Н-нам т-туда...

Я подтолкнула его в бок и зашагала рядом, удерживая кинжал у горла. Не самая удобная поза, если признаться. Дракон мог бы легко уйти от захвата, выбить оружие из моих рук, перехватить его, атаковать, но вместо этого он едва не трясся от ужаса. Рроак наверняка взбесится, когда узнает об этом. И пусть! Сейчас я делаю то, что должна.

Как давно вызвали Берготта? Успел ли он очернить меня? Боги, молю, хотя бы раз помогите! Не дайте парящим увидеть во мне

шпионку, роющуюся в бумагах кахррара. Не позволяйте мне упасть в глазах Сайллора. Я не хочу, чтобы он решил, будто ошибся в выборе. Не хочу, чтобы сожалел и терпел насмешки. Но главное – я до дрожи в желудке не хочу, чтобы Рроак прочувствовал грязные фантазии Берготта. Если у меня остался хоть малейший шанс выступить первой, я обязана им воспользоваться.

Мы пропетляли коридорами. Двигались совсем не в ту сторону, где проходила церемония наречения. Поднялись на три этажа, миновали несколько узких переходов и два открытых зала. Остановились у стрельчатых дверей, укрепленных витой ковкой. Мой провожатый нервно оглянулся, жалобно посмотрел на меня, без слов моля не заставляя его стучать.

Я поморщилась. Какой же он трусливый! Выглядит взрослым, а дух слабее, чем у Сайллора!

– Дверь заперта на замок и ключ есть только у кахррара? Или никто не смеет открывать ее, пока идет суд?

– В-второе.

Я отняла кинжал от тощей шеи. Подумала мгновение и протянула его рукояткой вперед.

– Я не скажу кахррару, что это ты меня привел. Никто ничего не узнает, если сам не проболтаешься.

Дракон бросил недоверчивый взгляд на меня, на кинжал, снова на меня.

– Никто? – переспросил с надеждой.

Вот ведь заячий хвост!

– Никто. Слово охотницы.

Движение быстрое, как бросок кобры, – и кинжал вернулся в ножны, а сам дракон поспешил прочь. Я фыркнула. С его скоростью реакций бояться человека глупо. Нужно поговорить с Рроаком – такого дракона опасно посылать к перевалу. Даже превосходя в силе и ловкости любого охотника, он проиграет.

Но это все потом. Если мое «потом» будет.

Я глубоко вдохнула – и решительно толкнула двери.

– Поэтому, мой кахррар...

Говорящий прервался и посмотрел на меня. Все присутствующие тоже.

Зал суда оказался меньше того, где проходила церемония наречения. Да и парящие теперь не стояли, преклонив колени, а вместе с кахрраром сидели за С-образным столом – огромным, вырезанным будто из скалы. Берготту, как отвечающему, сесть не позволили. Он замер коленопреклоненным перед драконьим судом.

На Берготта я глянула лишь мельком. Да и на остальных парящих, если признаться, тоже. Все внимание, словно цепями, приковало к Рроаку. К огню, полыхающему в глубине зеленых глаз; к плотно сведенным челюстям. К пальцам, сжатым до белых костяшек. Я потянулась навстречу, как тянулась к Сайллору на церемонии наречения; открылась душой. Но, в отличие от Сайллора, Рроак не принял меня.

– Как ты посмела прервать суд парящих? – пророкотал он.

– Мой кахррар, – Берготт поднялся и с поклоном шагнул вперед, – прошу, не гневайтесь. Охотница не знает наших порядков.

– Защищаешь ее? После того, как сам же очернил?

– Вы же все видели, кахррар. – Он опустил голову ниже. – Я не могу не заступиться за женщину, которая стала моей.

Еще до того, как я осознала сказанное Берготтом, Рроак взревел:

– Что ты сказал?!

– Вы ведь все видели... Пламенноволосяя заинтересовала меня с первой встречи. Я должен был устоять, мой кахррар. Должен! Но не смог...

– Это ложь! – гневно воскликнула я. – Грязная ложь, которой этот подхвостыш пытается...

Рроак ударил по столу с такой силой, что даже воздух содрогнулся.

– Не смей сквернословить в стенах чертога. И не забывайся, – холодный взгляд прошил меня иглой, – ты говоришь о моем брате.

– Но...

– Ты утверждаешь, что все ложь, так?

Сердце замерло, будто вмиг разучившись биться. По жилам заструился страх.

– Так.

Рроак прищурился:

– Тогда, уверен, ты не против открыть нам свою память.

– Нет! – выкрикнула я испуганно. И тут же добавила: – Берготт открывал мне память, но вместо настоящих воспоминаний показал фантазии.

– Память не открывают чужакам. Это личное.

– Он шантажировал меня! Требовал, чтобы я разубедила тебя проводить суд и...

Берготт громко фыркнул и посмотрел на меня как на полоумную:

– Чтобы чужачка повлияла на мнение кахррара? Вот уж чушь!

– Нет! Сейчас он отрицает все, чтобы обелить себя. Но это правда, Рроак! Я клянусь тебе, это правда!

– Тогда открой нам свою память. Если Берготт сделал то, что ты говоришь, мы увидим это.

Я оглядела присутствующих. На лицах каждого парящего застыло презрение. Никто не верит, что охотница может говорить правду. Даже Рроак.

Проклятье! Как долго Берготт опутывал их паутиной лжи? Полчаса? Час? Дольше? Сколько он убеждал их в своей искренности, пользуясь тем, что меня нет и я не могу возразить. Как теперь доказать свою невиновность?

– Ну? Если ты говоришь правду, бояться тебе нечего.

Повернувшись, я поймала взгляд Рроака. Холодный, колючий, но со слабой искрой надежды, тлеющей в глубине. Точнее, не уверена, есть ли она на самом деле. Или мне просто захотелось ее увидеть?

– Хорошо.

– Опустит руки в чашу и закроет глаза. Ни о чем не думай. Я сам вытяну твои воспоминания на водную гладь.

Я кивнула. Твердой походкой подошла к постаменту с узкой, словно лодка, чашей. Замешкалась на мгновение, но все же заставила себя выполнить требование.

Берготт говорил, что его фантазии переселят мои воспоминания. Однако я не позволю этому случиться. Игнорируя просьбу Рроака, я принялась воскрешать в мыслях первый вечер в Северных Гнездах. То, как удивлялась драконьему ливню, как спустилась по лестнице и как оказалась у дверей кабинета. Как стояла, переминаясь в сомнениях, и как развернулась, чтобы уйти. Схватка с Берготтом, его угрозы – я сознательно воскрешала в памяти каждый миг.

Да, вот так. Шаг за шагом. Берготт еще ответит за свои действия!

Сердце наполнилось уверенностью. Сковавший тело лед затрепал. Я почти скинула его, расплавила внутренним жаром, как вдруг меня обожгло прикосновение. Не в настоящем мире – в мире воспоминаний. Бесстыжее, наглое. Я ощутила прижимающееся ко мне мужское тело, желание и стыд. Свой стыд, настоящий!

Боги, нет!

Стоило поддаться этому стыду на миг – всего на секунду, – и все изменилось. Правдивые воспоминания вытеснили фантазии Берготта. Грязные, пошлые, лживые. В ушах снова зазвучал мой голос – искушающий и дразнящий; кожу опалило жаром чужой близости.

Нет! Нет!

Я задержалась, будто разом приняла удар сотни стрел. Упала, врезалась коленями в каменный пол, закусил губу, чтобы только сдержать крик, и вскинула взгляд на Рроака.

Искра надежды в его глазах погасла. Вместо нее разгорался другой огонь – плохо скрытой ярости, отвращения. Злобы.

Берготт же залился соловьем. В фальшивой заботе он заступался за меня, напоминал о привлекательности силы, поворачивал все так, будто я сама предложила ему себя. Грязь лилась как дождевая вода из ливневой трубы, – стремительным потоком. Вырывалась на волю и сметала остатки сомнений. Не у меня – у парящих.

Я же смотрела только на Рроака. Ничего говорить не пыталась – это уже бесполезно. Берготт вывернул ситуацию в свою пользу, теперь любая моя правда будет казаться ложью. Лишь одно я не смогла спустить – когда Берготт вновь сказал, будто познал меня как женщину.

– Нет! – выкрикнула отчаянно.

Но мой возглас перекрыли слова Рроака:

– Довольно. Суд услышал достаточно. Решение будет оглашено завтра.

Поднявшись, он стремительно вышел из зала. Тяжелые двери с грохотом врезались в стены – так сильно Рроак их толкнул.

Глава 15

Палящие потянулись следом. Нас с Берготтом, что удивительно, задерживать не стали. То ли драконы настолько привыкли следовать правилам, что сбегать никому бы и в голову не пришло. То ли побег в Гнездах караются как ничто другое.

Едва поняв, что меня не станут запирают или связывать, я кинулась прочь из зала. Куда? В какую сторону ушел Рроак? Поддаваясь интуиции, побежала к выходу. Может, если поспешить, получится нагнать Рроака у главных дверей?

Но интуиция меня подвела. Я не встретила Рроака ни в чертоге, ни за его пределами. Вернувшись домой, с ногами забралась в кресло. Разжигать в камине огонь я не стала. Глядела на дорожку света, стремительно сокращающуюся, и вслушивалась в окружающую тишину. Ну же! Возвращайся! Позволь уловить звук твоих шагов, почувствовать твое присутствие! Пожалуйста...

Сумерки укутывали комнату плотным коконом. Очертания предметов скрадывались, за окном становилось все темнее. С каждым часом в небе загоралось больше звезд.

К тому моменту, когда дверь с тихим скрипом отворилась, дом укрылся темнотой, словно ребенок – пуховым одеялом. Рроак вошел, остановился, явно к чему-то прислушиваясь, а потом развернулся и зашагал к лестнице.

– Пожалуйста, подожди!

Я вскочила с кресла и раненой птицей кинулась к нему. Ноги онемели от долгого сидения в одной позе, слушались плохо. Но я не позволила себе замедлиться даже на секунду. Нагнала Рроака у первой ступени и схватила за жилетку.

Он остановился.

– Чего еще ты хочешь, охотница? Разве ты получила не все, на что надеялась? Признание кахррара, мудрой Гррахары, драконьего сына; мужчину, согревающего твою постель. Что еще мы можем тебе дать? Какие еще разговоры ты желаешь подслушать и в каких бумагах покопаться?

Слова звучали отрывисто, сухо.

– Я... Рроак, я...

– О, стесняться больше нет смысла.

Он схватил меня за руку и грубо потянул к кабинету. Распахнул дверь, втолкнул меня внутрь и зажег лампы. На миг я ослепла от их света, потом снова посмотрела на Рроака.

– Вперед, охотница. Ну же! Ты наверняка успела прочесть не все свитки. Хотя, должен признать, успевала ты многое: и шпионить за нами, и делить постель с моим братом.

– Нет! Рроак, я не шпионила! Зачем бы? Вы открыли и показали мне так много...

– А Бергготт, надо полагать, показал тебе еще больше?

Наклонившись, он схватил меня за руку и притянул к себе. Его взгляд потемнел, на лице отразилась мука.

– Я признался тебе в слабости, позволил увидеть ее. Боролся с ней, уважая твою честь и нашу благую цель. Но, судя по всему, у охотниц нет чести!

– Нет, Рроак! – Я чуть не заплакала. – Клянусь, я никогда не принадлежала Бергготту.

– Он открыл память. Ты тоже открыла память! Думаешь, после увиденного я поверю, что ничего не было? Я чувствовал вашу страсть! Каждый из парящих ощутил ее!

Он скривился в презрении. Попытался оттолкнуть меня, но я вцепилась в него с таким отчаянием, словно от этого зависит моя жизнь.

– Когда бы, Рроак? Когда бы я могла быть с ним? Когда умирала в последние дни? Когда переживала из-за Сайллора? Когда?!

– Не притворяйся. У тебя хватало свободного времени. И довольно! Не желаю больше говорить о вас двоих. Гррахара сообщила, что ты почти здорова. Уверен, она сумеет закончить лечение раньше срока. Тебе пора покинуть Северные Гнезда.

Силой выдернув жилетку из моих пальцев, Рроак вышел. Я не стала бежать за ним вслед. Стояла, кусая губы, и молча глотала слезы.

Это конец? Чувства, возникшие между нами, должны погаснуть... вот так? А доверие? Неужели мы лишились всего, чего достигли с таким трудом?

Нет.

Ноги сами понесли мне прочь из кабинета. Эмоции, еще секунду назад бушевавшие, словно штормовое море, утихли. Сомнения исчезли. Поднимаясь по лестнице, я расплела волосы, скользнула пальцами по цветным ремешкам и выпустила их. Тихий удар, с которым они упали на ступени, отозвался во мне эхом. Следом на пол полетела жилетка.

Страшно ли мне? Нет. Волнуюсь ли я? Да. Но это не то волнение, которое я испытывала, уходя на первую охоту. И не то, с которым шла к отцам признавать очередное поражение. Это волнение другое – оно ощущается щекоткой на коже, словно кто-то проводит по ней пуховым перышком. Кончики пальцев подрагивают, сердце трепещет, бьется так быстро, что кажется, вот-вот выскочит.

Берготт обошел меня. Ударил, когда я раскрылась миру. Его миру! Миру драконов! Я не сумела ни выставить защиту, ни уйти от атаки. Но он же придал мне сил. Заставил понять, как мне дорого все, что я здесь обрела. Насколько важен Сайлор и... Рроак.

Гррахара говорила, Рроак видит во мне женщину. Сама я никогда ее в себе не видела и не знаю, каково это. Но с Рроаком хочу узнать. Если остался последний шанс защититься, доказать свою правоту – я воспользуюсь им. Воспользуюсь и никогда не признаюсь – даже самой себе, – что сейчас, перед дверью в спальню Рроака, часть меня радуется поступку Берготта. Если бы не он, я бы не решилась. Ушла бы в Орден, не зная, вернусь ли когда-нибудь в Гнезда, и корила... корила бы себя всеми бранными словами за трусость. За ту единственную трусость, которую я бы себе не простила.

Холод металлической ручки обжег кожу. Будто попытался отрезвить, дать последний шанс одуматься. И на мгновение я остановилась, прислушалась к себе. Волнение, предвкушение, даже нетерпение – каждая эмоция яркая, чистая. Но никаких сомнений или неуверенности.

Я толкнула дверь и переступила порог.

Рроак замер у кровати, обнаженный по пояс. В приглушенном свете ламп его кожа отливала бронзой. Шрамы и рубцы выглядели темнее. Когда он повернулся, я увидела следы от дайгенора, которые оставила во время нашей битвы. Захотелось подойти, коснуться их, повторить изгиб каждого, попытаться стереть. И в то же время захотелось, чтобы он коснулся моих отметин. Взаимная ненависть

людей и драконов на каждом из нас оставила шрамы. Мы никогда не сможем от них избавиться, только скрыть под одеждой. Но мы можем не дать появиться новым.

– Уходи, – холодно произнес Рроак. – Нам не о чем разговаривать.

– Ошибаешься. Берготт солгал тебе, и я могу это доказать.

Не отрывая от него взгляда, я потянулась к застегкам на груди и медленно, одну за другой, принялась их расстегивать. Рроак не шевелился, следя за мной темнеющими глазами. Но когда я дернула последнюю и потянулась к рукаву платья, собираясь его стащить, – кинулся вперед. В секунду оказался рядом и сжал мои пальцы, не позволяя оголить плечо.

– Решила, что сумеешь переубедить меня таким способом?

Я качнула головой:

– Нет, Рроак. Лишь хочу открыть тебе правду. Думаешь, я принадлежала твоему брату? – Хватка на моих пальцах стала сильнее. Во взгляде полыхнул огонь. – Ошибаешься. Я не принадлежала ему, как и ни одному другому мужчине. Ни человеку, ни дракону. Никому.

Рроак прищурился. Он будто не верил мне или будто... не позволял себе поверить. Однако мою руку отпустил.

Я несмело сократила расстояние между нами, скользнула ладонью ему на грудь. Обожглась на миг жаром его кожи, но тут же прильнула всем телом. Запрокинула голову, поймала его взгляд – темный, как никогда прежде. И решилась.

* * *

Близость Рроака всегда действовала на меня по-особенному. С самой первой встречи. Тогда я решила, что так проявляются инстинкты охотницы, заставляющие неотрывно следить за противником. Сейчас же понимаю, что это инстинкты совсем иного рода. Вопреки всему – даже заветам Ордена – мне нравится этот трепет. К мужчине. К дракону. К Рроаку.

Привстав на носочки, я обняла его за шею, притянула к себе и поцеловала. Прикосновение жестких губ обожгло. Нет, не из-за драконьего пламени, а из-за моего собственного, вспыхнувшего ослепительно ярко. Никогда прежде я не думала, что чья-то близость

может быть столь волнующей. Что в объятиях мужчины можно испытывать трепет.

Еще лишь несколько секунд Рроак сохранял самообладание. Потом не выдержал: скользнул одной рукой мне на талию, второй на затылок, прижал к себе, словно собственник. Дразня, провел языком по губам, заставил раскрыться ему – и углубил поцелуй. Он направлял меня, учил, вел, как в танце.

Аромат его тела ощущался ярче. Захотелось скинуть с себя одежду, прижаться кожей к коже Рроака, впитать в себя его запах. Захмелеть от него, как от аррахи, поддаться собственной слабости. Быть с Рроаком, принадлежать ему, чувствовать его прикосновения – сильные, почти жадные. И самой не сдерживать эмоций.

Сейчас неважно, что он кахррар, а я охотница. Неважно, что скоро я уйду и наши дальнейшие судьбы покрыты тайной. Даже принесенные мною клятвы и те не важны. Я хочу этого. Каждого мига в объятиях Рроака, каждого прикосновения, оставляющего следы на моей коже. Невидимые, но ощутимые.

В какой-то миг мы оба оказались на кровати. Рроак удерживался на локтях, и я прогнулась, чтобы снова оказаться телом к телу. Я не думала, что делаю, – просто следовала за желанием, как дым за ветром.

В первую секунду, когда Рроак прервал поцелуй и отстранился, я не поняла, что случилось. Потянулась навстречу, но остановилась, поймав напряженный взгляд.

– Ты зайдешь так далеко, чтобы доказать свою невиновность?

Боги, он ведь не думает, что я смогу остановиться? Только не сейчас. Не рядом с ним.

Голова кружилась, мысли стали вязкими, словно мед. Вместо ответа я потянулась к его губам – снова поцеловать, прижаться, ощутить его близко-близко... Но Рроак вдруг оттолкнулся от постели и рывком выпрямился.

– Не стоит.

Голос его прозвучал низко, хрипло, с явным недовольством.

Я посмотрела недоуменно. Как это – не стоит?

– Не нужно заставлять себя быть со мной. Есть другие способы проверить, говоришь ли ты правду. Утром я пришлю Гррахару.

Он стремительно вышел из комнаты – будто не хотел оставаться со мной наедине, боялся не сдержаться. И оттого понять его не получалось. Он... передумал? Но почему? Потому что я человек? Охотница?

Меж ребрами кольнуло.

Видимо, я зря решила, что ненависть к моему племени в нем ослабла. Прикасаться ко мне он еще может. Но зайти дальше не захотел.

Поднявшись, я стянула на груди платье, спешно ушла к себе. В коридоре, уже у самой двери, остановилась, бросила взгляд на умывальню, вслушалась в звук льющейся воды. Часть меня толкала пойти туда, потребовать ответа, жаждала понять. Но другая – та, которой не чужда гордость, – воинственно ошетибилась. Он отверг меня. Не стал принимать то, что я хотела ему подарить. И я не унижусь, предлагая себя еще раз.

Войдя в гостевую спальню, я плотно закрыла дверь, скинула вещи и забралась под одеяло. Несмотря на насыщенный день, сон не шел. Я вслушивалась в звуки: уловила скрип пола, шаги в коридоре, в соседней спальне, скрип, будто Рроак ворочался в постели, и тихие, едва различимые ругательства. Кажется, этой ночью мы оба уснули лишь под утро.

Проснувшись я в тишине пустого дома. Вышла в коридор, заглянула во все комнаты, убеждаясь, что Рроака нет, и спустилась на кухню. Уже без прежней неловкости принялась изучать содержимое шкафов. Нашла какую-то кашу с кусками мяса и поставила ее греться.

Сегодня мои движения выходили резкими, неуклюжими – я едва не грохнула кастрюлю на печь. Эмоции требовали выхода. Будь у меня под рукой дайгенор – ушла бы тренироваться до боли в мышцах. До того, чтобы плечи ныли, а ноги казались свинцовыми. Чтобы тело ломило. Может, хоть тогда получилось бы избавиться от мыслей о Рроаке.

Гррахара пришла, когда я заканчивала завтракать. Глянула на меня с прищуром и покачала головой:

– Жизнь в Гнездах стала очень беспокойной с твоим появлением.

Я посмотрела на нее хмуро. Однако возражать, что моя жизнь в Гнездах тоже далека от размеренной, не стала.

Драконница заняла стул на другом конце стола. Не спрашивая, налила себе медового чая, обняла крючковатыми пальцами кружку.

– Рассказывай, – кивнула после недолгой паузы, – из-за чего Рроак носится, будто хвост подпалил? Явился к брату, едва рассвело, пробыл у него недолго, но, судя по тому, что мне нашептали, волей кахррара запретил ему покидать дом. Ко мне влетел с огнем в глазах, наоставлял распоряжений и умчался в чертог. Чем же ты, девочка, так его задела?

– Задела? Я?! Он сам отверг меня, а теперь бесится, боги ведают почему!

Обида обожгла язык, словно уголь. Слова сами полились из меня потоком, даже пожелай я замолчать – не смогла бы. Я говорила, и говорила, и говорила. Смотрела в теплые голубые глаза, в понимающую улыбку, злилась почему-то, но продолжала рассказывать обо всем, что случилось ночью. А когда замолчала, уткнулась в кружку с остатками чая и закусил губу.

– Это потому, что я человек, да? – спросила едва слышно.

Гррахара не спешила с ответом. Минуты две молчала, будто что-то обдумывая, и лишь потом нарушила тишину:

– Огонь Первопредка в Рроаке очень силен. Сильнее, чем в любом из нас. Может, из-за этого ему предначертано повторить судьбу великого прародителя?

Я подняла взгляд, криво усмехнулась:

– Какую судьбу? Быть с пламенноволосой? С той, кого же сам и отверг? Не считите за грубость, но вы явно что-то переоцениваете. Либо силу огня Рроака, либо его связь с Первопредком.

Гррахара фыркнула:

– Девчонка! Ты еще слишком плохо нас понимаешь! Рроак задел твою гордость отказом? А ты подумала, как задела *его* гордость, предложив себя не из желания, а по необходимости?

Щеки запылали, как поля во время засухи.

– Да, по необходимости! Но это не значит, что я... не желала, – закончила скомканно. – Некоторые поступки мы совершаем, следуя долгу. Другие – по велению сердца. К счастью, есть те, которые не противоречат друг другу.

Я повторила слова, сказанные когда-то Рроаком. Заметила хитрую усмешку в уголках морщинистых губ и вспыхнула еще сильнее.

– Драконы не умеют читать мысли, охотница. Мы можем подмечать детали, если собеседник нам интересен, пытаться понять его тревоги. Но, как и люди, мы подвержены сомнениям и страхам. Ты боишься, что Рроак видит в тебе человека, а не женщину, так? А сама ты кого видишь, когда смотришь на него? Дракона? Кахррара? Или просто мужчину? Подумай над этим. А пока дай руку.

Уже привыкнув к манере Гррахары командовать, я послушно протянула ладонь. Вскрикнула, когда ее полоснул серебряный коготь, попыталась выдернуть из жесткой хватки, но Гррахара удержала.

– Терпи, так надо.

Без дальнейших пояснений подставила пустую чашу под мою руку, сжала сильнее, заставляя кровь побежать алой струйкой. И отпустила, когда на дне собралась небольшая лужица.

– На, прижми покрепче. Я потом обработаю порез.

Мне протянули тканевую повязку, судя по запаху, вымоченную в каком-то отваре. Гррахара тем временем полоснула по ладони себя, сжала пальцы в кулак над чашей, смешивая нашу кровь. И подожгла ее. Пламя, в первые секунды вспыхнувшее алым, вдруг сменило цвет на голубой. Прогорело за четверть минуты и погасло.

Гррахара тяжело вздохнула.

– В чем дело? – забеспокоилась я.

– Ты сказала правду. Ни один мужчина не познал тебя как женщину.

– И это... плохо? Почему вы хмуритесь?

– Потому что теперь Берготта ждет кара пострашнее, чем отлучение от парящих. Никто не смеет лгать кахррару.

Я пожала плечами. Изображать жалость к тому, кто очернил меня перед Рроаком и его сторонниками, я не стану. Берготта накажут? Отлично. Ничего не имею против.

Однако не успела я насладиться этой мыслью, как Гррахара снова заговорила:

– Сейчас я обработаю твою руку, а потом займусь лечением крови. Думаю, моих сил хватит, чтобы закончить все уже сегодня.

Глава 16

Время стремительно утекало – уходило, как волна с отливом. У меня остался день... Всего лишь день в Северных Гнездах. Этого мало! Я не готова уйти! Не готова оставить Сайллора, Рроака, этот дом, ставший почти родным. Не готова!

Пока Гррахара лечила мою кровь, я эгоистично молила богов, чтобы ничего не вышло. Пусть бы старой драконице не хватило сил, или жара окажется слишком много, чтобы вытравить его остатки за раз, – что угодно, лишь бы это помогло задержаться в Северных Гнездах!

Однако боги отвернулись от меня. Снова.

– Вот и все, девочка, – Гррахара убрала руку с моей груди. – Теперь остается только изгнать кровь Рроака из твоего тела. Но это уже он сам.

Поднявшись, старуха похлопала меня по плечу, попрощалась и вышла. Стукнула входная дверь, закрываясь. Я выждала минут пять, помыла и убрала посуду, оставшуюся после завтрака. А когда внутренний голос подсказал, что с Гррахарой мы точно не столкнемся, – выскочила из дома.

Сомневаюсь, что Гррахара попыталась бы меня остановить, даже если бы узнала о моих планах. Но после суда, после речей Берготта и недопонимания с Рроаком... я просто не готова рисковать.

До нужной двери я добежала минуты за три. Стукнула дважды и, не дожидаясь приглашения, вошла.

Геротт встретил меня удивленным взглядом. Удивленным, но, к счастью, не враждебным. А вот Сайллор, едва увидев, вскочил на ноги и улыбнулся широко-широко. Перепрыгнул через огромный рисунок, который, судя по всему, изучал до моего появления, кинулся мне навстречу. Я стиснула его в объятиях, вцепилась так, что не оторвать.

Как? Как оставить его? Я... я просто не могу! Я ведь не успела стать ему опорой на земле, не успела научить всему, чему хотела. Мне нужно еще немного времени!

Но времени у меня как раз нет.

Не выпуская Сайллора из объятий, я посмотрела на Геротта. Открылась, позволяя увидеть мои отчаяние и слабость. Без слов рассказывая, что случилось. И он понял. Пусть не сразу – в первый миг Геротт нахмурился, явно сбитый с толку, – но очень скоро выражение его лица изменилось. Удивление уступило место сочувствию.

Дракон жалел меня. Меня, охотницу! Раньше я наверняка восприняла бы это как оскорбление, теперь же испытала благодарность. Геротт, как и все в Гнездах, с самого начала знал, что я здесь ненадолго. Потому и переживал за выбор Сайллора. Но в итоге смирился, принял его. И теперь в его взгляде нет злорадства или насмешки – только чувства, похожие на те, что испытываю я сама.

Тяжело вздохнув, Геротт поднялся из кресла и ушел на кухню. Дал нам с Сайллором побыть вдвоем. Точнее, дал мне возможность все ему рассказать. Но, боги, как? Как говорить, когда грудь сдавливает, будто тисками?

– Эй, – я отстранилась и заглянула в большие серые глаза, – а хочешь пойти прогуляться? День обещает быть солнечным, не стоит сидеть взаперти.

Сайлор с улыбкой кивнул. Высвободился из моих объятий, убежал наверх, судя по всему, за теплой жилеткой. Вернулся уже через минуту и потянул меня к выходу.

Мы ушли на детскую площадку. Не знаю, где носится остальная ребятня, но на площадке неожиданно оказалось пусто. Отпустив мою руку, Сайлор помчался к ближайшей горке. Забрался на нее и замахал, подзывая. А едва я оказалась рядом, скатился и взбил ногами мягкий снег, окатывая меня волной.

– Ах так?!

Миг – и в моей руке снежный шарик. Еще миг – и он прицельно летит в Сайллора. Тот ужом скрылся за горкой, затаился в засаде и... кинул в меня снежком, стоило мне нагнуться в попытках отыскать проказника.

– Ну держись!

Охотницы не сдаются! Даже драконятам, вознамерившимся устроить снежную баталию. *Особенно* драконятам, вознамерившимся устроить снежную баталию!

Мы носились по всей площадке. Прятались за качелями, горками и лавками, отстреливались, улыбались, хохотали. Ладно, смеялась только я. Но если бы Сайлмор говорил, уверена, он не сдержал бы счастливых визгов.

Солнце слепило яркими бликами, отражаясь от снежных шапок. Ветер почти не ощущался. Лишь иногда налетал и, будто тоже желая присоединиться к игре, закручивал в вихре мелкую порошку.

Набегавшись, мы упали. Оба дышали шумно, щеки Сайллора покраснелись, да и мои горели от холодного воздуха. Сайлмор придвинулся вплотную, устроил голову у меня на груди и, как я, уставился в чистое небо.

– Когда-нибудь ты поднимешься в него, – заговорила я тихо. – Полетишь высоко-высоко, под самыми облаками...

Он тут же вскинул руку, растопырил пальцы и плавно стал водить ладонью из стороны в сторону, будто крылом.

– Что бы ни светило над твоей головой – солнце или яркие звезды, ты всегда отыщешь путь домой. А я отыщу путь к тебе.

Сайлмор напрягся.

– Мне... мне придется уйти.

Рывок – и он сел. Серые глаза потемнели от невысказанной тревоги. Я тоже выпрямилась, ласково погладила его по голове, взяла за руки.

– Так надо, малыш. – Он тряхнул головой. Коротко, упрямо. – Ты ведь знаешь, что между людьми и драконами нет мира? А мы с Рроаком хотим, чтобы он был. Чтобы ты и другие дети Первопредка могли летать свободно, чтобы не боялись охотников. И чтобы люди перестали бояться вас.

Сайлмор снова мотнул головой. Вцепился в мои пальцы изо всех сил.

– Это нужно для нашего будущего. Для твоего тоже, малыш. Я уйду, но...

– Нет!

Я замерла, боясь поверить собственным ушам. Сайлмор заговорил?

– Нет! – снова выкрикнул он.

Голос у него оказался по-детски высокий, но не писклявый.

– Так нужно, родной.

– Нет! Харрари, нет!

По сердцу будто полоснули ножом. На глаза навернулись слезы.

Харрари. Мама.

подавшись вперед, я обняла Сайллора. Прижала его к себе крепко-крепко, удержала, когда он попытался вырваться, и закусила губу, когда принялся бить меня кулаками в бока.

– Нет! Нет! Нет! – глухо кричал он мне в жилетку.

– Я вернусь, родной, – прошептала, чувствуя, как душа рвется на части. – Клянусь Первопредком, что вернусь. И мы всегда будем вместе. Нужно лишь подождать... совсем чуть-чуть. И я вернусь.

Да, все так. Как бы ни принял мои слова Орден, я в нем не останусь. Нет больше Кинары-охотницы. Теперь мое место здесь, в Северных Гнездах. Рядом с сыном.

* * *

До самого заката я была с Сайллом. Рассказывала ему об Ордене, о праведных отцах, о том, почему так важно с ними встретиться; обещала вернуться совсем скоро. Гладила по спутанным волосам, обнимала и все пыталась наглядеться. Будто, если смотреть долго-долго, получится насытиться его образом, и тогда уйти будет не так больно.

Но нет. Когда мы остановились на крыльце дома Геротта, я едва нашла в себе силы попрощаться. Меня будто ломало изнутри, скручивало так, что дыхание перехватывало. Хотелось вцепиться в Сайллора и не отпускать его.

Однако вместо этого я улыбнулась:

– Присмотришь тут за всем, пока меня нет?

Он кивнул. Кивнул важно, явно восприняв мою просьбу всерьез.

Я снова улыбнулась, чувствуя, как внутри все сжимается от боли.

– Вот и договорились. Ты умница, малыш.

Не выдержав, все же порывисто обняла Сайллора, махнула вышедшему Геротту, развернулась и поспешила прочь. Я шла, не глядя по сторонам и не обращая внимания на прохожих. Даже выскочи мне навстречу Берготт – не увидела бы. Взор застлали слезы.

Боги, до чего же хочется выпросить у Рроака разрешение задержаться в Гнездах еще хоть на денек! Отсрочить неизбежное! И я бы попросила! Наплевав на все, попросила бы... если бы не Сайлмор. Он только-только успокоился, с таким трудом смирился с моим уходом. Терзать его новым прощанием было бы жестоко. Нет, я должна покинуть Гнезда с рассветом.

Единственное, что оставалось сделать прежде – объясниться с Рроаком. Не хочу недопонимания. Его и так слишком много в последнее время.

Однако быстро решить вопрос не удалось – дома Рроака не было. Я ступила в темноту гостиной, сняла жилетку, зажгла камин и лампы. Огляделась, будто заново рассматривая комнату, запоминая предметы мебели, запахи. Медленно прошла по первому этажу. Как в первый вечер, остановилась у двери в кабине и, как тогда, решила не заходить. На кухне поставила греться ужин, надеясь, что Рроак скоро вернется.

Но он не вернулся.

Я поела в одиночестве, убрала все по местам и ушла на второй этаж. Вымылась до скрипа, сменила платье на ночную сорочку, забралась в кровать. Собиралась только прилечь, ожидая возвращения Рроака, но сама не заметила, как задремала.

Проснулась внезапно. Испуганно дернулась, села и уставилась в окно, где в предрассветных сумерках уже легко угадывались очертания домов и крыш. Не пройдет и часа, как верхушки скал окрасятся розовым.

Все во мне напряженно замерло, взгляд был прикован к черным каменным пикам. Не светлейте... Не светлейте! Но те, будто в насмешку, приоткрыли самые кончики из предрассветного сумрака. Мое время в Северных Гнездах почти истаяло.

Откинув одеяло, я выбралась из кровати, ступила на пол босыми ногами. Глянула вниз и закусил губу. Сегодня, когда Рроак изгонит свою кровь из моего тела, я снова начну чувствовать холод. Снова придется привыкать одеваться теплее, действовать осмотрительнее. И пройтись босиком по полу, пусть и деревянному, уже будет нельзя. Точнее, можно, но с риском подцепить простуду.

Рроак... Интересно, он еще спит?

Кажется, мысль только промелькнула, а я уже очутилась перед дверью в его комнату. Замешкалась на мгновение, но все же вошла.

Рроак действительно спал. В одних мягких штанах, голый по пояс. Расслабленный. Волосы привычно собраны в косу, но камешков не видно, в отличие от шрамов. И рисунка крыла Первопредка на правом предплечье. Прокравшись на цыпочках, я приложила свой рисунок к его. Улыбнулась, увидев, как гармонично они смотрятся вместе. Тень между нашими руками, словно тело дракона, обрела два крыла – идентичных, выверенных до миллиметра.

Я перевела взгляд на лицо Рроака, задержалась взглядом на его губах. Вспомнила, как поцеловала его и какой трепет охватил меня в тот момент. Невольно подалась вперед и... застыла.

Рроак проснулся.

Причем совсем не так, как это делают люди. И даже не так, как охотники. Открыв глаза, он встретился со мной ясным взглядом: ни сонливости, ни растерянности. Только, пожалуй, чуть-чуть удивления.

Зато моей растерянности хватило бы на двоих. Что сейчас лучше сделать? Объясниться? Извиниться? Как вообще можно оправдать порыв прийти сюда посреди ночи?

Однако Рроак не стал ничего спрашивать. Ухватив за руку, он повалил меня на кровать и навис сверху, будто скала. Мы замерли. Рроак будто давал мне шанс воспротивиться, попытаться высвободиться, возмутиться, в конце концов. Потом медленно, не отводя взгляда, наклонился. Провел носом вдоль моей щеки, тихо рыкнул, заставляя кожу покрыться мурашками. Скользнул губами по моей скуле, выпрямился. Снова уставился мне в глаза – на этот раз с немым вопросом. И я так же без слов ответила. Потянулась навстречу, выгнулась, стремясь стать ближе, и застыла в нескольких сантиметрах от его лица.

Последний ход за тобой, Рроак.

Не знаю, передала ли Гррахара мои слова, или теперь, когда правда доказана и мне нет нужды защищаться, мои действия выглядят иначе. Но надеюсь, что недопонимания больше нет. Надеюсь, что Рроак видит меня – Кинару. Не охотницу, не врага, не человека. Меня. И видит слабость, которую я к нему испытываю. Как бы ни сложилась моя судьба дальше, я не хочу уйти, не испытать его близости. Позавчерашние события заставили меня осознать это как никогда ясно.

Рроак помедлил лишь секунду, потом накрыл мои губы своими. Жарко, требовательно, с нескрываемым голодом. Вжал меня в кровать,

придавил своим телом и вторгся в мой рот языком. Я словно захмелела. Голова закружилась, тело показалось вдруг одновременно тяжелым и легким: я чувствовала каждый миллиметр кожи, и вместе с тем казалось, вот-вот взлечу.

Когда Рроак повел ладонью по моей ноге, задирая ночную сорочку, я смутилась. Ощутила, как запылали щеки, но даже не подумала его остановить. Наоборот – прогнулась сильнее и сама принялась на ощупь изучать его тело: шрамы, вздувшиеся жгуты вен, мышцы, перекатывающиеся под кожей. На миг разорвала поцелуй, позволяя стянуть с меня сорочку, и осталась перед ним обнаженная.

Взгляд Рроака стал еще более голодным. Пламя – еще более ярким.

Меня же обуяла робость. Вдруг вспомнились все отметины на коже, каждый след обучения в Ордене. Даже подумать боюсь, как они выглядят в глазах Рроака.

Видимо, ощутив мое напряжение, он отстранился. Посмотрел пристально. Не разрывая наших взглядов, заскользил пальцами по моему телу, повторил формы шрамов. Я дернулась, попыталась прикрыть их, но остановилась, услышав низкий раскатистый рык.

– Не закрывайся, Кинара. Ты прекрасна: белая, словно снег в горах; огненная, как пламя Первопредка. В глазах – отражение неба. Ты олицетворяешь все, чем мы, драконы, живем и дышим.

– Но мои шрамы...

– Напоминание, насколько ты хрупкая. И насколько сильная. Все в тебе идеально, Кинара. Не сомневайся в этом и не стесняйся своего тела. Для меня оно прекрасно. *Ты* прекрасна.

Наклонившись, он снова меня поцеловал. Скользнул губами на шею, обжег кожу над ключицами, спустился к груди, к животу. И ниже. Каждым движением, каждым прикосновением заставляя поверить его словам, вырывая из моей души ненужное смущение. И боги свидетели, никогда прежде я не сдавалась с такой готовностью. Я вручала себя Рроаку, все эмоции и чувства, все мысли и каждый удар сердца. Они – его. Вся я – его.

Охотница, подарившая себя дракону? Немыслимо! Дракон, признавший перед ней слабость? Невозможно! С первого дня мы с Рроаком нарушаем правила. Но именно сейчас я уверена: так и должно быть.

Миг боли, мой вскрик и поцелуй Рроака. Новые ощущения и новый, набирающий силу огонь. Мои пальцы в густых волосах, мужские руки на моем теле. Нарастающий ритм движений, стон, общее на двоих дыхание. Влажные от пота тела, жар прикосновений и узел, стягивающийся внизу живота. Я прочувствовала каждый миг. А когда узел разлетелся упругой пульсацией, не сдержала протяжного стога. Рроак выпил его, накрыв мои губы своими. Еще несколько движений, последнее – сильное, глубокое, и мы оба замерли. Кожа к коже, сердце напротив сердца, взгляд – глаза в глаза.

Рроак улыбнулся, поцеловал меня – на этот раз медленно, тягуче. Хотел было лечь сбоку, но я удержала.

– Еще минутку, – попросила тихо. – Мне нравится чувствовать вес твоего тела.

Он снова улыбнулся. На миг прищурился хитро, обнял и, перекатившись, устроил меня на своей груди. Я собралась возмутиться, открыла рот, но не произнесла ни звука, утонув в ласковом взгляде.

– Ты зря думаешь, что чувствуешь мой вес. Драконы намного тяжелее людей. Если бы я перестал себя контролировать – раздавил бы тебя. Но мне тоже нравится ощущать нашу близость. Давай полежим так?

– Давай.

Я прижалась к нему щекой, прикрыла глаза, вдохнула носом запах разгоряченных тел. Не Рроака и не моего – наш общий.

Больше мы не заговаривали. В тишине встречали рассвет, все больше вступающий в права, впитывали секунды ускользающей ночи. Самой волшебной за всю мою жизнь. И где-то на краю сознания мелькнула мысль, что правы те, кто верит в драконью магию. Она есть. Но только не разрушительная, сеющая зло и смерть, а такая, от которой даже у людей вырастают крылья.

Глава 17

После завтрака мы разместились в гостиной. Я привычно устроилась в кресле, забравшись в него с ногами, посмотрела на Рроака и поймала его взгляд. Впервые ему не получалось подобрать определения – слишком много эмоций наслаивалось одна на другую.

– Помощницы Гррахары подготовили твои вещи. Как переоденешься и будешь готова, мы покинем Северные Гнезда.

– Отнесешь меня на перевал?

– Да, восточнее того места, где мы бились. Там есть пещера. Если в Ордене возникнут вопросы, как ты пережила последние метели, сможешь отвести туда охотников. Но идти день. И когда я оставлю тебя на перевале, возвращаться тебе придется самой.

Рроак говорил медленно, всматриваясь в мое лицо, уверяясь, что я слушаю и запоминаю.

– Не переживай, дорогу в Орден я найду. По звездам или по солнцу – неважно. Охотники хорошо ориентируются на местности.

Я постаралась придать голосу уверенности. Кажется, даже получилось. Но в душе все подрагивало от волнения. Вернуться в Орден спустя почти три недели? Детской наивности во мне давно нет – я знаю, объяснить перед отцами будет не просто. Точнее, непросто будет убедить их не убивать меня сразу, как предательницу, а дать шанс объясниться. Но я справлюсь. Обязана справиться.

Рроак молчал. Всматривался в мое лицо все так же внимательно и будто пытался что-то для себя решить. Переносицу изрезали морщины, пальцы стиснуты в кулаки.

Стук в дверь заставил нас обоих вздрогнуть. В гостиную вошла девушка с тугими смоляными косами. Склонила голову в почтении, повернулась ко мне, подняла руки, привлекая внимание к матерчатому свертку, и отложила его на сундук.

– Спасибо, Маккира, – Рроак кивнул.

Она снова поклонилась, бросила на меня заинтересованный взгляд и все так же, не говоря ни слова, вышла.

– Помощница Гррахары? – я вспомнила, что уже слышала это имя. Рроак снова кивнул. Взгляд метнулся к оставленному свертку. – Что ж,

значит... пора переодеваться?

Сохранить в голосе твердость не получилось. Все во мне дрогнуло, стоило осознать, что отступать некуда. Рроак кивнул в третий раз. Он словно не хотел говорить – будто опасался не удержать контроль над голосом, дать сомнениям зазвучать в нем.

Я выдавила из себя улыбку. Встала, решительно дошла до свертка, схватила его – пожалуй, чуть резче, чем следовало, – и так же решительно зашагала вверх. Лишь спрятавшись за дверью спальни, ослабила внутренние тиски. Шумно выдохнула и прислонилась спиной к стене.

Все получится. Я справлюсь. И вернусь. Да, обязательно вернусь.

Несмотря на мысленные заверения, я не чувствовала спокойствия. Пальцы подрагивали, когда я снимала цветные ремешки, распускала косы, расстегивала застёжки платья. Сняв драконьи одежды, аккуратно сложила их, потянувшись к вещам охотницы. Нательное белье из грубой плотной ткани, теплые штаны, рубаха, короткая шерстяная туника, зимняя куртка, сапоги. Все вещи были аккуратно починены. Если не знать, где искать прорехи – и не найдешь.

Подарок Сайллора я спрятала под рубахой. Парный рисунок перемотала полоской ткани, волосы заплела в тугую косу. Одну, как и положено охотнице. Глянула в зеркало и криво усмехнулась, поняв, насколько привыкла видеть себя с двумя косами, да еще и перевитыми ремешками. Теперь отражение показалось чуждым. Почти пугающим.

Стоило мне спуститься вниз и переступить порог гостиной, Рроак поднялся.

– Готова?

Нет.

– Конечно, – ответила с улыбкой.

– Пойдешь к Сайллору?

Улыбка дрогнула. Пришлось силой удержать ее на лице.

– Мы попрощались вчера. Не хочу второй раз беречь ему душу.

Мы увидимся, когда я вернусь.

– Разумеется. Тогда пошли.

Меж ребер заныло.

– Пошли.

Мы вышли из дома. Несмотря на ранний час, на улицах было шумно. Но не так, как обычно – драконы не занимались делами. Они

стояли у стен и провожали нас напряженными взглядами. Даже дети. Все замерли, опасаясь и надеясь, что у меня все получится.

Я шла рядом с Рроаком, стараясь не смотреть по сторонам. Но вдруг замерла. Крутанула головой и встретила взглядом со своим мальчиком, стоящим рядом с Героттом. Медленно кивнула, без слов говоря: «Я сдержу обещание». И Сайлор кивнул в ответ. Вот так. Без детских слез или капризов, а с уверенностью взрослого мужчины. Он верит мне. Раз сказала, что вернусь, – значит, вернусь.

На широкой площадке Рроак обернулся драконом. Я прошла чуть дальше, опустила спину на снег, раскинула руки. Без страха посмотрела на приближающегося ящера, на его золотые когти и алую чешую.

Мягкий рывок, толчок – и мы в небе.

Мой первый полет запомнился кошмаром. Второй – чудесным сном. Страх ушел, уступив место доверию. Рроак ни за что меня не уронит. Он даже движется плавно-плавно, будто корабль по тихим водам, чтобы не трясти меня лишний раз. С ним я в безопасности.

Мы приземлились в глубоких сумерках. Вход в пещеру, о которой говорил Рроак, виднелся шагах в двадцати. Я глянула на него мельком и повернулась к алому ящеру. Снова коснулась огромной лапы, чувствуя исходящее от нее тепло. И отняла руку, когда Рроак рыкнул, предупреждая об обороте. Пламя взметнулось, охватило мощное тело, а когда потухло – оставило на месте ящера человека.

Он не заговаривал. Я тоже молчала. Почему-то казалось, что стоит нарушить тишину – и тут же наступит миг расставания. А пока мы безмолствуем, у нас еще есть время.

Рроак сократил те несколько шагов, что нас разделяли. Остановился совсем рядом, коснулся пальцами моего лица, очертил контур. Заправил за ухо пряди, выбившиеся во время полета. Захотелось прижаться щекой к его ладони, впитать ее тепло, снова ощутить прикосновение кожи к коже – как этой ночью. Но я не пошевелилась.

– Чтобы вытравить мою кровь, придется сделать порез.

Я кивнула. Глупо было ожидать иного.

– Где?

– Где сама решишь. Я сделаю все аккуратно, шрама не останется.

– Знаю.

Сняв тяжелую куртку, я принялась закатывать рукав рубахи. Сняла повязку с рисунка и перевернула предплечье чистой стороной вверх. Рроак нахмурился.

– Лекари ведь заметят крыло...

– Нет. Если травмы несерьезные, мы лечимся сами. Иначе у брата Кадера, нашего лекаря, не хватило бы времени на каждого послушника. За время обучения мы частенько проливаем кровь. Наоборот, так никто не полезет снимать повязку. Я сохраню рисунок в тайне.

– Хорошо.

Когда золотой коготь полоснул меня по руке, я не вскрикнула. Только сжалась на миг, переживая вспышку боли. Рроак низко, едва слышно зарычал, дыхнул на порез и с шумом втянул воздух ртом. Моя кожа окрасилась алым. Кровь, стекая, капала на снег, с шипением плавила его.

Я вскинула на Рроака удивленный взгляд. Если кровь драконья... почему она не вредит мне? Сейчас, когда она вне тела.

– Я все еще контролирую ее, – пояснил он, стоило мне спросить.

Его взгляд изменился. Вновь стал темным, как сегодня утром. И в нем снова смешалось слишком много эмоций, чтобы выделить хоть одну. Я тянулась навстречу, открывалась, пыталась понять его... но не понимала. Рроак будто все пытался что-то для себя решить. Вел внутреннюю борьбу, которая выматывала его сильнее любой схватки.

Налетевший порыв ветра заставил поежиться. Кровь Рроака стремительно покидала мое тело, и вместе с ней меня покидало тепло.

– Есть еще кое-что, что тебе следует знать...

Я замерла. Всмотрелась в самую глубину темно-зеленых глаз и наконец сумела увидеть то, что Рроак пытался побороть. Беспокойство, сожаление и... страх.

– Когда я вытравлю последнюю каплю моей крови, ты все забудешь.

– Что? Как это – все забуду? Нет! Почему? Зачем?

Растерянность накрыла меня, словно сошедшая лавина – предгорную деревушку. Не думая, что делаю, я зажала порез рукой, сдавила изо всех сил и подняла на Рроака взгляд.

– Помнишь, ты как-то спросила, не боюсь ли я пускать охотника в драконье поселение?

– А ты сказал, что я не сумею отыскать пути назад, даже если захочу, – прошептала, обмирая. – Ты знал! Уже тогда знал, чем все закончится!

– Конечно, знал. Кровь дракона выжигает то, с чем соприкасается. И если не дать ей выжечь тело, она выжжет память. Это плата за спасение. И это то, чем Первопредок защитил тайны своих детей. Но сейчас я этому даже рад.

– Рад? Ты шутишь?!

– Скажи мне, Кинара, какая судьба ждет охотницу-предательницу? Что с тобой сделают, если узнают, что ты жила среди драконов? Принадлежала одному из них?

Я упрямо сжала губы, не желая отвечать. Но Рроак и не ждал иного.

– Тебя убьют, Кинара. Заклеймят изменницей и казнят. Верно?

– Я справлюсь! Мы же говорили об этом! Я сумею убедить их пойти на мир!

– Не таким образом. Если ты попытаешься открыть им правду прямо, они не примут ее – слишком долго верили другому. Сначала ты должна вернуть их доверие к тебе. Потом заставить задуматься о нашем противостоянии и...

– Как, Рроак? – выкрикнула в отчаянии. – Как, если я все забуду?!

– Твое тело будет помнить. То, что ты впустила в сердце, чему позволила прорасти, само направит тебя в нужную сторону.

Слезы брызнули из глаз.

То, что я впустила в сердце? Северные горы? Сайллора? Самого Рроака? И теперь мне предстоит все забыть?

– Нет, Рроак! Нет! – Я упрямо отступила.

– Прости, Кинара. Словам не верят, верят действиям. Ты сама не поверила мне, пока не прошла путь дракона.

– Ты знал, что так будет? Знал! – снова выкрикнула раненой птицей. – Поэтому и позволил мне быть с Сайллором? Поэтому... принял мою первую ночь?

– Нет, – резко ответил он. – Да, я знал, что так будет. Но никогда – никогда! – не хотел подпускать тебя к нашим детям. И впускать тебя к себе в сердце тоже не собирался. – Сократив расстояние, Рроак навис над мной скалой. – Думаешь, тяжело забыть? Ошибаешься – тяжело

помнить. Помнить и не знать, сумеешь ли ты исполнить задуманное. Сможешь ли вернуться. И захочешь ли...

Зеленые глаза потемнели. Боль расплескалась в них, будто океан. Она захлестнула меня, оглушила и, схлынув, оставила без сил.

Рроак прав. Прав во всем. Отцы и собратья вряд ли послушают меня. Будь я на их месте, тоже не поверила бы. Нас этому и учат – не доверять на слово. Чтобы заставить их измениться, я должна стать примером. Дать первый толчок. Но чтобы это сделать, для начала я должна выжить – избежать клейма предательницы.

Пальцы, стиснувшие порез, разжались. Рука повисла, словно плеть. Уже не пытаюсь сдерживаться, я уткнулась носом в грудь Рроака и разревелась в голос. Ощутила его пальцы у себя на подбородке, поддалась их силе, когда меня потянули вверх, и зажмурилась, почувствовав губы Рроака на своих губах.

Я цеплялась за него, обнимала за шею, прижималась отчаянно, плакала, целовала и гнала... гнала прочь пугающие мысли, что я могу никогда его не вспомнить. Что навсегда забуду Северные Гнезда, что не сдержу обещание, которое дала Сайллору.

Жар драконьей крови покидал меня, утекая капля за каплей. Сознание плыло. В последний миг, прежде чем тьма поглотила меня полностью, Рроак разорвал поцелуй и прошептал:

– Вспомни меня. И вернись.

* * *

Запах дыма защекотал нос. Я поморщилась, мотнула головой, вырываясь из вязкого марева, и открыла глаза.

Что? Где я? В пещере?

Судя по всему, да. Тяжелый серый потолок нависает низко-низко. Стены покрыты влагой – видимо, костерок, тлеющий в паре метров левее, растопил инистую корку. Но его света слишком мало, чтобы разобрать детали: не понять, есть ли на камнях насечки, оставленные дайгенором? Метки охотников, находивших тут прибежище до меня.

Я прищурилась, вглядываясь в темноту, и зашипела, когда в висках прострелило болью. Ненадолго зрение расплылось. Даже

костерок и тот превратился в красно-желтое пятно. Шевелящееся, опасное, как... как...

Дракон?!

Я рывком села. Заморгала, уставилась на огонь, убеждаясь, что это действительно всего лишь он. Осмотрелась еще раз, внимательнее.

Где дракон? Я ведь с ним билась! Или не билась? Или никакого дракона не было вовсе?

Стоило напрячься, пытаюсь вспомнить, и в мыслях будто провернули раскаленный прут. Я не сдержала крика. Схватила за голову обеими руками, сжала так, будто могла сковать боль. Зажмурилась и задышала глубоко и размеренно.

Спокойно, Кинара, спокойно. Ты справишься.

Боль отступала медленно. В висках по-прежнему пульсировало, но, по крайней мере, я смогла открыть глаза. Глянула вбок и нахмурилась – левое запястье перетягивала повязка, красная от крови.

Выходит, схватка с ящером все-таки была?

Ничего не понимая, я осторожно коснулась поврежденной руки. Разматывать повязку, однако, не стала. Пусть я не помню, как лечила себя, но наверняка причина веская – а значит, пока лучше не трогать. Вряд ли это поможет: у меня с собой ни настоек, ни сушеных трав. На первую охоту принято уходить с одним лишь дайгенором. Потом послушник либо возвращается перерожденным, либо не возвращается вовсе. А я?

Судя по тому, что рядом не лежат трофеи, дракона я не убила. Но и сама не погибла. Я... струсил? Позорно сбежала посреди схватки? Не помню.

Проклятье!

Что бы ни случилось, я не стану прятаться в этой пещере до конца жизни. Хотя бы потому, что в таком случае моя жизнь будет очень и очень короткой. Выжить зимой в горах без еды и запаса теплых вещей невозможно. А с раненой рукой – тем более. Нужно вернуться в Орден.

Я встала, подняла с пола дайгенор, сжала его здоровой рукой и осторожно, прислушиваясь к окружающим звукам, двинулась к выходу. Узкий туннель изгибался, закрывая пещеру от ветра. Но стоило из него выбраться, и в кожу словно впились сотни иголок. Боги, как же холодно!

Я огляделась.

Снег выглядит ровно, будто только что застеленная простыня. Следов нет, выжженных драконьей кровью прогалин тоже. Либо ночью кружила метель, либо я торчу в этой пещере по меньшей мере дня три. Это долго. Слишком долго для первой охоты!

Запрокинув голову, я уставилась в небо. Звезды погасли, только Катая – самая яркая – еще светит. Я встала так, чтобы она оказалась над моим левым плечом, а занимающийся рассвет – по правую руку. Теперь, если пойти прямо, дорога сама приведет меня к Ордену.

Я вернулась в пещеру. Убедилась, что ничего в ней не оставила, загасила костер и снова вышла на улицу. Волнение скручивало нутро в узел. Возвращаться посрамленной, не прошедшей новое рождение, не хотелось. Видеть разочарование в глазах праведных отцов хотелось и того меньше. Но я не стану бегать от ответственности: признаю поражение и по весне вернусь на перевал.

Кивнув своим мыслям, я зашагала вперед.

Глава 18

К башням Ордена я вышла уже глубокой ночью. Тело ломило от усталости, тяжелый дайгенор оттягивал руку. Ноги казались свинцовыми после дня ходьбы по глубокому снегу.

В какой-то момент – ближе к сумеркам – мелькнула упадническая мысль, что мне не выбраться с гор. Даже подумалось, что я умудрилась заплутать и иду совсем не в ту сторону. Однако идею сдать отменяла со всей яростью. Нельзя! Мне нельзя опускать руки! Меня ждут!

В груди будто вспыхнул огонь. Яростный, неистовый, он выжег сомнения и придал сил. Не знаю, откуда он взялся, почему я вообще решила, что меня кто-то ждет, но без него я не осилила бы перевал.

Луна серебрила снег холодным светом. Вытягивала тени голодными языками. Я шла, не позволяя себе ни остановиться, ни свернуть с пути. И когда увидела огни на смотровых башнях, чуть не заплакала.

Добралась! Я добралась!

Главные ворота оказались заперты. На мой стук никто не отозвался. На крик тоже. Я раздраженно скрипнула зубами и пошла вдоль каменной ограды.

Где караульные? Почему на воротах никого нет? А если бы примчался кто-нибудь из Болотного или Загорного – ближайших поселений – с просьбой о помощи?

Однако с выводами я поспешила. Не успела я удалиться и на десять шагов, как ворота заскрипели, открываясь.

– Кинара?!

Я узнала этот голос. Обернулась рывком и кинулась в объятия подруги.

– Великие боги, это правда ты! Живая!

– Арила, задушишь!

Она со смехом отстранилась. Оглядела меня, подергала косу за кончик, улыбнулась по-детски широко и покачала головой.

– Живая, – повторила тише, будто все еще не веря глазам.

Я напряглась.

– Сколько меня не было?

– Почти три недели. Отец Мадек даже посылал отряд на твои поиски.

Я присвистнула. Целый отряд? Из-за одной меня?

– С чего такие почести?

Арила пожала плечами:

– Без понятия. Думаю, решили испытать послушника-сокола. Император запросил новую пятерку. А прошедших перерождение только четверо. Вот и пришлось срочно отправлять пятого. Ну и... решили тебя поискать... за компанию.

Я не сдержала кривой усмешки:

– А целый отряд тоже за компанию дали?

– Да я откуда знаю! – Арила недовольно скрестила руки на груди. – Дали и дали. Хорошо же! Тебе не фыркать надо, а радоваться, что о тебе переживали. Большинство наших не ищут, сама знаешь.

Тут крыть было нечем. Я вздохнула и приобняла подругу за плечо.

– Ты права, прости. Я... я просто... память смазанная. Не знаю. Может, во время схватки неудачно ударилась головой, или боги решили наказать меня за провал...

– Главное, ты выжила. В отличие от того сокола и еще двоих наших.

– Что?!

Сокол не прошел нового рождения? Да быть того не может! Что же за чудовище сумело его убить?

– Пошли в башню, там все расскажу. Ты холодная, как задница Айкира.

– О, а ты в курсе?

Арила отмахнулась:

– Вообще-то я собиралась сказать «сердце», но потом вспомнила, что у Айкира вместо сердца вторая задница. И вот она-то ледяная, как самая длинная ночь в году.

Я захохотала. Оперлась на подставленную Арилой руку и позволила увести себя в башню сестер – самую маленькую из башен Ордена.

Во внутреннем дворе нам встретилось двое старших братьев. При виде меня они попытались накинуться с расспросами, но Арила всего парой фраз охладила их пыл. Парой очень нецензурных фраз.

– Зато доходчиво, – возразила она, стоило мне посмотреть на нее с укором. – Сейчас отопреем тебя, стянем у Найры миску жаркого, поедим и только потом пойдем отвечать на их вопросы. А иначе ты тут совсем окочуришься.

Однако воплотить план в жизнь нам не удалось. Я едва успела повесить дайгенор на стену в нашей комнате и стянуть стоящую колом куртку, как в дверь постучали.

– Привет, Кинара. – На пороге переминалась Мирика, совсем молоденькая послушница. – Пришел приказ из главной башни. Отец Мадек вызывает тебя к себе. Немедленно.

* * *

Мирика ушла. Я тоже собралась покинуть комнату и даже шагнула к выходу, но Арила схватила меня за руку.

– Не так быстро, подруга. Сначала переоденься.

– Отец Мадек...

– Не умрет, если ты сменишь сырые вещи на сухие. Раздевайся давай!

Я фыркнула. Секунду помедлила, решаясь, и принялась стягивать правый сапог. Арила права: три минуты погоды не сделают, а разболеться из-за мокрой одежды – глупая затея.

Подруга тем временем открыла шкаф, закопалась в его нутро. Не глядя на меня, выбрала штаны с туникой, кинула их на кровать. С крючка у двери сняла плотный шерстяной плащ.

– Дойти до отцовской башни в самый раз. А твою куртку я снесу вниз, к камину.

– Главное, слишком близко к огню не вешай. Если спалишь еще одну, отцы не одобряют.

– Да там ничего не предвещало опасности! Это толстозадая Грета задела и сдвинула стойку!

– Ну еще бы. – Я хмыкнула.

Разделась до рубашки, быстро натянула сухие вещи, переплела косу. Хотела взять сапоги, но Арила ловко их перехватила.

– Мои надень, твои же совсем сырые!

– А ты сама?

– Вечерок побегаю в осенних, не сломаюсь.

– Уверена?

Арила выразительно закатила глаза. Я снова хмыкнула, но с вопросами отстала. Обулась, махнула на прощание и выскочила за дверь. Капюшон плаща решила натянуть почти на глаза, чтобы спрятать под ним волосы. Пусть ненадолго, но это убережет меня от внимания братьев и сестер.

В Ордене я одна рыжая. Любой встречный легко меня опознает. А так есть шанс добраться к отцу Мадеку незамеченной. Все-таки заставлять его ждать еще дольше – дерзость.

До главной башни я добежала быстро. Ноги сами привели меня коротким путем. Скользнув в боковую дверь, миновала общий холл, нырнула во второй коридор, в несколько шагов пересекла его и оказалась у подножия узкой лестницы. Остановилась.

Боги, ну почему именно Мадек? Из всех праведных отцов именно с ним у меня самые натянутые отношения. С того самого дня, как я осмелилась помешать его коту играть с мышами. Другие отцы часто относились ко мне со снисхождением. Некоторые даже с пренебрежением, считая, что рыжеволосой никогда не стать достойной охотницей. Но Мадек не делал мне поблажек. Напротив, частенько проявлял мягкость к другим охотникам рядом со мной. Показывал свое к ним расположение. Я же никогда не достаивалась от него даже сухого одобрительного кивка. И все из-за проклятого кота!

Злость придала сил. Я стиснула кулаки, вздернула подбородок и твердо, без прежнего волнения, ступила на лестницу. Мне нечего скрывать. Что бы ни спросил Мадек, я отвечу честно. А уж понравится ли ему услышанное – не мои проблемы.

Кабинет Мадека располагается на третьем этаже. На каждом лестница раскрывается широкой площадкой, позволяя свободно расходиться спускающимся, поднимающимся и тем, кто только вышел из бокового коридора. А потом дальше ввинчивается спиралью под самую крышу.

Несколько шагов в глубь башни – и вот я у двери. Узкой, скругленной кверху, с латунной буквой «М» в очерченном круге.

Я постучала. Дождалась приглашения, вошла.

Мадек сидел в кресле у зажженного камина. На коленях, лениво подергивая хвостом, развалился толстый Граших. Тот самый кот. У

окна, сейчас зашторенного, стол. На нем – десяток свитков, каких-то писем. Вдоль стен – шкафы и полки. Все заставлены книгами, рукописями отцов прошлых поколений. На полу, в паре метров от камина, пухлая лежанка Грашиха. Еще дальше – две миски. В одной вода, в другой... надо же, мясо! Да еще так много! Неудивительно, почему Граших разъелся до размеров небольшой собаки.

– Вы вызывали? – Я поклонилась ниже, чем обычно.

Вряд ли Мадек в хорошем расположении духа. Охотница, пропавшая на три недели. Не убившая дракона. По вине которой – пусть и косвенно – погиб сокол...

– Да. И вызывал немедленно. Разве тебе не передали? – Он свел кустистые брови на переносице.

Проклятье! Кажется, все даже хуже, чем я предполагала.

– Передали, отец.

– Вот как... – Светло-карие, почти желтые глаза блеснули отсветами пламени. – Тебе передали, но ты все равно заставила себя ждать. По-твоему, именно так следует себя вести дочери Ордена?

Мадек не повышал голоса, говорил размеренно, с паузами. Но у меня едва не затряслись поджилки.

– Нет, отец. Нижайше прошу прощения.

Несмотря на страх, я заставила себя говорить спокойно. Сейчас показать эмоции было бы ошибкой, которую Мадек мне точно не простит. Охотник обязан сохранять невозмутимость в любой ситуации.

– Одной просьбы мало, Кинара. Думаю, тебе пойдет на пользу поработать с новыми послушниками. Учить их ты, разумеется, не будешь. Но Айкир упоминал, что ему не хватает рук на подхвате. Вот этими руками ты и станешь. На две недели. Заодно научишься быстро исполнять приказы.

Две недели с Айкиром? С тем, у кого, как верно подметила Арила, задница вместо сердца? Из-за которого я обзавелась уродливым шрамом на ноге? Да лучше провести ночь в яме с крысами!

Судя по всему, тень эмоций все же отразилась у меня на лице. Мадек склонил голову к плечу и хмыкнул в длинные усы:

– Хочешь возразить?

– Нет, отец. Даже мыслей не было. – Желтый взгляд прожигал во мне дыру, требовал выказать еще больше повиновения. И я повторила: – Две недели на подхвате у Айкира.

Такой ответ Мадека устроил. Он соизволил кивнуть.

– Что ж, Кинара, раз этот вопрос мы уладили, предлагаю перейти к более важному. – Узловатые пальцы зарылись в рыжую шерсть Грашиха. – Где ты была эти три недели? Почему явилась без трофеев?

– Я... я...

Стоило попытаться вспомнить последние события, и в голове будто прострелила молния. Я стиснула зубы, сдерживая шипение, глянула мельком на Мадека. И снова напряглась, вспоминая.

– Я выследила дракона... алого.

Пальцы, почесывающие Грашиха, замерли. Мадек подался вперед.

– Алого?

– Да, – выдохнула прерывисто. Боль становилась все сильнее. – Цвета пламени. Сильный... Очень сильный противник. Я... я проиграла.

– Но выжила. А сокол и двое охотников умерли.

– Я соболе...

– Почему ты выжила? Как? – требовательно спросил он.

– Я не помню, отец. Дракон откинул меня, и кажется, я ударилась головой. Все как в тумане. Нижайше прошу проще...

– Мне нужны ответы, а не твои оправдания!

Он с силой ударил кулаком по подлокотнику кресла. Граших испуганно дернулся, хвост его заходил из стороны в сторону, как помело.

– Я помню только это, – ответила спокойно.

Не дрогнув, встретила гневный взгляд. Выдержала его почти минуту и, только когда Мадек, презрительно скривившись, отвернулся к огню, медленно выдохнула. Напряжение распирало, словно воздух шар. Казалось, еще немного – и я лопну.

– Мы воззовем к богам, – заговорил он спустя некоторое время. – Проведем очищение травами. Если боги будут милостивы, ты все вспомнишь.

– Но отец! – Впервые за время разговора выдержка отказала мне. В голосе проступил страх. – Очищение травами переживают лишь единицы!

Миг – и желтые глаза вновь прожигают во мне дыру. Я застыла.

– Ты либо все вспомнишь, Кинара, и расскажешь, как сумела выжить в схватке с алым драконом... либо умрешь. Другого варианта у

тебя нет.

* * *

Я возвращалась в башню сестер, чувствуя себя так, будто из меня выкачали все соки. Силы, вернувшиеся после встречи с Арилой, истаяли. Ноги вновь показались каменными – я еле их волочила.

На аллее, отделяющей сестринскую башню от башни братьев, меня окликнул мужской голос. Я узнала его в секунду. Узнала, но не обернулась. Шла все так же неспешно, будто ничего не услышала, и изо всех сил гасила желание сорваться на бег. Охотники не бегают от опасности. Никогда! Даже если она исходит от собрата по оружию.

– Ты паршиво притворяешься, Кинара.

Айкир легко нагнал меня, схватил за руку и развернул. Я не стала вырываться. Спокойно встретила его насмешливый взгляд и... замерла. Что-то внутри меня дрогнуло при виде серых, точно горы, глаз. Не задумываясь, как это выглядит со стороны, я коснулась мужской щеки. Провела подушечками пальцев от скулы к носу, нечаянно задела нижние ресницы, заставив Айкира моргнуть.

– Надо же, – протянул он, не пытаясь отстраниться, – как ты одичала за три недели. Что, соскучилась?

Я не слушала. Всматривалась в его глаза и все пыталась понять, почему перед внутренним взором встают другие. Похожие, но со странными вытянутыми зрачками. Таких глаз ведь не бывает. Или бывает?

Я тряхнула головой и отстранилась.

– Чего тебе? – спросила грубее, чем следовало.

Неясные образы беспокоили. Рождали странное покалывание в висках и затылке.

– Мне? – Айкир насмешливо изогнул бровь. – Ты точно одичала. То прикасаешься так смело, то щетинишься, словно напуганный зверь.

– Это не ответ.

Я отступила на шаг. С Айкиром лучше сохранять дистанцию – никогда не знаешь, что он выкинет в следующий момент.

– Расслабься, рыжая. Ничего мне от тебя не надо. Просто рад, что ты не подохла на перевале. Без тебя тут скучно.

– Некого доставать? Или остальных задирать не так весело?

– Может, и так. – Айкир прищурился и шагнул ко мне. – А может, пока тебя не было, я успел пересмотреть взгляды на мир. – Я попыталась снова отступить, но он ухватил меня пониже плеча и удержал. – Ты знаешь, что я вызвался в отряд к соколу?

– Искал славы? Надеялся убить дракона раньше сокола?

– Нет.

На удивление, мои попытки задеть ушли в пустоту. Раньше Айкир вспылит бы в секунду и оттолкнул меня. Мог даже вызвать на поединок. А мне это дало бы возможность оказаться от Айкира подальше – пусть и на расстоянии дайгенора. Все лучше, чем стоять так близко.

Однако сейчас он остался спокоен. Только в глубине серых глаз промелькнуло раздражение. Промелькнуло – и исчезло.

– Тебя не было слишком долго, но шанс, что ты жива, оставался. Поэтому я пошел за соколом.

– Какой он был?

– Сокол?

– Нет, – я качнула головой. – Дракон.

Почему-то на душе стало беспокойно, стоило подумать о той схватке. Боги, я ведь даже не знаю, кто там был, как и где они бились, почему отступили. Не знаю, но отчего-то волнуюсь.

– Сильная тварь. Алая.

Сердце пропустило удар. Перед глазами яркими пятнами замельтешили воспоминания: мой дайгенор, доспех, шипящий от крови дракона; алая чешуя... мужские губы. Виски тут же прострелило такой болью, что я покачнулась. Ухватила свободной рукой за куртку Айкира, пытаюсь удержать равновесие, и вскинула на него растерянный взгляд.

Айкир нахмурился.

– Не бойся. Этот ящер тебя не достанет. По весне, когда сойдет снег, мы соберем новый отряд, выследим эту тварь и убьем.

– Д-да, – выдохнула шумно.

Отстранилась, высвободила предплечье из сильной хватки и снова посмотрела в серые глаза.

– Спасибо, что отправился меня искать. – Он кивнул. Я же после секундой заминки добавила: – Отец Мадек решил, что мне стоит

помочь тебе с обучением новых послушников.

– Ты ведь не стала с ним спорить? – Губы Айкира растянулись в улыбке, когда я мотнула головой. – Умная девочка. Что ж, значит, увидимся на рассвете.

Не прощаясь, я поспешила в башню сестер. Чувствовала пристальный взгляд, прожигающий дыру у меня между лопатками, но не обернулась. В груди зрело раздражение.

Отец Мадек специально поставил меня помощницей именно к Айкиру. Уверена, есть и другие братья, тренирующие молодняк. Но никто не выбивает меня из равновесия сильнее, чем Айкир.

С ним у нас не заладилось с первого дня. Я едва успела провести в Ордене час, когда мы столкнулись. В прямом смысле слова. Айкир вылетел из-за угла, как дракон из-за горного хребта. Врезался в меня, сбил с ног, но вместо извинений осыпал ругательствами. Именно с его подачи все заговорили обо мне, как о приносящей несчастья. Из-за него же стали дразнить, что мои волосы приманили пламя дракона, обвиняли в смерти целой деревни.

Сейчас детские кричалки не вызывают у меня эмоций. Но тогда, едва потеряв семью, я просто не могла не реагировать на них. Все во мне вспыхивало злым огнем, рождало в груди крик, толкало наказать обидчика. И я наказывала – кидалась в драку, пытаюсь не словом, так кулаком заставить их замолчать. Но чем больше я злилась, тем сильнее меня дразнили.

Арила первой встала на мою сторону, полезла в драку вместе со мной. Тогда нам обоим здорово досталось. Сначала от Айкира с друзьями, потом и от праведных отцов. Но именно с того дня мы с Арилой держимся вместе. Из всех послушниц Ордена именно она стала мне сестрой не только по оружию, но и по сердцу.

– Я уже собиралась идти греть заново. Ты чего там застряла? – возмутилась она, едва я переступила порог комнаты.

– Отец Мадек завалил вопросами.

– Это он любит, – фыркнула подруга и протянула жестяную миску, полную жаркого. – Мяса немного, но сколько смогла, я выловила.

– Найра будет в бешенстве, если узнает, что ты копалась в ее стряпне.

– Найра может жрать картошку хоть до посинения. А нам, охотницам, нужно мясо!

– Угу, особенно после неудачной охоты.

– Особенно зимой, – с улыбкой подхватила Арила. Устроилась на кровати, скрестив ноги, и принялась меня разглядывать. – А ты изменилась...

Я посмотрела на нее с недоверием, но возражать не стала. Рот был занят едой.

– Вроде та же, а вроде и нет. Не могу понять, что стало по-другому.

– Появилась печать неудачницы? – предположила с усмешкой, проглотив кусок. Но Арила отмахнулась.

– Не, эта печать с тобой с первого дня в Ордене. Тут что-то другое. Ты будто стала... взрослее? Уходила девчонкой, а теперь больше похожа на женщину.

– О да, три недели в горах – это как год на равнинах. Эй! – возмутилась я, уворачиваясь от брошенной подушки. – У меня тут вообще-то еда!

Арила, дразнясь, высунула язык. Поймала обратно подушку и устроила ее себе под спину. Я посмотрела хмуро, без слов предупреждая, что играть не намерена, и продолжила орудовать ложкой.

Арила хмыкнула:

– Ты с таким аппетитом ешь, что еще немного, и я поверю, будто Найра научилась-таки готовить.

– Голод зверский. Сейчас и башмак показался бы вкусным.

– Готова проверить? У меня как раз остался рваный с осени.

Я закатила глаза. Подруга же улыбнулась:

– Соскучилась по тебе, дуреха. Даже не знала насколько, пока не увидела.

Ее взгляд изменился. Привычная веселость ушла, уступив место беспокойству. Сильному, почти забытому, но пережитому заново.

Я отставила миску с остатками жаркого, перебралась на кровать к Ариле, обняла ее и опустила голову на плечо. Несколько минут мы обе молчали. Потом Арила нарушила тишину:

– Пообещай мне одну вещь.

– Какую?

– Что никогда больше не исчезнешь. Плевать на все! Даже на следующую охоту я отправлюсь вместе с тобой. Не хочу снова видеть

поминальные костры в твою честь.

Я выпрямилась и посмотрела на нее с недоумением. Арила покачала головой.

– Тебя не было три недели, Кинара. Никто уже не ждал, что ты вернешься. Отцы провели обряд прощания.

– Получается... я больше не охотница?

Глава 19

Ответа на этот вопрос у Арилы не нашлось. У меня, по правде сказать, тоже. Раньше такого не случалось, чтобы охотник вернулся после поминальных костров в его честь. Отправившись первый раз в горы, мы либо возвращаемся в течение декады, либо не возвращаемся вовсе. Меня же не было три недели. Слишком долгий срок, чтобы надеяться на лучшее.

С Арилой мы проговорили почти час. Потом, не раздеваясь, завалились спать. Просто рухнули на кровати, вымотанные физически и эмоционально, и заснули вмиг.

Мне снилось что-то... странное. Размытые образы, неясные ощущения. Я чувствовала детские кулаки, бьющие меня в бока; сильные мужские руки, сжимающие в крепких объятиях. Вдыхала запах дерева, незнакомых пряностей. Замирала от странного томления, облизывала губы, будто в надежде ощутить на них вкус чужих губ. А потом марево сна вдруг распахнулось, и на меня уставились глаза – зеленые, с вертикальными зрачками. Невозможные, незнакомые... и в то же время такие родные, что все внутри сжалось от боли.

Я рывком села. Сердце подскочило к горлу, забилося так часто, что меня замутило. В ушах зашумело.

– Да что со мной? – выдохнула едва слышно.

Устало провела ладонью по лицу, стирая капли пота, уткнулась лбом в согнутые колени. Перед мысленным взором вновь встали они – глаза с вертикальными зрачками. Серые, как горы, и темно-зеленые с огнем пламени в глубине.

Чьи это глаза? Почему они преследуют меня? И откуда во мне эта странная уверенность, что именно в эти глаза я должна смотреть?

Не знаю. Ничего не понимаю.

Безумие какое-то.

Я стукнула головой о колени, потом еще раз. И еще. Будто сделай я это десять, двадцать раз – и получится упорядочить мысли, найти всему объяснение. Однако объяснения не находилось.

За окном почти рассвело. Еще немного, и все проснутся. Сама я вряд ли смогу вновь заснуть. Лучше приведу себя в порядок: все-таки

я охотница, и выглядеть опрятно – мой долг.

Тихо выскользнув из комнаты, я спустилась вниз. Взяла одно из ведер, оставленных на ночь у огня, и осторожно, стараясь не расплескать, посеменила в умывальню. Там зажгла масляные лампы, наполнила деревянную шайку на две трети горячей водой, разбавила холодной. Отошла к лавке, чтобы раздеться.

Сапоги, штаны, туника, рубаха... Грудь что-то царапнуло.

Я глянула вниз.

Подвеска? Откуда? И почему я не чувствовала ее раньше?

Сняв, приблизила фигурку к лицу.

На тонком шнурке висел маленький ящер, вырезанный из дерева. Простой, но красивый. Интересно, откуда он у меня? Пусть я забыла многое, но помню, что украшений никогда не имела. Даже когда жила с родителями.

Это не моя подвеска. Наверное, стоит отнести ее отцам...

Мысль еще не сформировалась, а внутри меня все вмиг оцетинилось. Чувства вздыбились. Каждой крупницей души я чувствовала: вещь моя, ее нельзя отдавать. Даже праведным отцам. *Особенно* праведным отцам.

Я нахмурилась. Медленно огладила ящера пальцами. Сжала на мгновение и опустила поверх сложенных вещей. Ладно, пусть пока остается. Если передумаю, всегда смогу отнести подвеску к отцам позже.

Принятое решение немного успокоило. Волнение по-прежнему ощущалось, но уже слабее. Даже пальцы перестали подрагивать, когда я принялась разматывать повязку.

Надо выяснить, что у меня с рукой. Если рана опасна, придется показать ее брату Кадеру. Он, конечно, разворчится – как всегда, когда кто-нибудь отвлекает его от изготовления настоя для дайгенорской стали. Но зато лечит на совесть.

Порез оказался неглубоким. Даже... аккуратным. Странно.

Я оглядела его, уверилась, что поводов для волнения нет. Повернула руку другой стороной вверх и застыла.

Крыло. Крыло дракона!

Что? Боги, откуда? Как? Невозможно!

В два шага я оказалась у шайки, опустила мочалку в теплую воду и принялась тереть рисунок. Ну же! Исчезай! Я терла и терла, позабыв

про порез и не обращая внимания на закапавшую в воду кровь. Пальцы дрожали, сердце билось о ребра с такой силой, что наверняка оставляло синяки при каждом ударе.

Однако рисунок не уходил.

Проклятье!

Я метнулась к узкому шкафу с покосившейся от времени дверцей. Непослушными пальцами выудила новую полоску ткани, чистую подушечку, пропитанную отваром из кровостоя. Прижала ее к ране, крепко примотала, постоянно бросая косые взгляды на дверь. Потом одной рукой кое-как вымылась, оделась в чистое, застегнула манжеты на рубашке и перетянула их кожаными ремешками – так, чтобы наверняка рукава не задрались и никто не увидел моей повязки. Заплела две косы, обулась и выскочила из умывальной.

Сердце стучало где-то в горле. Кожу на груди жгло от прикосновения маленького ящера. Как я вообще умудрялась не чувствовать его все это время?

Ноги сами понесли меня в глубь коридоров. Грязные вещи, перемешав с остальными сестринскими, я запрятала на дно большого короба. Не знаю зачем. Просто не могла совладать с волнением, играющим на моих внутренностях, как деревенский музыкант – на цитре.

Прошмыгнула обратно в комнату, огляделась. Может, спрятать подвеску? Но куда? А если ее найдет Арила? Оставлять на себе тоже опасно. Никто не знает, как будут проходить занятия с Айкиром. Он всегда может полоснуть дайгенором, разрезать мои вещи из одного лишь веселья. Я уступаю ему в скорости. Уже дважды мне приходилось латать одежду, а потом терпеть насмешливые шуточки остальных братьев.

Проклятье! Что же делать?

Арила заворочилась на кровати, явно просыпаясь. Времени на принятие решения не осталось.

Перепуганной мышью я метнулась под кровать, запрятала подвеску в щель между днищем и ножкой. Выбралась, отряхнулась, встала у окна, пытаюсь совладать с эмоциями.

Ну же, Кинара! Ты ведь охотница! Соберись!

– Ты чего носишься с самого ранья? – зевнула Арила, садясь. – Неужели у тебя появились тайны от сестер?

Я повернулась и одарила подругу насмешливым взглядом.

– Конечно, – ответила с напускной серьезностью. – Иначе все узнают, что за полчаса до подъема в умывальной никого и можно спокойно привести себя в порядок.

Сердце по-прежнему билось слишком быстро, в крови кипело волнение. Но голос прозвучал ровно.

– О да, – Арила потянулась, – такие тайны надо беречь. Особенно от новеньких. Они по пятнадцать минут там плещутся, представляешь? И бардак разводят жуткий. Точно когда-нибудь допекут и получат скрученным полотенцем по заднице.

Я фыркнула.

– Ты, главное, не перестарайся. Если устроишь еще одну потасовку в умывальной, отцы придут в бешенство.

– Да оно само тогда началось! Я вообще ни при чем!

Арила возмутилась с такой горячностью и одарила меня таким кристально честным взглядом, что я даже поверила. На миг. Потом она перестала изображать невинную.

– А ведь хорошая тогда потасовка вышла!

– Шутишь? Нас отделали!

– Но хорошо же!

Я рассмеялась. Вскинула руки, признавая поражение, и поймала брошенную подушку.

С Арилой всегда так – легко и весело. Многие тянутся к ней, не способные противиться этой магии. Причем даже те, кто всего часом ранее получил от нее тумачков. Да и как иначе? На Арилу невозможно обижаться. Открытая, прямолинейная, с одинаковой готовностью бросающаяся в драку и в дружеские объятия, она словно переполнена жизнью. А в Ордене, где на каждом лежит печать смерти, это дорогого стоит.

Минут через пять, закончив утренние сборы, мы спустились в трапезную. Влились в шумный людской поток, получили по миске с кашей и устроились на лавке за дальним столом. Пока стучали ложками, я то и дело ловила на себе внимательные взгляды, слышала беспокойные шепотки.

– Поди, гадают, не заставят ли тебя восполнить запас дров, который мы потратили на твой поминальный костер. – Арила фыркнула. – Вообще не слушай их.

Однако не слушать не получалось. Все чаще я улавливала отдельные фразы в общем гуле, собирала из них чужие страхи. Да, меня боялись. Рыжая, что приносит беды, вернулась. Какое несчастье обрушится на Орден по ее вине?

Когда две молоденькие послушницы лет тринадцати принялись обсуждать это особенно громко – не таясь, а явно провоцируя, Арила не выдержала. Наполнила ложку липкой кашей и прицельно кинула в русоволосую парочку. Бросок вышел меткий – зацепило обеих.

– Эй!

– Да ты совсем, что ли?! – взвились они.

Арила неспешно облизала ложку, заново наполнила ее кашей и повернулась к послушницам.

– Я бы посоветовала вам занять рот завтраком, а не пустым трепом. Иначе вымывать из волос Найрину стряпню будете до вечера. Вопросы?

Они нахмурились. Метнули в меня колючие взгляды, но мотнули головами.

– Вот и умницы. А теперь брысь завтракать.

Подхватив тарелки с кашей, девочки поспешили пересесть за другой стол.

Я вздохнула:

– Не стоило так. Весь Орден кашей не перемажешь.

– Ошибаешься. Найра всегда варит с запасом, будто так и не запомнила, сколько мы едим!

На этот раз шутка не заставила меня улыбнуться.

– Брось, Рил. Они лишь повторяли за остальными. Меня ведь правда не было очень долго. А в Ордене все, что выбивается из привычных рамок, пугает.

Моя речь Арилу не успокоила. Наоборот – заставила прищуриться и податься вперед, разглядывая меня, будто незнакомку.

– Что? – Я напряглась.

– Ты точно изменилась. Раньше тебе и в голову бы не пришло выгораживать молодняк. Сами были такими же! И ничего, не померли от ложки каши в волосах.

– Ты не понимаешь! Дети – это ведь сокровище! – возразила я горячо и застыла, пытаясь осознать только что сказанное.

Никто в Ордене не называет детей сокровищами. Да и за пределами этих стен тоже. Рабочие руки? Да. Няньки? Да. Те, на ком можно сорвать злость? Тоже, к сожалению, да. Но сокровище? Нет, такого я не слышала. Тогда откуда во мне эта уверенность, что детей надо защищать? Почему я верю, что они бесценны?

Арила тоже выглядела изумленной.

– Давай так, – заговорила она тихо, чтобы нас не слышали. – Сегодня ты держишься как мышь: тебя не видно и не слышно. А вечером мы еще раз поговорим о твоих ценностях. Можешь сколько угодно убеждать, что ты осталась прежней, но я вижу – ты другая. И хорошо бы, чтобы никто другой этого не заметил. Вопросов к тебе и без того много.

Я кивнула. Помедлила секунду, затем призналась:

– Отец Мадек приказал мне помогать Айкиру с обучением молодняка.

Арила протяжно застонала и уронила лицо в ладони.

Из всех охотников, к кому меня только могли приставить, Айкир самый внимательный. Он точно не упустит ни малейшей детали.

* * *

Айкир ждал меня на тренировочной площадке. Несмотря на холод, куртку он снял, оставшись в одной шерстяной тунике поверх рубахи. Рукава закатал. Стоящие чуть в стороне послушники глядели на него с заметным трепетом. Я усмехнулась, вспоминая, как и сама с восторгом смотрела на обучающих нас охотников. Тогда они казались героями. Теперь я понимаю, что они – обычные люди, которым судьба не оставила иного выбора, кроме жизни с дайгенором.

– Послушники! – голос Айкира разнесся над площадкой. – Это ваша старшая сестра Кинара. Недавно в ее честь мы жгли поминальные костры, но боги оказались к ней милостивы.

– Говорят, она приносит беды, – заметил кривозубый мальчишка с копной светлых волос.

Я скрестила руки на груди и посмотрела на Айкира. Ну же, давай! Повтори свои сказочки, которые травил раньше! Расскажи всем, как мои волосы привлекли драконье пламя.

Айкир прищурился, явно прочитав в моем взгляде вызов. Несколько секунд медлил, будто решаясь, потом тряхнул темной головой.

– Беды приносят чудовища, – произнес он твердо. – Охотники от них защищают.

– Разве ж она охотница? – удивилась девочка с жидкой косичкой. – Вернулась ведь без трофеев. И выглядит странно...

Я подошла почти вплотную, присела.

– А ты охотница? – спросила спокойно.

– Нет. Пока нет, – быстро исправилась она.

– Вот и я пока не охотница. Но знаю и могу достаточно, чтобы ею стать.

– А хочешь?

Я открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Даже короткое «да» застряло в горле. Стараясь скрыть растерянность, я встала, окинула детей взглядом и бесстрастно, как подобает старшей сестре, ответила:

– Каждый послушник мечтает об этом.

Дети кивнули. А вот Айкир нахмурился. В отличие от младших, мою заминку он заметил.

– Разбейтесь на пары, – скомандовал, продолжая смотреть на меня. – Кинара, ты встаешь в пару со мной. Будем показывать.

Я кивнула, взяла протянутый слепыш – деревянный дайгенор, с которым упражняются послушники в первый год. Замерла в стойке напротив Айкира.

– В чем сила драконов? – спросил он у детей.

– В огне!

– В размере!

– В страхе, который они сеют!

Ответы зазвучали нестройным хором. Кто-то выкрикивал, стараясь, чтобы его наверняка услышали. Кто-то отвечал неуверенно, тихо. Некоторые толкались локтями, мешая соседу ответить. Другие молчали, но глядели хмуро.

Именно на последних мы с Айкиром посмотрели с одинаковым интересом. Скорее всего, одного из них в будущем выберут в соколы. Тихие, с выдержкой, полные внутренней ярости. Если проявят себя в ловкости и меткости – точно быть им соколами.

– В физической силе, – ответил Айкир, жестом заставляя детей замолчать. – Один прямой удар убьет любого охотника. Поэтому мы должны быть быстрыми, юркими. Ноги – вот наше главное оружие. Не дайгенор. Дайгенор в руках мертвеца не опаснее камня, лежащего у обочины. Посмотрите, как стоит Кинара.

Слепыш Айкира плашмя приземлился мне на бедро.

– Колени присогнуты, ноги разведены. Но не сильно. А ровно настолько, чтобы успеть среагировать...

Не предупреждая, Айкир замахнулся. Я отскочила. Действуя на рефлексах, кувыркнулась, выпрыгнула пружинисто и атаковала. Мой слепыш с глухим ударом встретился со слепышом Айкира.

– Вот! Видели?

Он снова посмотрел на детей. Те закивали. На меня теперь глядели без прежнего недоверия. Да, не с таким восторгом, как на Айкира, но все-таки как на охотницу.

– И обратите внимание, как Кинара стоит сейчас.

Слепыш Айкира проскользнул вдоль моей икроножной мышцы и выше – по внутренней стороне бедра. Я отступила, посмотрела на Айкира с непониманием. Какую пакость он задумал на этот раз?

Он хмыкнул. Снова прищурился, всматриваясь в мое лицо, однако ничего говорить не стал. Повернулся к детям.

– Итак, вставайте в пары. Я покажу начальную стойку и один из основных ударов. Мы называем его «Жало». Кинара, помоги мне. На тебе девочки.

Я кивнула и подошла к послушницам. Их всегда немного. Вот и в этом году отцы приняли лишь троих.

Занятие протекало спокойно. Айкир больше времени уделял мальчикам, лишь иногда проверяя успехи девочек. На меня поглядывал задумчиво, с плохо скрытым интересом во взгляде. Я встала вполоборота, чтобы хоть немного отгородиться. И все равно каждый раз чувствовала кожей, когда Айкир на меня смотрел.

В душе зрела тревога. Наверняка он что-то задумал! За годы, что мы провели бок о бок, я натерпелась от него немало. Сомневаюсь, что Айкир упустит шанс снова посмеяться надо мной. Только вот чего ждать? Впервые его действия не получается предугадать. Обычно Айкир нападает в открытую. Он сильнее, быстрее, выше. Ему нет нужды использовать против меня хитрость – хватит и грубого напора.

Но сейчас он будто затаился. Словно чего-то ждет. И отсутствие ясности выматывает сильнее прямой атаки.

Под конец занятия, когда дети еле удерживали слепыши на весу, Айкир хлопнул в ладоши:

– Все молодцы! Для начала неплохо. Так, а теперь кто вспомнит, что я обещал показать, если сегодня вы проявите себя хорошо?

– Дракона!

– Дракона!

– Дракона!

Дети заголосили, радостно запрыгали. Воинственно вскинули слепыши в воздух.

Айкир широко улыбнулся:

– Именно! Тогда за мной!

Послушники, словно утята, тут же засеменили следом. Я замыкала их процессию, чувствуя нарастающую тревогу. Глупо беспокоиться насчет дракона – это только для новичков он кажется чем-то удивительным. Я же видела его сотни раз – чучело ящера, убитого задолго до моего рождения.

Говорят, он пал от руки одного из первых праведных отцов. Чтобы притащить тушу в Орден, пришлось разрубить ее на сотни кусков, потом пропитать каждый заговоренным настоем, который укрепил их, словно лезвия дайгеноров, и заново сшить воедино.

Каждый год новичков отводят к этому чучелу, чтобы они могли изучить врага. Увидеть его истинные размеры. Оценить их. Самые дерзкие даже кидались в атаку со слепышами наперевес. Я и сама была одной из таких. Но сейчас сердце почему-то щемит.

Мы обогнули рабочие пристройки, вошли в огромный крытый загон, плотно притворили двери. В темноте дети испуганно замолчали. Сбились в стайку, словно мышата, прижались ко мне. Айкир тем временем на ощупь дошел до первой лампы, зажег ее. Потом еще одну. И еще.

Постепенно из темноты выплыла огромная морда. Некоторые дети завизжали, другие кинулись мне за спину. Я же стояла не шевелясь и смотрела на чешую чудовища. Алую.

Сердце уже не щемило – его будто драли острыми когтями. Кажется, я даже слышала глухие удары, с которыми оторванные куски падали вниз. Горло сдавило.

Я глядела на алого ящера и задыхалась. Беззвучно шевелила губами, не способная сделать глоток воздуха. Дрожала, будто от мороза. И... плакала?

– Кинара?

Айкир зажег последнюю лампу и повернулся ко мне.

Я вздрогнула. Вынырнула из оцепенения, силой заставила себя улыбнуться.

– Прости, я ненадолго выйду.

Не дожидаясь разрешения, выскочила из загона и даже успела сделать с полдюжины шагов. Потом меня схватили за руку.

Глава 20

Рывок – и я оказалась лицом к лицу с Айкиром.

– Что происходит? – требовательно спросил он. – Что с тобой творится?

– Ничего.

– Ничего? – В его голосе зазвучало раздражение. – А это тоже ничего?

Он коснулся моей щеки, царапнул кожу шершавыми пальцами. Отнял руку и развернул ее так, чтобы я увидела влагу на огрубевших подушечках.

– Это от ветра, – солгала я, не дрогнув.

Скрестила руки на груди и заломила бровь, без слов давая понять, что больше ничего пояснить не стану. Держалась уверенно, твердо. Так, чтобы Айкир не увидел ни тени моих истинных эмоций. Не понял, как меня скручивает от боли и до сих пор потряхивает от увиденного. Чтобы не догадался, насколько я испугалась. Не дракона. *За* дракона.

Однако Айкир не купился на ложь. Крылья его носа затрепетали от учатившегося дыхания. Во взгляде полыхнула злость.

– Хватит лгать, Кинара.

Я фыркнула и ответила, копируя его тон:

– Хватит искать тайну там, где ее нет.

Развернулась, собираясь уйти, но Айкир вновь поймал меня за запястье.

– Нет? Я так не думаю. – Свободной рукой он коснулся моих волос. – Детали выдают тебя. Возможно, ты сама не понимаешь насколько.

Я дернулась, сильнее сжала рукоятку слепыша, готовая воспользоваться им, если придется.

– Отпусти, – процедила глухо.

– Что с тобой случилось в горах? – спросил он, будто не услышав моего требования.

– Тебя это не касается!

Я снова дернулась, на этот раз сильнее. Но Айкир держал крепко.

– Касается, Кинара! Тогда я пошел за соколом, чтобы найти тебя и защитить, если понадобится. Сейчас я хочу того же.

– Зачем? Все эти годы ты только вредил мне! С чего вдруг такие перемены?

– Дразнить тебя и потерять – не одно и то же! – выкрикнул он.

Тишина, обрушившаяся следом, показалась оглушающей. Мы оба замерли, осознавая только что сказанное. Потом я скривилась:

– Удивительно слышать эти слова от человека, подсыпавшего мне листья туманника накануне первого испытания.

Айкир дернулся, как от пощечины. Секунды три не шевелился, затем отпустил мое запястье. Заговорить больше не пытался. Я отступила. Криво усмехнулась, чувствуя во рту кислый привкус разочарования, развернулась и зашагала прочь.

Все эти годы я не знала наверняка, лишь догадывалась, что сорвалась со скалы не только из-за своей неловкости. До сих пор помню, как Айкир подошел ко мне за завтраком. Как насмеялся над рыжей, возомнившей себя охотницей. Как его дружки возникли у меня за спиной, заставив отвлечься. И как удивительно легко они все отступили.

Уже после, карабкаясь по скале, я почувствовала, что зрение туманится. Не настолько, чтобы сдаться и повернуть назад, но достаточно, чтобы перестать различать мелкие детали. Наверное, все же стоило отступить. Но желание доказать отцам и самой себе, что я достойна, сыграло против меня.

Пальцы невольно метнулись к шрамам на ребрах. Через одежду их не почувствуешь, но мне это и не нужно – я помню расположение каждого.

Раньше я не знала, правда ли Айкир подсыпал мне туманника, лишь догадывалась. Теперь же получила этому подтверждение.

Шрамы на теле, шрамы на душе... оставив на мне столько отметин, Айкир вдруг решил встать на мою сторону? Не верю.

Я шла, сжимая и разжимая кулаки. Напряжение носилось по телу, словно метель по горам. Тревога в душе крепла. Не из-за Айкира – из-за меня самой. Все эти видения, страхи, чувства, не поддающиеся объяснению... Уверена: это связано с драконами. Пока не знаю как, но я обязана во всем разобраться. Причем до того, как отец Мадек решит

провести очищение травами. Невозможно предугадать, что я выкрикну во время ритуала. Нужно подготовиться.

Арила нашлась у входа в стряпчую – вотчину Найры. Хмурая, как осеннее небо, в светло-серых нарукавниках и с большим ножом, она сидела на низкой лавке перед двумя большими ведрами: одно с картошкой, другое с очистками.

– Найра все-таки прознала, что ты выловила почти все мясо из жаркого? – улыбнулась я, подходя ближе.

Села, забрала у подруги нож и, шлепнув ее по руке, чтобы не пыталась его вернуть, вытащила мелкую, как горох, картофелину.

– Из-за меня ж, – ответила, поймав вопросительный взгляд.

– Ты не просила. Я сама решила и...

– А теперь прошу не мешать. – Я показала язык. Скинула очистки в ведро и выхватила следующую картошку. – Найра тут?

– Не-а. Ушла гонять мелких, утянувших плетенки.

– С ягодами?

– Ага. – Арила довольно прищурилась.

Я понятиливо хмыкнула. Прямоугольные булочки из слоеного теста – слабость любого охотника. Каждый раз кто-нибудь да не устоит перед соблазном стянуть одну с пылу с жару.

На некоторое время мы замолчали. Я чистила картошку, Арила глядела в серое небо.

– Так что случилось? – спросила она минуты через три.

– Мне нужна твоя помощь.

– В чем?

– В том, чтобы пробраться в лабораторию Кадера.

Арила перестала разглядывать небо, повернулась ко мне. Глядела при этом так, словно я только что предложила ей прогуляться в горы с одним только слепышом вместо нормального оружия.

– К Кадеру? – уточнила она. Я кивнула. – В лабораторию? – Я снова кивнула. – Может, мы лучше сопррем у Мадека кота? Все наказание будет легче, если нас поймают.

Я покачала головой.

Арила права. Единственное место, куда всем охотникам запрещен вход – это лаборатория Кадера. Именно там готовятся и заговариваются настои для лезвий дайгеноров, там же хранятся элементы для проведения ритуалов, божественных праздников. За все

время существования Ордена никто не осмелился нарушить главный запрет. Но для меня нет иного выбора.

Помедлив еще секунду, я призналась:

– Мадек собирается провести очищение травами...

– Что?! – Арила вскочила и принялась вышагивать по стряпчей, явно не справляясь с эмоциями. – Он не может! Не должен! Очищение перестали проводить не просто так! И он... он... он не может! – повторила она, растерянно глядя на меня.

– Может, Рил. Только он и имеет право принимать такие решения.

Она остановилась. Прищурилась, явно что-то обдумывая, и кивнула:

– Тогда спалим лабораторию Кадера ко всем драконам! Нет лаборатории – нет трав. Нет трав – нет и очищения.

– Хочешь, чтобы Мадек совсем взбесился? К тому же это ничего не изменит. Нас поймают и заклеят. Запрут обеих, пока Кадер не приготовит новые настои, а потом все равно проведут очищение.

– И что делать? Безропотно сидеть и ждать, когда тебя отравят?! Кинара, очнись! За последние шесть раз не выжил никто. Никто, Кинара! Я не могу похоронить тебя еще раз!

Арила едва не кричала от отчаяния. Во взгляде плескался ужас. Откинув нож, я в два шага оказалась рядом и стиснула ее в крепких объятиях.

– Я боюсь, Рил, – прошептала на ухо. Замолчала на миг, ощутив, с какой силой она вцепилась в мою куртку, но продолжила: – Но боюсь не смерти, а того, что окажусь перед Мадеком беззащитной. То, что я забыла... это важно. Важно, понимаешь? Уверена, есть причина, почему я ничего не помню. И я должна выяснить, что это за причина.

Арила отстранилась. Посмотрела мне в глаза, явно ища ответ. А не найдя, спросила:

– Что ты задумала?

– Провести очищение травами самостоятельно. Тогда, если выживу, я сумею защитить свою память от Мадека.

* * *

Мою идею не назовешь блестящей, даже хорошей – с большой натяжкой. При любом другом раскладе я бы в жизни не решилась на такую глупость. Но сейчас чувствовала: иначе нельзя. Может, во мне говорят инстинкты охотницы, а может, куда более древние. Понять бы какие... Не материнские же, право слово!

Однако уверенность, зародившаяся в душе, все крепла.

Следующие две ночи я почти не спала – пряталась за стеллажом в коридоре главной башни, следила за зрителем. Старый, растерявший хватку за последние годы, он мне точно не противник. Я могла бы вырубить его, подкравшись со спины. Он бы даже не понял, что случилось. Но, придя в себя, догадался бы, что в лаборатории кто-то был. Иначе зачем нападать? Нет, лучше действовать иначе: запомнить до секунды, сколько времени занимает обход подземных этажей, и прокрасться незамеченной.

План казался простым. Стеллаж, так удобно стоящий всего в нескольких метрах от спуска в подвалы, – подарком богов. И все же без трудностей не обошлось.

Бессонные ночи выматывали. Каждое утро я боролась с искушением плюнуть на все и уйти спать. Реакции стали замедленными, внимание – рассеянным. На занятиях с Айкиром приходилось особенно тяжело.

Он то стоял совершенно расслабленный, обращаясь к послушникам, то атаковал стрелой, заставляя меня уходить в оборону. Будто чувствовал, что я не в форме, и пытался подловить. К счастью, с вопросами больше не лез.

Сама я тоже без надобности не заговаривала. Даже когда он явился со сбитыми костяшками, ничего не спросила. Подумаешь, подрался! В Ордене такое не редкость. Правда, увидев Эварика с рассеченной скулой, все же ощутила укол любопытства. Неужели Айкир сцепился с лучшим другом? Он ведь дорожит им не меньше, чем я Арилой!

Арилу, кстати, это тоже удивило. Однако, как и мне, ей было не до Айкира. Пока я следила за сторожем, она не спускала глаз с Кадера.

Раз в луну он уезжает в городскую лекарскую лавку, чтобы пополнить запасы порошков и трав. Как правило, отправляется вечером, ночует на постоялом дворе, с утра закупает все необходимое и к обеду возвращается. Все три недели, пока меня не было, Кадер

оставался в главной башне. А значит, день его отбытия совсем скоро. Понять бы только: когда?

Ответ я получила на исходе четвертого дня.

За окном уже смеркалось. Я сидела на кровати, по-мужски скрестив ноги, и внимательно изучала спицы, которые стащила из мастерской. Кончик одной я загнула крючком, вторую оставила прямой.

— Кинара! — Арила влетела в комнату и уставилась на меня горящими от азарта глазами. — Кадер только что уехал!

Фраза прозвучала быстро, отрывисто — подруге явно не терпелось ее произнести. Но мое сердце забилося еще быстрее.

Сегодня. Все случится уже сегодня.

Я кивнула и принялась собираться. Действовала размеренно, вдумчиво, не позволяя волнению взять верх над разумом. Проверила сверток со спицами, маленькую лампу, заправленную маслом, поясную сумку, нож, кусок ткани. Если придется нести несколько склянок, нужно замотать их, чтобы не звенели. Переоделась, сменив тяжелую куртку на шерстяную тунику с капюшоном. Волосы собрала в тугой пучок, сверху повязала платок. На всякий случай. Вдруг придется убежать? Не хочу, чтобы меня узнали из-за проклятых волос.

Арила молча следила за каждым моим действием. Возражать уже не пыталась, только выразительно сопела в последней попытке меня разжалобить. Не вышло. В лабораторию полезу я одна, Арила останется караулить. И если меня поймают, держать ответ буду тоже я одна.

Из комнаты мы вышли глубоко за полночь. Ступали бесшумно, выглядывали за угол каждый раз, прежде чем повернуть. На улице держались в тени, избегая освещенных дорожек. Прокрались к главной башне, юркнули внутрь через заднюю дверь.

Начинается самое сложное.

Арила ушла левее — к нише за огромным гобеленом, на котором охотник пронзает чудовище дайгенором, и скрылась из виду. Если вдруг в зале появится кто-то, кого в этот час тут быть не должно, она отвлечет его внимание на себя. Я же на цыпочках двинулась к лестнице в подвалы. За шумом крови в ушах шорох подошв о пол почти не различался; в груди болезненно пульсировало.

Шаг. Шаг. Шаг.

Я спустилась на этаж, короткими перебежками добралась до стеллажа, за которым провела предыдущие ночи, – и нырнула в щель между ним и стеной. Дождалась, когда с другого конца коридора донесется тяжелое дыхание. Затаилась.

Смотритель прошел мимо, остановился у подножия лестницы, тяжело вздохнул и, кряхтя, зашагал вверх. Старику бы давно пора на покой: сидеть по ночам дома с теплой грелкой в ногах, днем заниматься простой работой... Но покоя в Ордене нет ни для кого: ни для отцов, ни для охотников. У каждого есть обязанности, и мы будем их выполнять, пока смерть не коснется костлявыми пальцами наших лиц, закрывая веки.

Когда звук шагов стих, я выскользнула из щели, бесшумно прокралась к следующей лестнице. Спустилась. Огляделась, уверяясь, что спрятаться тут негде, – и кинулась к единственной двери в конце коридора. Большой, овальной, укрепленной железом, с витым кольцом-ручкой. Достав спицы, опустилась на корточки.

Охотники не умеют взламывать замки, мы ведь не воры. В дома мы входим либо по приглашению, либо силой – если знаем, что под завалами кто-то есть. А после нападения драконов зачастую одни завалы и остаются.

Меня же обращаться с замками научил Свенко – сын кузнеца из моей родной деревни. Для нас это всегда было игрой, баловством, которым мы занимались, пока отец Свенко стучал по наковальне. Не уверена, помню ли еще старую науку, но времени на сомнения не осталось.

Сунув спицы в замок, я принялась действовать.

Секунды утекали стремительно. Сердце билось в ритме шагов старого смотрителя. Я будто кожей ощущала каждое его движение, чувствовала, где он. Лоб покрыла испарина. Не прекращая работы, я вытерла ее плечом. Прислушалась. Тихо. Только еле различимый скрежет спиц в замке.

Ну же, мой хороший, давай! Открывайся!

Дважды казалось, он вот-вот поддастся. И дважды я ошибалась. Пальцы подрагивали от волнения. В ушах снова зашумело.

Смотритель закончил обход верхнего этажа и уже шагает в обратную сторону. Осталось две минуты.

Я заработала быстрее.

С четвертой попытки подцепила кончик поворотного механизма. Осторожно повела его вверх... Зараза! Сорвался!

Спокойно, Кинара. Соберись. Выдохни. Не паникуй.

Новая попытка.

Ну же!

Смотритель миновал зал славы. Теперь идет по коридору к лестнице. Еще сорок секунд, и надо уходить. Иначе я не успею вернуться за стеллаж.

Короткие волоски на лбу и висках липнут к коже. Пот каплями стекает в глаза, заставляя шипеть, жмуриться и пытаться стереть его рукавом туники. За шумом крови почти ничего не слышно. Теперь дрожат не только пальцы, но и все нутро. Проклятье!

А если попытаться зацепить механизм снизу? Или Свенко говорил, так делать бесполезно?

Двадцать секунд.

Вытащить спицы, начать все заново. Нащупать острым кончиком рычаг. Осторожно, не дыша, приподнять его. Чуть-чуть, всего на миллиметр.

Десять секунд.

Подсунуть спицу глубже, чтобы рычаг не сорвался. Шансов на ошибку не осталось. Еще медленнее, плавно и нежно, повести ее вверх... Вот так. Да. Давай, мой хороший, давай.

Пять секунд.

Последнее движение и...

Широкая мужская ладонь зажала мне рот. Я дернулась, не удержала спицу. Рычаг щелкнул. Попыталась вырваться, но меня подняли и с силой прижали грудью к двери.

– Молчи, – низкий шепот обжег ухо. – Закричишь, попадемся мы оба.

Глава 21

Все еще прижатая к двери, я не увидела – лишь услышала, как Айкир вставил в замок ключ, с щелчком провернул. Ощутила толчок, с которым он впихнул меня в лабораторию. Влетел следом сам, закрыл дверь и снова щелкнул замком.

Тихо.

Так тихо, что, кажется, можно различить биение наших сердец: частое – моего и размеренное – Айкира.

Мы оба не шевелились. Ждали. Ловили каждый звук, доносящийся с той стороны двери. Что мы услышим? Шаги смотрителя? Или топот охотников, поднятых по тревоге?

Время будто застыло. Ожидание выматывало, рождая в душе опасное желание выглянуть в коридор и проверить – где же смотритель? Но вот, спустя вечность, с лестницы донесся приглушенный шорох. Еще через несколько секунд мы различили тяжелое дыхание, ворчание на сырость и холод. Потом смотритель ушел.

Мы с Айкиром выдохнули.

Будто очнувшись, я поняла, что он стоит совсем близко. Ощутила его запах, тепло его тела... И поспешила отойти. Недалеко – чтобы ни во что не врезаться в окружающей темноте, но достаточно, чтобы не чувствовать его дыхания на своей коже. Сняла с пояса маленькую лампу, зажгла ее. Однако не успела толком оглядеться, как Айкир выхватил ее у меня из рук. Отставил на край стола и развернул меня к себе.

– Какого проклятья, Кинара?! – зло прошипел он. – Совсем обезумела?

– Тебя не касается, что и почему я делаю!

– Ошибаешься! Я ведь говорил, что хочу защитить! Почему в это так сложно поверить?

Я вытаращилась на него, как на ненормального. Он что, правда не понимает? Или забыл, как сам же меня изводил?

Язык обожгли ругательства. Захотелось высказаться, напомнить о каждой пережитой подлянке, но я смолчала. Только до скрипа

стиснула зубы. В прошлый раз я сказала достаточно, и если Айкир не в силах понять, что нет значит нет, – это не мои проблемы.

Фыркнув, схватила лампу и зашагала вдоль стеллажей.

Приглушенный свет выхватывал из темноты очертания коробов, пузырьков и банок с привязанными к горлышку этикетками. Возле одной такой банки я остановилась. Поднесла лампу ближе, нахмурилась. В темно-бурой жидкости застыли спинные шипы дракона. Боги, и что Кадер с ними делает?

– Кинара, подожди! – Айкир схватил меня за руку.

Я скривилась, недовольная его настойчивостью, но повернулась.

В свете лампы тени под глазами стали глубже, морщинки у носа и губ – заметнее, будто Айкир враз постарел на пять лет. Но даже сейчас никто не сказал бы, что он некрасив. Красив, собака. И знает об этом. Как и о том, что он лучший из молодых охотников.

Для одних это повод завидовать, для других – как правило, сестер – проклинать правила Ордена, по которым охотники не могут быть вместе. Да, нам не возбраняется следовать желаниям тела, и потому нас отпускают в город. Но даже там мы не имеем права быть друг с другом. Нельзя позволить случайной связи перерасти в нечто большее. Наши сердца и души принадлежат Ордену. И только ради его идеалов мы умираем.

– Ты никогда не сможешь мне верить, верно?

– А должна? – ответила я резче, чем следовало. – Вот скажи, зачем ты пришел сюда? Как вообще понял, где я буду? Когда, зачем?

Айкир едва заметно улыбнулся. Посмотрел на меня иначе, будто я сказала что-то милое, и ответил:

– Все просто. Мадек послал меня к Кадеру узнать насчет приготовлений. Он не говорил, какой именно ритуал собирается провести, но догадаться было нетрудно. Кадер ворчал, что остатки хладовой травы ушли на лечение раненых после той стычки с алым драконом. И что пока не съездит в город, Мадеку придется поумерить пыл.

Айкир говорил спокойно, будто делился прописными истинами: подул ветер с гор? – жди метели; в ночь божественного равноденствия чистое небо? – зима скоро пойдет на убыль. Он казался невозмутимым и сдержанным – таким, каким и должен быть охотник. И в то же время что-то выбивалось из привычного облика.

Я всматривалась в его глаза, пытаюсь заметить в их глубине хоть тень истинных эмоций, вслушивалась в интонации. Но нет. Айкир умеет прятать чувства гораздо лучше, чем кто-либо в Ордене.

– Хладовая трава очень полезна. Корни, листья, стебли – все в ней подходит для приготовления настоек и мазей. Вот только ритуалы с ней почти не проводят – слишком ядовита при прямом воздействии. Есть лишь один ритуал, в котором ее используют, – очищение травами. И есть лишь один человек, которого Мадек мог не просто приговорить к очищению, но с нетерпением ждать, когда приговор приведут в исполнение. Это ты, Кинара.

Я прищурилась.

Вот так просто? Взял и догадался?

Сомнения точили душу, как ржа железо. Да, Айкир на хорошем счету у Мадека. Пожалуй, мало кого старик жалует так, как его. Не удивлюсь, если уже совсем скоро Айкиру разрешат пройти испытание веры, а после назовут новым праведным отцом. Самым молодым за историю Ордена. Одно только не вяжется: зачем бы Айкиру при таком раскладе помогать мне?

Однако спросить я не успела. Он заговорил первым:

– Ты ищешь противоядие, верно?

– Что? – Я моргнула. – Оно есть?

* * *

Ночь почти истаяла. Мы с Арилой сидели в комнате и с одинаковой опаской смотрели на маленький пузырек, полный темно-зеленой жидкости.

Противоядие...

Мой шанс пройти очищение травами без риска для жизни. Шанс сохранить контроль над телом и памятью, не остаться беззащитной перед Мадеком. Слишком желанный шанс, чтобы его упустить.

– А вдруг Айкир соврал? – засомневалась я в пятый раз за утро.

– Зачем? Хотел бы навредить, мог бы просто сдать тебя Мадеку, а не соваться в лабораторию. За такое даже его по головке не погладят.

– Но и не заклеят.

– Тоже верно. – Арила вздохнула. – В любом случае выбора нет. Как только Кадер закончит приготовления, то отнесет настойку Мадеку. Мы не успеем ее выкрасть. Особенно незаметно. Прости, Кинар, но, боюсь, придется рискнуть. Ну, или оставить все как есть и понадеяться на лучшее.

Судя по кислому выражению ее лица, в «лучшее» Арила верила не больше, чем в ручных драконов.

Я со стоном откинулась на подушку. Подруга опустилась рядом. Несколько минут мы молчали, потом она снова заговорила:

– Я понимаю, почему ты не веришь Айкиру. Но знаешь... люди меняются.

– Только не внезапно. И только не Айкир. Ты сама говорила, что у него задница вместо сердца!

Арила улыбнулась:

– Может, он не со всеми ледяной? Нет, не фырчи, я не собираюсь его выгораживать. Просто... я понимаю, каково это – получить обратно то, что считал навсегда утраченным. Это для тебя прошедших трех недель не было и кажется, будто ничего не изменилось.словно я, Айкир, все остальные в Ордене остались прежними. Но мы пережили утрату, Кинара. Зажгли поминальные костры, в полном молчании подняли дайгеноры и мысленно попрощались с тобой.

Арила села и уставилась в пол.

– Ты умерла для нас, Кинара. Умерла, понимаешь?.. А потом вернулась, – ее голос прозвучал глухо. – Знаешь, что я чувствую? Страх. Холодный, пробирающий даже не до костей – до самой души. Каждый день, едва открыв глаза, я смотрю на твою кровать. Все боюсь увидеть ее пустой, понять, что ты мне приснилась. Или что на тренировке меня вырубili и все это – лишь фантазии. Или что я вообще валяюсь в лекарском крыле в бреду горячки! Я боюсь, Кинара. Боюсь пережить твою утрату еще раз.

Я тоже поднялась, придвинулась вплотную и заключила подругу в крепкие объятия.

– Думаешь, Айкир чувствует что-то похожее? – спросила тихо.

– Не удивлюсь.

– Но почему? Он же всегда меня ненавидел!

Арила хмыкнула:

– Сомневаюсь, что всему виной была ненависть. Помнишь, однажды мы вместе ушли в город? Накануне праздника цветения. – Я кивнула. – В ту ночь он обращал внимание только на рыжих. И в отдельную комнату тоже повел рыжую. Мм, угадай для чего?..

– Фу, Рил! Даже думать об этом не хочу!

Она рассмеялась. Легко увернулась от моего локтя, которым я собиралась заехать ей в бок. Потом посмотрела по-сестрински тепло.

– Мы не всегда можем понять собственное сердце. Сейчас ты ведь тоже рискуешь, не до конца зная, ради чего. Просто чувствуешь, что иначе нельзя. Так почему Айкир не может руководствоваться тем же?

Я не ответила. Снова обняла Арилу, тяжело вздохнула и опустила голову ей на плечо.

* * *

Кадер вернулся после обеда. Передал записку Мадеку, а сам заперся в лаборатории. Тем же вечером Орден облетела новость: завтра в полдень Кинара предстанет перед всеми отцами, чтобы воззвать к богам и пройти очищение травами.

* * *

В небольшой комнатке, где меня заперли, гулял сквозняк. Я ежилась, обнимала себя руками в тщетной попытке согреться. Ритуальная рубаха, простая и длинная, закрывала тело от шеи до пят. Даже рукава доходили до кончиков пальцев. Но только от холода это не спасало – слишком тонкая ткань.

Промерзлый камень жег босые ступни. Волосы разметались по белой рубахе, словно языки пламени. Я глянула на них и криво усмехнулась. Знала бы, что заставят расплести косу, не стала бы возиться с ней с утра!

Во рту до сих пор ощущался горький привкус противоядия. Мне повезло: я успела выпить его и спрятать пузырек под подушку за мгновение до того, как за мной пришли. Намного раньше, чем я рассчитывала. Видимо, Мадеку действительно не терпится начать.

Стоило об этом подумать, и утихшее волнение всколыхнулось с новой силой. Я стиснула левое запястье, на котором, скрытое рукавом рубахи и тугой повязкой, запечатлелось крыло дракона.

Утром, едва проснувшись, я ушла в умывальню. Закрылась на задвижку и осторожно размотала ткань на руке. Порез затянулся хорошо. Уверена, через месяц от него останется разве что тонкая белая полоска. А вот рисунок исчезать и не думал. Все такой же яркий, вызывающе алый, будто пламя, он протянулся на половину предплечья.

Проклятье! Если кто-нибудь его увидит, мне несдобровать. Отцы не станут слушать оправданий. Да и что им ответить? Что не помню, как и почему заполучила драконий рисунок? Сама ведь понимаю, как глупо это звучит.

И все же... Все же я не могу сказать, что ненавижу его. Наоборот, глядя на алое крыло, я чувствую трепет. Будто рада, что оно у меня есть. словно дорожу им.

Догадки вспыхивали в сердце одна за другой. Крепли, набирали силу. Часть меня приходила в ужас, стоило хоть на миг допустить, что я нанесла рисунок сама. Ведь тогда получается, что я симпатизирую драконам. Это как минимум. А если предположить самое смелое... Нет, не могу.

Я тряхнула головой, выныривая из воспоминаний, и снова сдвинула запястье. Мне повезло, что рукава ритуальной рубахи такие широкие – под ними не заметишь даже самой толстой повязки, что уж говорить о моей.

Лязгнул замок.

Я рывком обернулась и встретилась взглядом с Кадером. Как всегда бесстрастный, в любимой темно-коричневой тунике, перетянутой ремнями. В мягких штанах, заправленных в высокие сапоги. С дайгенором, пристегнутым к поясу. Густые с проседью волосы заплетены в косу; виски, как и у всех братьев, коротко выстрижены.

– Пора.

Он коротко мотнул головой, без лишних слов приказывая идти первой. И я пошла. Спину держала прямой, словно шест; подбородок вздернут.

Сколько раз за прошедшие годы я разочаровывала отцов? Не сосчитать. Но сегодня я не дам им повода стыдиться меня. Приму решение Мадека с честью и не покажу эмоций.

Холод больше не ощущался. Даже стопы перестало жечь ледяным камнем. Я уверенно ступила в Малый зал главной башни. Обвела взглядом отцов, сидящих за столом в форме полумесяца. Без страха посмотрела на Мадека, едва заметно кивнула, одновременно приветствуя и говоря: «Я готова».

Он поднялся.

— Дочь наша...

Сейчас, рядом с другими отцами, его голос зазвучал иначе, совсем не так, как в нашу последнюю встречу: по-родительски мягко, вкрадчиво.

— Боги послали тебе испытание. Накрыли дланью твои глаза и сердце, заставив забыть пережитое. Но сегодня мы воззовем к ним, чтобы помочь тебе вспомнить. Скажи, готова ли ты?

— Готова, отец.

— Тогда встань в круг. На колени.

Не дрогнув, я прошла в очерченный мелом круг. Вдоль белой линии протянулись знаки, причудливые, незнакомые. В трех местах, будто на концах невидимого треугольника, замерли красные свечи, чадающие низким пламенем. Судя по всему, каждый фитиль пропитали травяным настоем, поэтому от свечей вместе с дымом поднимался тяжелый аромат. Голова закружилась.

Я опустилась на колени и снова посмотрела на отцов. Почти все седые, с длинными белыми косами. Бороды собраны золотыми зажимами на ладонь ниже подбородка. Несмотря на возраст, каждый из отцов смотрит зорко. Все облачены в дорогие туники темно-фиолетового цвета.

Только трое из сидящих за столом выглядят молодо. В волосах почти не видно седины, бороды черны, как в юности. Но если Айкира все-таки назовут новым праведным отцом, он станет первым, кто удостоился этой чести до тридцати лет.

— Брат Кадер, — Мадек повернулся и жестом указал на меня, — прошу, начинайте.

Кадер с почтением поклонился. В несколько шагов дошел до стола, взял большой кубок, украшенный полудрагоценными камнями,

и направился ко мне. Кубок оказался неожиданно теплым. Да и от черной, почти глянцевой жидкости поднимался пар.

Отвар должен быть горячим?

Я посмотрела на Мадека, замерла на мгновение, однако так и не решилась спросить. Смысл? Пить все равно придется.

Рассудив так, я в три больших глотка осушила кубок.

На удивление, вкус оказался не противным. Да, не самым приятным, но не хуже, чем у обычной настойки от кашля. Я даже успела на миг обрадоваться, решив, что боялась понапрасну. А потом меня скрутило.

Тело словно пронзили сотни дайгеноров. Разом. С силой. Вспороли плоть и разрубили кости. Меня выгнуло, с губ сорвались даже не крики – хрипы.

Боль ослепила. Очертания зала размылись, поплыли, будто краски под дождем. Перед мысленным взором засверкали молнии: тусклые, яркие, маленькие, огромные... Такие разные, но каждая, прежде чем погаснуть, выхватывала из сгущающегося мрака образ странных глаз, что преследуют меня во снах.

Серые с вертикальными зрачками.

Зеленые.

Серые.

И снова зеленые.

В груди защемило. От боли. От горя. От радости.

– Дракон, Кинара... – Голос Мадека прозвучал будто издалека. – Алый дракон. Ты видела его?

– Д-да, – выдохнула я прерывисто.

– Ты билась с ним?

– Д-да.

– Ты не могла победить его! Так почему выжила? Как?

Алая чешуя, звериные зеленые глаза. Когтистые лапы. Сильные руки, обнимающие меня. Низкий, чуть рокочущий голос, который хочется слушать.

– Кинара!

От громкого окрика я дернулась. Образы поплыли; боль стала сильнее. Левое запястье полыхнуло огнем.

– Кинара, отвечай!

Чужие губы на моих губах. Жар чужого тела, запах.

– Я...

Стоило лишь подумать о том, чтобы солгать, – и меня скрутило спазмом.

– Я...

– Отвечай!

В нос забились ароматы дерева, камня, дыма. Горло сдавило. Но не только от спазма, мешающего сделать вдох, а будто... будто от крепких объятий. Детских, упрямых. Бесконечно родных.

В глазах защипало.

Чей это ребенок? Кто он?

Не знаю. Но обязана его защитить.

– Я испугалась, отец, – вытолкнула из себя через силу. – Испугалась и сбежала.

– Где ты была три недели?

– В горах. Хотела выследить дракона, напасть еще раз. Вдруг бы получилось...

– Не лги!

– Ради вас, отцы! Ради вас! – выкрикнула отчаянно. – Чтобы стать истинной охотницей, дочерью, которой вы бы гордились!

Меня выгнуло сильнее – плата за каждое слово лжи.

– Как ты смогла сбежать? Разве дракон не кинулся следом?

– Я...

В ушах защекотало от скатившихся слез. Хотелось мотнуть головой, но тело больше не слушалось.

– Кинара! – взревел Мадек.

– Отцы, прошу, хватит! – Голос Айкира прозвучал неожиданно громко. – Сестра рассказала все что могла. На очищении невозможно солгать, вы сами знаете. Если мы не остановимся, она умрет.

– Значит, такова цена ее очищения!

– Она охотница – камень в защитной стене Равьенской империи. Даже не прошедшая нового рождения, она нужна нам.

Новый спазм скрутил так, что я не удержалась. Завалилась мешком на бок, ободрав щеку о каменный пол, но едва ощутила это. Боль, полыхающая внутри меня, оказалась сильнее любой другой.

В зале поднялся гул. Кажется, это заспорили отцы. Наверняка уже не понять – шум в ушах слишком громкий.

– Отцы!

А вот крик Айкира прозвучал отчетливо. Как и короткий приказ Мадека: «Прекратить».

Кто-то схватил меня за подбородок. Рывком дернул, заставляя посмотреть вверх; в рот полилась горячая жидкость. Я закашлялась, попыталась отвернуться, но меня держали крепко. Пришлось глотать.

Когда чужие пальцы на подбородке разжались, я снова упала. Приникла щекой к холодному камню, задышала шумно и жадно. Дрожала, будто промерзшая до костей, но упорно цеплялась за крохи уплывающего сознания. Сейчас не до обмороков!

Постепенно зрение стало четким. Шум в ушах стих. Теперь я могла разобрать, что говорит каждый из отцов. Не всех убедило мое очищение – некоторые призывали провести повторное. Но большинство настаивало, что боги не позволили бы мне солгать, а значит, моим словам можно верить.

Осторожно, опираясь на дрожащие руки, я села. Посмотрела на замолчавших отцов. На Айкира, стоящего всего в шаге от меня. На Мадека. Посмотрела и поняла: он знает. Знает, что я солгала; чувствует интуицией старого охотника и не успокоится, пока не выяснит правды. Но и я не имею права сдаваться – ведь там, в горах, меня ждет сын.

Глава 22

В комнату я вернулась сама. Оттолкнула руку, протянутую Айкиром, с трудом выпрямила спину и пошла. Сейчас надо все обдумать, побыть одной. Я не готова отвечать на вопросы Айкира или терпеть его жалость.

Зрение затуманилось. Ноги норовили подкоситься, колени дрожали. Спроси меня, каким чудом я смогла дойти до сестринской башни и не упасть – не отвечу. Я едва ли осознавала, что делаю. Мысли захлестнули воспоминания.

Сын... у меня есть сын.

Стоит закрыть глаза, и я снова его вижу: спутанные русые волосы, серые, как горы, глаза, упрямо сжатые губы. Чувствую его запах; маленькие руки, вцепившиеся в меня крепко-крепко. Могу снова представить, каково это – обнимать моего мальчика. Вспомнить бы имя...

– Эй.

Дверь в комнату приоткрылась, впуская Арилу.

– Ты как?

Я посмотрела на нее, открыла рот, но так и не смогла ответить. Как я? Не знаю.

Арила в несколько шагов оказалась рядом.

– Боги, я думала, убью Мадека! Он точно ненормальный! Если бы не Айкир – не остановился бы. До сих пор мурашки по коже, стоит вспомнить его взгляд. Нельзя так жить Орденом. Нет, наше дело, конечно, важное, но...

– Рил, – выдохнула я тихо. Так тихо, что сама еле услышала. Но подруга тут же замолчала. – Как думаешь, драконы могут оборачиваться людьми?

– Ты же их видела, Кинар. Они звери.

– А если бы у них был другой облик? Не только ящера, но и людской. Точнее, почти людской – с драконьими глазами.

Арила нахмурилась.

– Ты что-то вспомнила?

– Не уверена. Скорее, просто мысли.

– Я бы гнала прочь такие мысли.

– Почему?

Она криво дернула уголком рта.

– Потому что тогда мы не защитники от чудовищ, а убийцы. Отнять жизнь у неразумного зверя и у того, кто способен на человеческие эмоции, – не одно и то же.

– На войне убивают противника, неважно, какой он. Имперские солдаты этим и занимаются.

– Но мы не они, Кинара. И мы не на войне. Мы уничтожаем тех, в ком одна лишь ярость и больше ничего. Нет в них чувств и эмоций, похожих на наши.

– Нет! – выкрикнула я раньше, чем поняла, что делаю. Вспомнила мальчика со звериными глазами и возразила уже осознанно: – Они яростны в бою, это так. Но разве мы другие? А вдруг мы просто не знаем их с другой стороны? Вдруг они не такие, как мы привыкли счи...

– Я не хочу так думать, Кинара. Не хочу, понимаешь? Потому что тогда я убийца.

– Рил...

– Ты не прошла нового рождения и понятия не имеешь, каково это – убить дракона. А я знаю. Я... – Она до скрежета сцепила зубы, будто стараясь удержать слова, которые чуть не сказала.

– В чем дело? Рил? – позвала, не дождавшись ответа. – Рил, пожалуйста...

– Чтобы пройти перерождение, достаточно убить дракона, – заговорила она, глядя в сторону. – Неважно какого. Главное, вернуться с трофеями. И когда я выследила синего дракона, то обрадовалась. Слабый дракон – это же подарок! Такого легко одолеть, да и огня бояться не надо. Но даже этот дракон сумел погонять меня по горам.

Она вздохнула, помолчала немного, будто собираясь с силами, и продолжила:

– Я загнала его в ущелье. Ранила в крыло, почти у корпуса – все как нас учили. А потом... прилетел второй дракон.

– Что?! Как? Откуда? Почему ты не рассказывала раньше?

Пережить битву с двумя драконам немыслимо! И если Арила одолела их обоих...

– Потому что об этом я не рассказала никому, даже отцам. Два дракона, Кинар. Два! Это же верная смерть! Я думала, второй сразу разорвет меня на куски, а он кинулся к первому. Он словно... не знаю, прозвучит бредово... – она потеряла лоб. – Он словно боялся. Но не меня, а за собрата. Это не одно и то же.

Я кивнула, показывая, что понимаю.

– До сих пор помню их рев, будто драконы переговаривались. Потом синий улетел. С трудом, все-таки крыло я ему хорошо проткнула. А второй, желтый, остался. И вот тогда-то он напал. Скажу честно, в тот момент я струхнула. Не отойдя от первого боя, ввязываться во второй... Я была уверена, что умру, – голос Арилы дрогнул.

Все во мне рвалось ей навстречу, толкало обнять, успокоить. Но я знала: именно сейчас нельзя. Сестра воспримет жалость за унижение, ведь она только что призналась в трусости.

– Мне повезло. Дракон толком не успел меня потрепать, когда вдалеке раздался рев. Может, рухнул тот синий, или еще что случилось, я без понятия. Но желтый отвлекся. Всего на мгновение... Этого хватило, чтобы всунуть дайгенор ему под грудную пластину. Вот только в ту секунду, когда я провернула рукоять, клянусь, у меня в ушах раздался женский крик. Полный боли, отчаяния. Я... боги, я до сих пор слышу его по ночам! – простонала Арила и уткнулась лбом в колени, пряча лицо.

Муки совести – не трусость. Теперь я не боялась обидеть сестру: стиснула в крепких объятиях и попыталась отгородить ее от пугающих воспоминаний. Но укрыться от собственных не смогла.

Перед глазами встал образ мужчины: невысокого, крепко сложенного, с серыми глазами и темно-русыми волосами. Почему-то он на кухне. Ставит чайник, кидает в него какие-то травы. Двигается скованно, прижимая левую руку к телу – будто не может широко ее отвести. Словно старая рана до сих пор дает о себе знать.

В висках прострелило.

– Если драконы разумны, тогда один из них отдал жизнь за другого. И тогда чудовище – это я. Я, понимаешь? – Арила отстранилась и посмотрела на меня с отчаянием.

Я не ответила. Вновь обняла ее изо всех сил и попыталась выкинуть из головы образ мужчины. Но он не исчезал. Так и смотрел

на меня с бессильной яростью, прижимая к себе моего сына.

* * *

Арила уснула почти сразу. Отвернувшись к стене, укрылась одеялом с головой, будто прячась, и затихла. Я не стала лезть с утешениями. Охотницы гордые и не терпят чужую жалость. Все, что я себе позволила, – лечь рядом. Прислониться спиной к спине и лежать так, глядя через маленькое окно на звездное небо.

С первого дня в Ордене нас учат убивать драконов, рассказывают о нашем великом долге. Но нас не учат, как жить с грузом содеянного. На тренировках или в горах, готовясь к битве, мы не задаемся вопросом: что будет после? По правде сказать, я тоже никогда о таком не задумывалась. А зря.

Арила не смогла забыть первую охоту. Более того – это изменило ее.

Отправиться на помощь горящей деревне или городу? Арила впереди всех. Без страха сунуться в полыхающий дом и вынести человека? Арила уже там. Отправиться к границам империи, если придет приказ? Она снова в числе добровольцев.

Арила готова исполнить любой долг охотницы. Любой, кроме главного: выслеживать и убивать драконов. После той осени она больше не поднималась в горы. За кучей дел, которыми она всегда занята, ее нежелание охотиться незаметно. Наоборот, кажется, никто не выполняет долг перед Орденом лучше. Но вдруг Арила не одна такая?

Я закусила губу и нахмурилась, пытаюсь вспомнить.

Да, есть еще, по крайней мере, десяток охотников, которые не возвращались на перевал после перерождения. Может, им тоже тяжело примириться с содеянным? Надо выяснить.

Принятое решение наполнило сердце... нет, не уверенностью – надеждой. Зыбкой, слабой, но все же слишком желанной, чтобы ее отринуть.

Я прикрыла глаза, вслушалась в размеренное дыхание Арилы, осторожно приподнялась на локтях и заглянула ей через плечо. Спит. И ресницы еще мокрые.

У моего сына глаза чудовища. Моя сестра, убившая дракона, считает чудовищем себя. Но правда в том, что никто из них не чудовище. И я должна найти способ доказать им это.

Аккуратно поднявшись, чтобы не разбудить Арилу, перешла к себе на кровать. Скинула одежду, забралась в холодную постель и снова уткнулась взглядом в клочок неба, виднеющийся через мутное стекло.

Удивительно, но мысли о сыне не вызывали во мне отторжения. Не знаю, как или почему чужой ребенок стал мне родным, только чувствую – это правильно. Стоит воскресить перед внутренним взором его облик, и сердце наполняется теплом, спокойствием.

Однако есть другой образ, который не отпускает. Образ мужчины – сильного, высокого, широкоплечего. С темно-зелеными глазами, в глубине которых ярится плохо сдерживаемое пламя. Кто он? Враг? Отец моего сына? Не знаю. Но мысли о нем не приносят спокойствия. Наоборот, все во мне вскипает. Хочется кинуться на него и... что? Напасть? Поцеловать? Не понимаю. Боги, кто бы помог разобраться в собственных чувствах!

Я недовольно фыркнула. Отвернувшись к стене, подтянула колени к груди, пытаюсь согреться, и закрыла глаза.

* * *

Первые несколько дней после ритуала я держалась настороженно. Все казалось, Мадек вот-вот вызовет меня к себе, потребует ответов. И на этот раз соврать ему не получится. Стараясь не привлекать внимания, я работала быстро и старательно. Даже на Айкира перестала смотреть с вызовом. Поблагодарила его, что вовремя вмешался, пообещала отдать долг, как только выпадет шанс. Айкир отмахнулся. Причем так, словно речь шла о ерунде, а не о спасенной жизни. Но прежде, чем я возмутилась, добавил:

– Старые ошибки я исправить не могу. Зато могу не допустить новых. И может, когда-нибудь ты перестанешь видеть во мне недруга.

Я кивнула. Хотела уже уйти, но вдруг, неожиданно даже для себя, остановилась.

– То противоядие... Как оно работает?

– Позволяет сохранить контроль над разумом. Без него проходящий очищение открывается полностью: не может скрыть ни что видит, ни что чувствует. Но от смерти, как ни печально, противоядие не спасает. Оно лишь не дает отравить разум.

Айкир замолчал. Смотрел мне в глаза и едва заметно улыбался. Он не стал спрашивать, подействовало ли противоядие на меня, и не попытался выведать, что же именно я вспомнила. Но глупо сомневаться: он знает, что я солгала отцам.

– Рад, что ты в порядке. И... держи с Мадеком ухо остро.

Широкая мужская ладонь опустилась мне на плечо, несильно сжала. Отпустив, Айкир зашагал вниз по аллее.

Я гипнотизировала его спину, наверное, целую минуту. Просто не могла пошевелиться. Тот Айкир, которого я запомнила, уходя в горы, и этот – два разных человека. Первый рождал во мне только опаску и желание держаться от него как можно дальше. Второй вызывал доверие. Если бы не страх, что все это лишь игра, придуманная Мадеком, чтобы поймать меня, я бы рискнула. Но сейчас речь не только о моих секретах.

С каждым днем время бежало все стремительнее, приближая праздник божественного равноденствия. Еще дважды отцы посылали в горы отряды охотников, чтобы выследить алого дракона. И дважды они возвращались ни с чем. Причем, что странно, оба раза клялись, что находили следы, чувствовали: дракон неподалеку. Он будто выжидает – словно что-то удерживает его на перевале, не позволяя улететь. Однако поймать его не удавалось.

Для меня такие вылазки превращались в пытку временем. А когда с дозорных башен доносился звук рога, возвещающий о возвращении охотников, все во мне сжималось от страха. Вдруг на этот раз боги улыбнулись им? Но приходилось держаться. Нельзя, чтобы кто-нибудь заметил, как я боюсь. Не за братьев – за дракона.

Пожалуй, только Арила видела мои эмоции. Видела, но с вопросами не лезла. Точнее, задала лишь один:

– Ты уверена?

Я кивнула. Других ответов Ариле не требовалось.

Вместе со мной она находила братьев и сестер, которые после перерождения не вернулись в горы, и осторожно, исподволь

выведывала причины такого поведения. Вытягивала искренние чувства, которые каждый из детей Ордена привык прятать.

Вечером накануне божественного равноденствия, Арила встретила меня по дороге в сестринскую башню.

– И чего ты такая довольная? – спросила я, глядя на подругу.

– Чувствую единение!

– С Орденом?

Арила фыркнула, явно оценив шутку, но качнула головой.

– С охотниками. Я думала, что одна такая. Не понимала, нормально ли испытывать вину за смерть дракона, слышать по ночам тот крик. Была уверена, что всем остальным наше дело дается легко и естественно. А шиш! – выдала она счастливо. Остановилась, схватила меня за руки и зашептала. – Нас почти дюжина, Кинара. Целая дюжина! Гарвен, Дармир, Шарита, Лорки... даже заносчивый Мерк, представляешь?

Я улыбнулась.

– Это здорово.

– А знаешь, что еще лучше?

– И что же?

– Они были уверены, что одни такие. Каждый по отдельности. Как я! Так что теперь на твоей стороне больше десятка охотников.

– Ты им что-то сказала? – Я напряглась.

Арила посмотрела на меня с укоризной.

– Думаешь, у меня от радости мозги совсем отсохли? Конечно, я молчала! Точнее... сказала, что скоро многое изменится.

– Ты им *что* сказала?

Она снова широко улыбнулась, явно потешаясь над моим видом.

– Брось, Кинар! Ты ведь это не от праздного любопытства затеяла. – Она оглянулась, уверяясь, что поблизости никого нет. Наклонилась и выдохнула мне на ухо: – Хочешь изменить порядки Ордена? Я на твоей стороне! Далеко не всех надо посылать в горы, можно провести новое разделение, не только на охотников и соколов, а...

– Нет, Рил. Я хочу... – на мгновение сбилась, борясь с сомнениями, но все же закончила: – прекратить охоту на драконов.

– Что? Погоди, а... а люди?

– Драконы нападают, мстя за убитых собратьев. Мы охотимся, чтобы покарать за сожженные деревни и погубленные жизни. Надо разорвать этот порочный круг. Но чтобы все получилось, одному из нас придется сделать первый шаг.

– А если не получится? Ты же должна понимать, чем мы рискуем!

– И понимаю. Но мы никогда не узнаем, получится ли, если не попробуем. Пора прекратить отвечать местью на месть.

Секунд десять Арила не сводила с меня взгляда. Не знаю, искала ли она тень сомнения или пыталась обдумать услышанное. В какой-то момент она отпустила мои руки, запрокинула голову, уставившись в темнеющее небо, и выдохнула:

– Это безумство, Кинара. Но если ты уверена, то я с тобой. До конца, – добавила твердо. – И та дюжина тоже.

– За них-то не говори.

– Пфф, с твоими доводами и моим обаянием – у них нет шанса устоять. – Она рассмеялась, подхватила меня под локоть и потащила к трапезной. – За это надо выпить! Пусть даже и кислого компота Найры!

* * *

Трапезная преобразилась. На стенах появились тяжелые гобелены, изображающие битвы охотников с драконами. Вывешенные друг за другом, фрагменты складывались в огромную картину схватки – первой и самой кровопролитной за все годы.

Как нам рассказывали, драконы возжелали спуститься с холодных гор. И не просто спуститься, а занять земли, никогда им не принадлежащие. Десятки деревень и маленьких городов запылали, воздух наполнили людские крики и звон тревожных колоколов. Именно тогда из перепуганной толпы вышли первые охотники – те, кто не побоялся кинуться на опасного врага. Почти все они погибли, но выжившие заложили фундамент нашего Ордена.

В праздник божественного равноденствия, когда, по поверьям, боги бродят среди нас, мы напоминаем им и себе, как важно наше дело. Пьем вино, горячее, как драконье пламя, едим пряное мясо. Бьемся на дайгенорах, проливая свою кровь пред богами и отцами.

Но сегодня, в вечер накануне праздника, мы пьем и едим скромно: ячменная похлебка, желудевый хлеб и компот из кислых ягод кольчика.

Десятки ламп освещают трапезную теплым желтым светом. В большой чаше у дальней стены горит огонь. Его языки поднимаются ненамного, едва выглядывают за толстые золотые края – как любопытные дети, что высовывают нос из-за оконной рамы, подсматривая с улицы за праздником в доме.

Я глубоко вдохнула и улыбнулась. Пахнет вкусно.

Будто подумав о том же, Арила фыркнула:

– Если Найра внезапно научилась готовить, честное слово, это будет чудо. Самое настоящее божественное чудо.

Я с ухмылкой посмотрела на подругу.

– Хлеб и похлебку трудно испортить.

– Шутишь, что ли? В прошлый год Маркеш сломал зуб о горелую корку! Благо зубов у него как у дракона. Поди, и не заметил потерю одного!

Смеясь, мы дошли до раздачи, получили по жестяной миске с похлебкой, по куску хлеба. Забрали кружки с компотом и устроились за столом. К моему удивлению, рядом сели Гарвен, Дармир, Шарита и Лорки. Те самые, с кем недавно разговаривала Арила.

На мой вопросительный взгляд подруга пожала плечами, без слов говоря, что не при делах – они сами так решили. Однако ребятам кивнула. Я тоже поприветствовала их, взмахнув ложкой, как дайгенором. Шарита и Лорки улыбнулись, но не широко или открыто, а скорее робко. Видимо, сами до сих пор не уверены, правильно ли поступили, подсев к нам.

Тихое покашливание Арилы заставило отвлечься. Посмотреть сначала на нее, а потом на выход из трапезной.

Пришел Айкир. Как всегда, в компании дружков. Правда, что странно, без Эварика. Неужели они до сих пор в ссоре? Интересно, из-за чего? За столько лет я впервые вижу их порознь.

Айкир вдруг остановился, будто что-то почувствовав. Отмахнулся от друзей, полезших с расспросами, медленно обвел трапезную взглядом и прищурился, заметив меня. Я спешно отвернулась.

Нам не стоит общаться. Ни здесь, ни за пределами тренировочной площадки. Пусть он спас мне жизнь, но он – не Арила, первая охота не

вызвала у него отторжения. Еще почти дюжину раз он поднимался в горы и трижды возвращался с трофеями.

– Похлебку надо есть, а не гипнотизировать, – заметила Арила, тыкая меня обратным концом ложки. – И кстати, чуда не свершилось.

Ребята нахмурились, явно не понимая, о чем речь, и Арила пояснила:

– Найрина стряпня лучше не стала. Недосолено.

Дармир фыркнул. Шарита и Гарвен синхронно покачали головами, будто удивляясь, как Арила вообще смогла понадеяться на такое чудо. Лорки остался невозмутим: пожал плечами и молча принялся за еду. Я последовала его примеру.

Ужин прошел спокойно. После очищения травами я больше не чувствовала ни прожигающих спину взглядов, ни настороженности братьев. Даже шепотки и те стихли. В отличие от Мадека, охотники мне верили. Точнее, верили ритуалу и решению отцов. Раз меня признали чистой перед Орденом – значит, так и есть.

За едой мы разговаривали мало. Только Дармир с Гарвенем уточнили, знаем ли мы, кого пошлют строить снежную площадку.

По правде сказать, площадка, которую возводят каждый год к празднику, не совсем снежная. В большом сарае за рабочим корпусом лежат качели-весы и разобранный стенка-домик. Но рядом с ними всегда лепят большую горку, которую потом заливают водой. Ставят несколько шаров разного размера, выстраивая их на манер полосы препятствий: где-то надо протиснуться между круглыми боками, где-то перелезть, а где-то обойти по большой дуге.

И каждый раз такую площадку устраивают в ночь перед праздником. Причем по негласному правилу мы не говорим об этом, пока все не будет закончено – чтобы не портить сюрприз первогодкам. Поначалу, помню, я считала это правило решением отцов. Будто это они так заботятся о детях. Потом узнала, что обычай сложился сам собой: старшие охотники пытаются сохранить хотя бы толику чудес для младших, которых слишком рано лишили детства.

Я улыбнулась и попыталась вспомнить себя, впервые увидевшую игровую площадку. Однако вместо нее в памяти всплыла другая. Притаившаяся где-то в горах, с широким плоским уступом по одной стороне, с качелями, горками и гигантскими железными сферами.

– Кинара, ты где витаешь весь ужин? – Меня тронули за локоть.

Вздвогнув, я повернулась к Ариле:

– Нигде. Прости, задумалась.

Она прищурилась, причем так, словно понимала намного больше, чем должна. Намного больше, чем я сама. Потом хмыкнула:

– Как скажешь. Мелкие уже разнесли обрезки. Я нам дернула два светлых. Вот, гляди какие!

Арила отодвинула мою миску с недоеденной похлебкой и выложила два куска плохо выделанной кожи. Один светло-коричневый, второй почти белый.

– Который мне?

– Любой. Но на твоём месте я бы взяла этот. – Она пододвинула первый обрезок. – Он почти рыжий. Ну, если приглядеться. При правильном свете. И небольшой доле фантазии.

Я прыснула. Забрала его, порезала ножом указательный палец и принялась выводить своё имя. Арила с остальными охотниками сделали то же самое. Потом отодвинули измазанные кровью обрезки и повернулись к чаше с огнём.

Возле неё уже стоял Кадер. Дождавшись, когда все охотники посмотрят на него, он заговорил:

– Дети Ордена! Сегодня по традиции мы воззовем к светлым силам. Для новых послушников я поясню: друг за другом мы бросим в пламя обрезки кожи, напитанные нашей кровью. Тот, чей обрезок вспыхнет, считается отмеченным богами. Избранным. Только ему даруется право пройти испытание веры. Скажу сразу, на многое не рассчитывайте: боги нечасто проявляют благосклонность. Но если их выбор падет на вас – будьте достойны оказанной чести!

Повинуясь его жесту, к чаше приблизились младшие послушники. Робкие, неуверенные, оглядывающиеся друг на друга, они выстроились неровным полукругом. Дождались нового кивка и по одному принялись бросать обрезки в пламя.

Я видела напряжение на детских лицах, слышала полные облегчения вздохи, когда огонь, проглотив очередной кусок кожи, оставался спокойным. Губы против воли дрогнули в улыбке.

Мы с Арилой тоже были такими – напуганными, словно зайчата. Едва не тряслись перед чашей. До сих пор помню, как зажмурилась, кидая свой обрезок. Ещё бы! После рассказов Айкира немудрено! Его приняли в Орден на три года раньше нас, и он видел, как проходит

священный обряд. А точнее, что случается с теми, в чьих сердцах боги не нашли веры в наше великое дело.

– Не стоит бояться! – с улыбкой произнес Кадер, будто подслушав мои мысли. – Это шанс, о котором мечтают многие!

В подтверждение его слов охотники закивали. Я огляделась. Братья и сестры по дайгенору смотрели на пламя с надеждой. Большинство с видимым трудом сдерживались, чтобы не сорваться к чаше бегом. Некоторые косились по сторонам с ревностью, будто опасаясь, что вместо них боги выберут другого. Даже Арила и та покусывала губы в нетерпении.

– А представь, если вспыхнет мое имя? Тогда я стану первой праведной матерью! – мечтательно прошептала она. – О-о, сколько всего я смогу сделать! Первым делом отправлю на покой Найру. Нет, захочет – пусть остается в Ордене. Но готовит только для себя.

Я хмыкнула. Кто о чем, а Рил о еде.

Когда последний из младших послушников бросил обрезок в огонь, настал черед старших. Я тоже хотела к ним присоединиться, но подруга удержала.

– Вместе пойдем.

– Нельзя. Я ведь не прошла новое рождение.

– Пфф, будто кто-то об этом вспомнит! Прости, дорогая, но сейчас даже о твоём цвете волос все забыли. Каждый молит богов об удаче.

Я помешкала еще секунду, потом согласилась.

Среди старших тоже не нашлось счастливиц. Один за другим раздавались разочарованные вздохи, а то и стоны. Хмурые послушники потянулись к выходу, уступая место охотникам. Арила умудрилась в числе первых пробиться к пламени, а поскольку моей руки она так и не выпустила, я тоже оказалась у золотой чаши.

Первым шести охотникам не повезло: их молитвы остались не услышанными. Настал черед Арилы. Веселость и нетерпение слетели с нее вмиг; взгляд стал сосредоточенным, движения выверенными. Подняв руку над чашей, она замерла. Выждала секунды три, явно мысленно взывая к богам, и разжала пальцы.

Белый кусок кожи полетел вниз, словно гусиное перо. Крутанулся в воздухе, на миг показав выведенное кровью «Арила», стремительно почернел – и скрылся из виду в голодном пламени чаши.

Арила разочарованно вздохнула. Глянула левее и застонала:

– Ну почему сразу после меня-я?

Я понимающе похлопала ее по плечу и сосредоточила внимание на Айкире. Если сегодня боги выберут его, клянусь, не удивится никто. Даже сам Айкир.

Он протянул руку над пламенем, прикрыл глаза и замер, словно статуя. Прошло пять секунд. Десять... Когда Айкир наконец разжал пальцы, меня кто-то задел. Острый локоть врезался в спину, толкнул. Я шагнула вперед, взмахнула рукой, пытаюсь удержать равновесие... и выронила обрезок. В огонь. Испуганно посмотрела на Айкира, поймала его удивленный взгляд, но сказать ничего не успела.

Пламя, до этого спокойное, взметнулось столбом.

Глава 23

Я повернулась к Кадеру.

Это ведь ошибка, он знает это. Должен знать! Из нас двоих только Айкир достоин испытать веру. Однако Кадер не спешил с решением. Он переводил хмурый взгляд с Айкира на меня, задумчиво косился на чашу, будто надеясь, что она подскажет ответ.

Наконец, спустя минуты три, заговорил:

– Зачем ты это сделала, Кинара? – В хриплом голосе отчетливо прозвучало недовольство. – Разве не видела, что Айкир готовится воззвать?

– Видела...

– И все равно бросила свой обрезок?

Теперь к недовольству примешалось раздражение.

– Это вышло случайно. Я не собиралась вмешиваться. Клянусь богами!

– П-прошу прощения, – пискнули тихо у меня за спиной. Я обернулась и увидела Мирику, белую как полотно. – Б-боюсь, вся вина на мне. Это я задела Кинару локтем и... и...

Под тяжелым взглядом Кадера она втянула голову в плечи.

– П-простите.

Мирика сжалась, обхватила себя руками, будто пытаюсь отгородиться ото всех; тонкие пальцы побелели от напряжения. Ее эмоции ощущались так отчетливо, что многие из охотников скривились. Еще бы! Нам надлежит сохранять самообладание в любой ситуации, а Мирика будто даже не пыталась этого сделать. Хотя сомневаюсь, что она умеет. Ее приняли в Орден два года назад – слишком короткий срок, чтобы отточить главный навык охотника.

– Уверена, мы все понимаем, что боги выбрали Айкира, – произнесла я громко, перетягивая внимание с Мирики на себя. Встретила взгляд Кадера и сдержанно улыбнулась. – Я не претендую на то, чего недостойна.

Мне казалось, это успокоит Кадера, поставит точку в нелепой ошибке. Однако Кадер хмуро качнул головой.

– Не нам оспаривать волю богов.

– Но Мирика оступилась и...

– И возможно, – с нажимом перебил он, – таким был божественный замысел. Решение будут принимать отцы. Мирика! – Громкий окрик заставил беднягу вздрогнуть. – Живо беги в главную башню. Упроси отца Дария подойти к нам.

Едва Кадер договорил, Мирика сорвалась с места и кинулась к выходу. Остальные охотники не шевелились. Казалось, каждый боялся сделать шаг, отвлечься на миг и упустить что-нибудь важное.

Почти четверть часа прошло в тишине. Потом под низкие своды ступил отец Дарий. За ним Мадек. Следом Мирика, казавшаяся еще бледнее, чем раньше.

Когда они подошли, Кадер сухо пересказал последние события, упомянул мою готовность отказаться от испытания, снова одарил Мирику тяжелым взглядом. Та молча жевала губы. Казалось, она вот-вот расплачется.

– За всю историю Ордена такого еще не бывало, – заметил Дарий. – Но мы не станем оспаривать решение богов. И Айкир, и Кинара пройдут испытание веры.

– Но отцы!..

– Решение принято, Айкир, – сухо оборвал Мадек. – Лучше вам провести сутки до испытания в молитвах. Вам обоим, – подчеркнул он, поворачиваясь ко мне.

* * *

– Вот и все, готово.

Старшая охотница закрепила последнее украшение в моих волосах и отошла, перестав загораживать большое зеркало в позолоченной оправе. Дорогое, даже вычурное, оно совсем не вписывалось в привычную Ордену простоту. Но, как оказалось, главная башня хранит много тайн.

Келья, в которой меня заперли на ночь, была пустой и холодной. Вместо кровати – лавка. Вместо полноценного окна – застекленная щель, такая узкая, что не разглядеть заснеженной аллеи. Только клочок темного неба.

Вряд ли в Ордене есть помещения, обставленные беднее той кельи. И вряд ли есть места роскошнее этой комнаты или купален, в которых шесть сестер отмывали меня до скрипа. В последние сутки перед обрядом Орден словно открывал избранным свои тайны. Позволял увидеть то, что обычно скрыто.

Стоило подумать об обряде, и меня замутило.

Испытание веры – священное действо, пройти которое мечтает каждый охотник. Еще бы! Разве кто-то откажется от благословения на долгую жизнь?

Этот ритуал – чудо. В него трудно поверить, пока не увидишь своими глазами. Но раз увидев – уже не усомнишься. Ни в могуществе богов, ни в праведности Ордена.

В небесном зале разжигают огонь, такой яростный, что его жар чувствуется даже у дальних стен. А потом охотник, чье имя вспыхнуло в чаше, ступает в него. Клянусь, когда это случается, все в зале перестают дышать. Ждут.

Говорят, именно в тот миг боги видят душу избранного. И если огонь веры в ней сильнее того, что полыхает вокруг, то благословляют на долгую жизнь. Даруют еще полсотни, а то и сотню лет, чтобы охотник продолжал защищать невинных. Не передать словами, каково это – видеть, как кто-то выходит из пламени невредимым.

Когда это случается, охотник перестает быть охотником и становится праведным отцом. Тем, кто доказал свою веру и преданность идеалам Ордена.

Однако бывает так, что в сердце избранного боги не видят этих качеств. Тогда они перестают оберегать его тело, и небесный зал оглашает предсмертный крик.

Помню, когда только узнала про божественную кару, я все пыталась понять – почему же охотники мечтают ступить в праведный огонь? Зачем рисковать жизнью? Ответ мне подсказал Айкир: каждый уверен, что достоин благословения, никто не сомневается в силе своей веры. Да и боги карают редко.

Но что будет со мной?

Во мне нет преданности Ордену. Наоборот – одни лишь сомнения. Уверена, чаша вспыхнула из-за Айкира. Я допущена к ритуалу случайно.

Хотя... случайно ли? Вдруг Мирика задела меня нарочно? Ведь именно она доставляет приказы Мадека в сестринскую башню. Это Мирика возникла на пороге нашей с Арилой комнаты в ночь моего возвращения. И если она вновь исполняла волю Мадека, то меня... ждет божественная кара?

Если бы только выпал шанс, я бы сбежала. Наплевала на все – и улизнала бы. Пусть меня заклеят изменницей, презревшей священный праздник. Пусть отправят отряд на поиски с приказом: «Убить!». Пусть! Я все равно бы рискнула! Ради сына. Ради того мужчины, чей образ преследует меня во снах.

Но шанса не было.

Сразу после решения Мадека нас с Айкиром отвели в кельи – каждого в свою – и заперли. Ночь перед ритуалом надлежало провести в молитвах, очистить душу. А утром пришли шесть сестер – самые опытные из охотниц, убившие не одного дракона, – и проводили меня в священные купальни, чтобы помочь очистить тело. Такова традиция. Как и то, что я не должна оставаться одна.

– Надо же, – изумилась сестра, – а ты красивая. Даже с рыжими волосами.

Я вынырнула из раздумий и посмотрела в зеркало.

Одежда для испытания веры отличается от той, что была на мне во время очищения травами. Вместо простой рубахи – неприличное... даже не платье. Не знаю, как это правильно назвать.

Две широкие темно-фиолетовые ленты спускаются с плеч к поясу, прикрывая грудь. Но кожа между ними видна, да и с боков тоже. И на спине. Талию обнимает тугой пояс, удерживающий свободную юбку с разрезами-клиньями. Щиколотки и запястья перемотаны лентами все того же темно-фиолетового цвета. Цвета туник праведных отцов.

Я сделала шаг, и в разрезах мелькнула белая, отмеченная шрамами кожа. Глянула на отражение левой руки. Криво ухмыльнулась, вспомнив, как почти с боем отвоевывала право оставить повязку. Пришлось напомнить о моей избранности богами. И сестры, которым пришлось прислуживать послушнице, с видимым недовольством уступили. Теперь же под широкой лентой повязки не видно.

Волосы свободно спадали на спину. В несколько тонких косичек сестры вплели фиолетовые бусины. Руки до локтя покрывала белая краска. На моей коже ее почти не видно, а жаль. Узор красивый.

– Ладно, хватит любоваться, – буркнула другая охотница. Самая старшая из нас. – Пора.

Мы вышли в коридор. Две сестры шли впереди, две сзади и по одной с боков. Я чувствовала себя одновременно принцессой в окружении воинов и преступницей, идущей на казнь.

Винтовая лестница увела нас на самый верх – в небесный зал под открытым небом. Сверху и сквозь большие окна в помещение проникали оранжевые лучи заката. Из-за них огонь, горящий в центре, казался ярче, больше. Будто полыхает весь зал.

Айкир уже был здесь. Но пришел, судя по всему, недавно: в окружении шести братьев он замер на середине пути между огнем и лестницей. Обернулся, явно заслышав звук наших шагов, и застыл. Привычное выражение уверенности исчезло с его лица, уступив место... растерянности? Айкир смотрел на меня и будто видел впервые. Скользил взглядом по откровенному наряду, раз за разом возвращался к лицу, словно уверяясь, что это действительно я.

Его наряд, к слову, тоже оказался непривычным. Свободные штаны с низкой посадкой на бедрах, широкие манжеты на щиколотках. Фиолетовые ленты стягивали не только запястья, но и предплечья. Видимо, из-за этого рисунок ему нанесли на грудь. И, надо признать, на смуглой коже белая краска смотрелась намного лучше.

Стоило так подумать, и щеки нагрелись. Я поспешила отвернуться. Оглядела толпу охотников, увидела на их лицах предвкушение, смешанное с завистью. Грустно усмехнулась. Интересно, знают они, что сегодня увидят божественную кару, смотрели бы на меня иначе?

– Айкир, Кинара, подойдите.

Мы приблизились. Приняли из рук Дария по кубку, до половины наполненному горячим вином.

– Ничего не бойтесь. Пейте.

Он улыбнулся нам, будто любимым детям. Дождался, когда мы осушим кубки, и простер руку к огню. Посмотрел на него с благоговением. Потом указал на отцов по другую сторону пламени.

– Мы проводим вас и встретим. Подхватим, если вы оступитесь, и подставим плечо.

Я посмотрела на него с плохо скрытой издевкой. Подхватят? Где? В огне?

– Айкир, ты пойдешь первым. Будь смелым, сын. Будь верным. Будь достойным божественного дара.

Айкир кивнул и зашагал – твердо, решительно. Свободные штаны колыхались в такт движению. Широкая, покрытая шрамами спина казалась мощнее, чем обычно. Будто Айкир враз стал больше. Оказавшись возле огня, он раскинул руки, как для объятий, и, не сбавляя шага, ступил в смертоносный столб стихии.

Все замерли. Каждый в небесном зале задержал дыхание, подался вперед. Даже отцы напряженно застыли.

Я смотрела на голодное пламя, тянущее алые лепестки во все стороны. Чувствовала биение своего сердца – частое, взволнованное. Ощущала холодную дрожь, поселившуюся внутри меня. И не сдержала вскрика, когда и без того высокое пламя взметнулось выше.

Тут же раздался голос Мадека:

– Боги приняли решение!

Взоры десятков пар глаз обратились к нему, стоящему по другую сторону от нас с Дарием. Мадек шагнул вперед. Без страха приблизился к пламени и протянул руку. Миг – и из огня появилась рука Айкира. Следом вышел он весь. Невредимый, нагой, покрытый сажей и копотью, будто побывал на пепелище, а не в ярящейся стихии.

Почти сразу сбоку возник старший охотник с темно-фиолетовым плащом. Передал его Мадеку и с поклоном отошел.

– Добро пожаловать в наши ряды, отец.

Мадек с улыбкой надел на Айкира плащ, затем повернулся к остальным:

– Приветствуем нового праведного отца! Долгих лет ему и нашему Ордену!

– Долгих лет ему и нашему Ордену! – хором повторили охотники.

Я же не могла выдавить из себя ни звука. Смотрела на Айкира и пыталась понять, как ему удалось выйти из пламени живым? Неужели боги действительно его выбрали? И если так... как они поступят со мной?

– Кинара.

Голос Дария раздался слишком близко. Я вздрогнула и рывком обернулась.

Зал, до этого гудящий голосами, вновь окутала тишина. Десятки взглядов приковало ко мне.

– Настал твой черед. Ты готова?

Готова ли я? Нет! Конечно, нет! Но есть ли выбор?

Даже кинься я сейчас к выходу, не добегу. В небесном зале собрались все послушники и охотники. Многие – опытные воины, закаленные в схватках с драконами, преданные идеалам Ордена. Они с радостью убьют трусиху, оскорбившую богов.

Но войти в пламя... Войти и надеяться, что боги не сожгут меня заживо за любовь к драконам?

Сейчас, на пороге смерти, я осознала это как никогда четко.

Я действительно люблю их: моего сына и того мужчину с зелеными глазами. Люблю так сильно, что в груди все сжимается и хочется плакать. Потому что они там – в укрытых снегом горах, где не чувствуешь холода. А я здесь. Потому что не могу вспомнить их имен. Потому что больше никогда не увижу.

Я люблю их... Но люблю не одинаково.

Моя любовь к сыну спокойная и всеобъемлющая. Будь она камнями, на ней можно было бы построить замок – такой большой и крепкий, что даже время не смогло бы его разрушить. Она дарит тепло, покой. Она в каждой частице меня.

В противовес ей, любовь к мужчине похожа на ураган. Она яростная, стремительная, опасная. Она может уничтожить меня, я знаю это. Знаю, но принимаю ее. Потому что эта же любовь наделяет меня смелостью, силой. И самым невозможным образом дарит чувство защищенности.

– Кинара? – позвал Дарий, не дождавшись от меня ответа.

– Готова, отец.

Сдвинуться с места оказалось непросто, ноги будто приросли к полу. Каждый шаг – через силу, и чем ближе к огню, тем страшнее. Воздух горит, опалает лицо, касается моих рук, груди, обжигает голые ноги через разрезы юбки. Левое запястье, на котором спрятан рисунок, пульсирует.

Шаг. Шаг. Шаг.

Огонь слишком яркий. Я зажмуриваюсь, раскидываю руки – совсем как Айкир – и продолжаю идти. Вряд ли кто-то в зале догадывается, что мои объятия не для божественного пламени. Они для сына, чей образ стоит перед глазами, для мужчины, которого я люблю.

Шаг. Шаг. И еще один – в огонь.

Тело скрутило от боли. Грудь сдавило так, что ни вдохнуть, ни закричать. Я остановилась, запрокинула голову и уставилась в небо закрытыми глазами. Пусть вокруг ярится пламя, но сейчас я вижу бескрайнюю синеву. Высокую, недостижимую, манящую. Когда-нибудь мой сын поднимается в нее. Коснется крыльями облаков, пролетит над пиками скал и вернется на площадь перед огромным замком.

Чертогом. Драконьим чертогом.

Воспоминание пронзило мысли стрелой. Следом за ним, точно спущенные по команде, взмыл еще десяток стрел. Перед внутренним взором возникли картинки города, спрятанного высоко в горах. Я увидела дома, двери в которых не запирают. Изогнутые луками мосты над ущельями. Узкие улицы. Детей, играющих на площадке. Седовласую драконицу с мудрым взглядом.

Гррахара. Ее зовут Гррахара.

Я снова была в старом доме, охваченном пожаром. И снова бежала, прижимая к груди молчаливого мальчика. Переживала его новое рождение, плакала, вспоминая его голос и полное отчаяния: «Харрари, нет!».

Сайлор. Мой сын.

Слезы обожгли щеки, но я едва обратила внимание. Пусть больно, я все равно хочу их видеть: Северные Гнезда, драконов, Сайллора и Рроака – мужчину, которому отдала свою первую ночь. Кто увидел во мне – меня. Кто продолжает преследовать меня во снах.

Левое запястье полыхнуло так сильно, что я закричала. Ощутила, как взвилось пламя, и услышала голос Мадека:

– Боги приняли решение...

Приняли? Увидели мои чувства и готовы покарать? Нет! Я не согласна уйти. В моем сердце есть вера! Только верю я не в идеалы Ордена, а в нас – в людей и драконов, что могут жить в мире. В чистое небо, которое хочу подарить Сайллору. В мечту Рроака. В мою мечту.

Я открыла глаза, на миг ослепла от яркого пламени – и с силой вытолкнула себя вперед.

Шаг. Шаг. И... шаг на холодный пол небесного зала.

Покачнулась, обхватила себя руками, вздрогнула, ощутив, как на плечи упал тяжелый плащ. Повернулась и встретила взглядом с Айкиром.

Что? Он отдал свой плащ? Но зачем? Старший охотник ведь сейчас принесет еще один.

– Приветствуем первую праведную мать! – торжественно произнес Мадек. – Долгих лет ей и нашему Ордену!

– Долгих лет ей и нашему Ордену! – подхватили охотники.

Я растерянно оглядела толпу. Посмотрела на Арилу, улыбающуюся так широко, будто исполнилась ее заветная мечта. Повернулась к Айкиру, уже облачившемуся в плащ. Правда, в темно-коричневый, а не фиолетовый. Кажется, это плащ Кадера.

– Ты вся в саже, – прошептал Айкир, наклоняясь к моему уху.

– Будто сам выглядишь лучше, – я беззлобно усмехнулась.

Стянула полы плаща и снова обвела взглядом шумный зал. Все закончилось? Боги приняли мою веру?

Охотники продолжали выкрикивать пожелания. Причем голоса сестер звучали особенно громко. Они ликовали. Вскидывали кулаки, приветствуя, свистели и улюлюкали. Выглядели такими счастливыми, словно рождение праведной матери подарило надежду каждой из них.

Минут десять спустя нас с Айкиром отвели в купальни. Принесли длинную ширму, которой разделили комнату пополам, чистые вещи, обувь. Помогли привести себя в порядок. Точнее, попытались. И я, и Айкир, не сговариваясь, уверили, что справимся сами.

Чем руководствовался Айкир я не знаю. У меня же причина вполне ясная: огонь уничтожил не только мои одежды, но и повязку на руке. Да, сажа скрыла рисунок, но в воде он станет виден. Лучше обойтись без посторонних.

Мылись мы долго. Я дождалась, когда Айкир закончит, оденется и выйдет из купален. Потом подбежала к оставленным стопкой вещам. Натянула рубаху, туго затянула завязки на запястьях, надеясь, что они не позволят рукам задраться.

Нательное белье, штаны, сапоги... Все как у охотниц. Только шерстяная туника, выкрашенная в дорогой темно-фиолетовый цвет, без слов напомнила о моем новом статусе.

Я задумалась.

А ведь теперь Мадек не сможет мне навредить, отныне мы равны. Уверена, старика это бесит безмерно! Но намного важнее другое – я смогу изменить порядки Ордена. Правда, для этого надо заручиться поддержкой других отцов, дожидаться праздника осеннего солнца,

провести воззвание к богам и попросить остановить убийства драконов. Или... добиться расположения Мадека. Если смогу убедить его, что драконы – не звери, он перестанет посылать охотников в горы.

Представить дружбу с Мадеком не получалось даже в самых смелых фантазиях, но ради Рроака и Сайллора я обязана попытаться. Не хочу почти год ждать осеннего солнца.

Я вышла в коридор и решительно зашагала в нужную сторону. Охотники и послушники, заведя меня, приветственно кланялись, многие улыбались. Под их взглядами становилось неуютно. Слишком непривычно, слишком странно. Я кивала и каждый раз ускоряла шаг. Под конец – едва не бежала.

Влетела на третий этаж, бесшумно подкралась к кабинету Мадека и только собиралась постучать, как услышала:

– Кинара не должна была выжить!

– Простите, отец, – за дверью глухо прозвучал голос Кадера. – Клянусь, я все сделал, как вы велели. Адонилен выпил только Айкир, в кубке Кинары было вино. Просто вино, отец! Она должна была сгореть, клянусь!..

– Но не сгорела, – холодно процедил Мадек. – Надо выяснить, почему.

Глава 24

Дождаться окончания разговора я не стала. Мадек не из тех, кто долго разглагольствует, а значит, Кадер может выйти в любую минуту. Пять торопливых шагов до лестницы, десять вниз... Услышав голоса наверху, я тут же юркнула в коридор второго этажа. Прижалась к стене за выступом и постаралась унять мелкую дрожь.

Вот почему фиолетовый плащ был всего один! Испытание веры – обман! Отцы заранее решают, кто выживет, а кто нет. Но как? Разве можно войти в пламя и не пострадать?

Ответ пришел мгновенно – можно. Так делают драконы.

Я вспомнила наречение Сайллора. Как Рроак запустил руку в огонь, как стоял так несколько минут, и как уверенно передал его Сайлору.

Нехорошее предчувствие скользнуло под кожу, словно змея под камень. Я бросила хмурый взгляд на потолок – туда, где этажом выше находится кабинет Мадека. Пальцы невольно сжались на рисунке драконьего крыла у меня на запястье.

Что, старик, хочешь узнать мои тайны? Попытайся. А я тем временем разужнаю все, что скрываешь ты.

* * *

Арила нашла у входа в трапезную. Широко улыбнулась, завидев меня, но почти сразу улыбка исчезла с ее лица.

– Что-то случилось?

– Не здесь. В последний вечерний час у восточных складов.

Получив кивок в ответ, я продолжила путь. Уверена, моя просьба взволновала Арилу, и в любой другой ситуации я бы осталась. Но сейчас надо все обдумать.

Ноги несли меня вниз по аллее. По правде сказать, я даже не думала, куда и зачем иду, просто скидывала таким образом напряжение. А еще просчитывала будущие действия. Свои и Мадека.

В себя пришла у входа в сестринскую башню. Остановилась и растерянно посмотрела вверх, пытаюсь понять, долго ли торчу у порога. Однако выяснить этого не успела – отвлеклась на тень, отделившуюся от толстого ствола лиственницы.

– Тебе здесь больше не место, – заговорил Айкир, подходя ближе. – Отныне ты среди праведных, и твоя комната теперь в главной башне. Позволишь показать?

Он протянул руку и посмотрел на меня так пристально, что не осталось сомнений: он хочет пойти вместе. Не рядом, а именно вместе.

Я нахмурилась.

– Мы больше не охотники, Кинара, – продолжил, тихо. – И правила охотников нас не сдерживают.

– Нас?

– Меня.

На секунду я почувствовала себя беззащитной. Как в первом тренировочном бою, когда выронила слепыш из холодных пальцев. В ушах снова зазвучал голос Арилы, поддразнивающей по поводу чувств Айкира. Тогда я решила, что сестра шутит, но теперь... Неужели все-таки правда?

– У тебя есть право злиться. Сегодня, когда ты вышла из пламени, я увидел твои шрамы. Хуже того, узнал некоторые. Понял, как и когда ты могла их получить. Но я... проклятье, я сожалею, Кинара! Не передать словами, как сильно я сожалею!

Айкир впервые стоял передо мной, не пряча эмоций, будто обнаженный. И я видела – он искренен. Но только дело не в старых обидах, теперь для них просто нет места. Дело в моем сердце, уже поделенном между двумя мужчинами: Рроаком и Сайллором.

Я вздохнула:

– Забудем. Пусть прошлое остается в прошлом.

– То есть это «да»?

– Скорее, «давай не торопиться». Мы только прошли испытание веры. Ты стал самым молодым праведным отцом за историю Ордена, я – первой матерью. Уверена, на этом неожиданности не закончатся. Но... – На миг замолчала, обдумывая, и продолжила уже увереннее: – Я буду рада, если отныне мы сможем рассчитывать на помощь друг друга.

– Всегда, – Айкир кивнул. – Я всегда тебе помогу.

– Спасибо.

Снег хрустел под подошвами сапог, пока мы шли обратно к главной башне. Разговаривать больше не хотелось. Да и по правде, я не знала, что сказать. Никаких обещаний Айкир от меня не услышит. Я не могу принять его чувства, но и рушить хрупкое перемирие не готова. Сейчас мне, как никогда прежде, нужны союзники, пусть даже и не такие надежные, как Арила.

Мы поднялись на второй этаж главной башни, ушли на жилую половину, миновали небольшой холл и остановились у двери, украшенной тонкой резьбой.

– Твоя комната.

– А ты откуда знаешь?

Айкир едва заметно улыбнулся:

– Если бы ты не сбежала из купальни, тоже бы знала. Те же сестры и братья, что помогали готовиться к ритуалу, должны были проводить нас в новые комнаты.

– А-а... э-э... я никого не встретила по дороге.

Он снова улыбнулся. Покровительственно и будто даже... тепло?

– Что ж, значит, сестры ждали тебя не в том месте. Не страшно. Отдыхай. Если понадобится, моя комната справа в конце коридора.

Я кивнула. Проводила Айкира взглядом, дождалась, когда он скроется за дверью, и зашла к себе. Бегло осмотрелась, поражаясь роскоши, увидела на крючке у входа темный плащ. Схватила его и снова выскользнула в коридор. На ходу оделась, натянула капюшон, спрятав под ним приметные волосы. Выскочила на улицу и поспешила к восточным складам.

Небо уже почернело, звезды рассыпались по нему мелким бисером. Последний час вот-вот начнется. Я ускорила шаг.

Арила ждала меня возле дровницы. Тоже в темном плаще, с капюшоном, надвинутым на глаза, так же настороженно озирающаяся. Тенями мы проскользнули между складами и затаились у старого сарая.

Дозорных сюда не выставляют. Да и зачем? У себя никто воровать не станет. Нам же это место подошло идеально еще потому, что оно в стороне от основных башен. И ночью гостей тут не бывает.

Я быстро пересказала подслушанный разговор, поделилась подозрениями, попросила держать ухо востро. А еще – проследить за

Мирикой. Арила рвалась взять на себя слежку за Кадером, но я не позволила. Если мои догадки верны, действовать надо крайне осторожно.

Попрощавшись, я обогнула склады, срезала путь через тренировочную площадку и прокралась к черному входу в стряпчую. Прижалась ухом к замку, выждала несколько секунд, уверяясь, что с той стороны тихо, – и скользнула внутрь.

Источник света пришлось искать на ощупь. В темноте да в малознакомом помещении – та еще задачка! Но сегодня боги явно на моей стороне: небольшая лампа нашлась почти сразу. Я зажгла ее, огляделась и двинулась к полкам, на которых неровными шеренгами выстроились жестяные банки.

Не то. И это не то. И это. О, кажется, нашла!

Я засовывала нос поочередно в каждую банку. Сухие травы одинаковы на вид, особенно в приглушенном свете, и найти нужную можно только по запаху. Хорошо, что у этой аромат сильный – его ни с чем не спутаешь.

В нижнем шкафу за стопкой мисок и крынок нашлись мешочки из грубо обработанного льна. Без лишнего стеснения я вытащила один, самый маленький, набила его травой, плотно завязала тесемки. Вернула банку на место, погасила и оставила на краю стола лампу. Выскользнула на улицу и поспешила обратно в башню.

Не знаю, когда Мадек решится на новый шаг, но сама я медлить не стану. Тот, кто первым узнает секреты врага, выиграет. А в моем случае победа означает не только шанс вернуться в Северные Гнезда, но и прекратить давнюю вражду.

Главная башня укуталась в тишину, как гусеница в кокон. Настенные лампы светили едва ли в треть силы. Наверняка кто-нибудь из охотников еще не спит – все-таки ночь только вступила в права. Но то охотники. И то в жилых башнях.

Я поднялась на третий этаж и остановилась напротив знакомой двери с латунной буквой «М» в верхней части. Бесшумно опустилась на колени, заглянула в щель под дверью и довольно улыбнулась. Темно.

Отлично! Теперь последний штрих.

Пропихнуть мешочек с первого раза не вышло – кажется, я набила его слишком плотно. Мелькнула мысль отсыпать часть травы в

карман... но тут что-то дернуло его с той стороны. Я замерла в предвкушении, дождалась нового рывка и надавила сильнее на льняной бок.

Получилось!

Несколько секунд из кабинета не доносилось ни звука. Потом я услышала приглушенное урчание. Кажется, сухой котовник пришелся Грашиху по душе.

Я выпрямилась. Глубоко вдохнула, собираясь с силами, и без колебаний вошла в кабинет Мадека.

* * *

Мадек – старейший из праведных отцов. К нему прислушиваются, перед ним трепещут, его побаиваются. Причем, как я слышала, не только охотники, но даже некоторые отцы. Неудивительно, что такое отношение раздуло в Мадеке и без того немаленькое эго. Потому-то он и не запирает кабинет – уверен, что никто не посмеет сунуться без разрешения.

Я усмехнулась. А это, оказывается, приятно – использовать слабости врага против него самого.

Сняв плащ, я кинула его на пол и плотно подоткнула щель у двери. Потом зажгла лампы. Мельком глянула на Грашиха, трущегося мордой о мешочек с котовником, и прошла к столу. Осторожно, чтобы не учинить погрома, принялась копаться в свитках, сваленных неровной кучей.

Жалобы на шум из Загорного, просьбы прислать охотников в Болотное, предложения о поставке муки... Боги, да сколько же тут писем?

Хм, а это что? Судя по гербу в правом верхнем углу, бумаги из императорского дворца. А подпись? Ого, сам первый советник! Мадек общается с ним напрямую?

Я снова вернулась взглядом к началу свитка и перечитала его еще раз.

Император хочет построить по три новые башни на юге и западе государства, начать тренировать больше охотников. Готов выделить на это... сколько?! Да на такие деньги можно отстроить с нуля небольшой

город! Не понимаю, зачем все это? Драконы нападают пусть регулярно, но не так часто, чтобы требовалась помощь. Охотники справляются.

Я нахмурилась, снова оглядела свитки. Аккуратно свернула их и выдвинула верхний ящик стола, достала пухлую пачку перетянутых листов. Очередные переписки? Интересно с кем? В тусклом свете лампы приходилось напрягать зрение, чтобы разобрать убогий почерк. Хм, кажется, с каким-то знечим. Если я правильно поняла, речь о небольших отрядах, подконтрольных Ордену. Как раз один такой сейчас оберегает Загорное.

Но где бумаги о ритуалах? Не верю, что Мадек не ведет записей! Он из тех, кто держит под контролем каждую, даже самую несущественную мелочь. А значит, где-то он все это отмечает. Понять бы где.

Граших низко заурчал, заставив меня отвлечься. Затем перевернулся кверху пузом и лениво, с заметным наслаждением, поочередно вытянул передние лапы к мешочку.

– Играй, играй, – фыркнула я, возвращаясь к бумагам.

В среднем и нижнем ящиках не нашлось ничего полезного. Я с раздражением рыкнула, оглядела комнату, подумала секунду и направилась к полкам. Подняла лампу повыше. Книги в обложках из темно-коричневой кожи выстроились плотной шеренгой. Названия на корешках выцвели, некоторые буквы и вовсе стерлись. Пыль осела на них тонким слоем, как первый снег на земле. Очертания сделались мягче.

Но... секундочку.

Я прищурилась и поднесла лампу ближе. Да, так и есть – один корешок выглядит чистым.

Подцепив пальцем, я вытащила книгу, повернула названием к себе.

«Особенностиковки дайгеноров».

Мадек что, днями напролет читает о кузнечном деле? Странно.

Вернулась с книгой за стол. Поставила лампу, бросила еще один взгляд на Грашиха, катающегося по полу, и опустилась в глубокое кресло. Перевернула первую страницу.

Дайгенор – оружие истинных защитников. Только оно способно пробить толстые драконьи пластины. Выплавлять дайгенор надлежит из андарильской стали высшего качества...

Я без особого интереса пролистнула пару глав. Описания, требования к толщине зазубрин на верхней части лезвия, размещение центра тяжести, изображения первых дайгеноров и последующих версий. Неужели обычная книга? Но почему тогда Мадек ее берет чаще других?

Страницы мелькали одна за другой. Взгляд уже не цеплялся за отдельные слова – скорее, за картинки, заголовки. Я почти поверила, что книга бесполезна для моих поисков, как вдруг увидела:

...синего дракона...

Наклонившись и придвинув лампу, принялась читать.

Год 242-й. Месяц 3-й.

Жи́лы окончательно перестали действовать. Адони́лен с порошком из спинных гребней синего дракона работает все хуже. Хватает не больше чем на сто сорок лун. Упадок наступает стремительно...

Дрожащими пальцами перелистнула несколько страниц.

Год 253-й. Месяц 8-й.

Вывар из сердца серого дракона не дает эффекта. Слишком слабый. Использовал последние запаса адонилена. Определить два отряда на охоту...

Год 261-й. Месяц 2-й.

Адони́лен на шипах синего дракона окончательно перестал действовать. Пришлось использовать толченые зубы желтого дракона. Теперь синие драконы подходят только для вспомогательных компонентов...

Я снова пролистнула вперед.

Год 264-й. Месяц 5-й.

Сильных драконов все меньше. Чтобы остановить упадок, нужен адонилен с огнедышащим драконом. Отправить первых охотников выслеживать...

Ниже имена и таблица с трофеями: спинные шипы, зубы, жилы, сердца... Еще ниже новая запись:

Год 266-й. Месяц 12-й.

Наконец в горах замечен алый дракон. Начать подготовку остальных ингредиентов...

Последние строчки, судя по всему, вывели недавно. От них еще пахнет чернилами.

Год 266-й. Месяц 13-й.

Кинара прошла испытание веры даже без простейшего адонилена. Выяснить причины. Выследить алого дракона.

Я подняла от книги невидящий взгляд.

Боги, что же Мадек творит? Он... варит из драконов зелья... и пьет их?!

Стоило это представить, и меня замутило. Пришлось задышать через нос, чтобы сдержать дурноту. Пытаясь отвлечься, я снова глянула на даты.

Это не наши года. Тогда чьи?

Перелистнула несколько страниц к началу, нашла первую запись:

Год 10-й. Месяц 6-й.

После убийства алого чудовища прошло немногим больше десяти лет, а я все такой же. Неужели это из-за куска той жилы, что я бросил в адонилен? Выяснить. Вести наблюдение.

Год 43-й. Месяц 13-й.

Я начал стареть. Все еще выгляжу на пятьдесят лет моложе, но чувствую, что силы покидают меня. Нужен еще один дракон...

Если эти даты – года, прошедшие с убийства первого дракона, то сейчас Мадеку... двести шестьдесят шесть лет? Разве такое возможно? Это ведь несколько жизней!

Несколько жизней...

Догадка вспорола мысли, словно плуг землю. В ушах прозвучали слова Гррахары: «У каждого дракона четыре жизни. Первая – дитяти, не способного обернуться. Вторая – дракона, парящего под северным небом. Третья – седого мудреца, что уже не летает, но хранит и передает знания. Четвертая – после смерти, в доме Первопредка».

Выходит, это не просто слова? Драконы и правда живут в несколько раз дольше людей, а Мадек... нашел способ присвоить это качество себе? Но тогда охотники не защитники людей. Мы – убийцы, которые служат чудовищу.

Глава 25

Я возвращалась к себе, чувствуя мелкую дрожь во всем теле. Ком в горле до сих пор мешал вдохнуть, желудок стянулся в узел. Хорошо, что я сегодня почти не ела – только ломоть желудевого хлеба перед испытанием и полкубка вина. Будь иначе, уверена, меня бы стошнило.

Алое чудовище, которого Мадек убил первым, чучело алого дракона у нас в Ордене – почти уверена, это один и тот же зверь. Интересно, другие отцы в курсе дел Мадека? Или...

Я резко остановилась.

Или они тоже зависят от адонилена? Если вспомнить, в лаборатории Кадера я видела спинные шипы драконов, законсервированные в какой-то жидкости. Кадер единственный, кто разбирается в травах. Именно он лечит раны охотников, и он же готовит настои и отвары для церемоний.

А Дарий? А остальные отцы? Сколько в Ордене посвященных? И почему за столько лет никто из охотников не заметил обмана?

Ответ пришел сразу. Вера. Наша вера в идеалы Ордена, в нашу избранность богами, в таинство ритуалов – ее достаточно, чтобы годами не допускать инакомыслия. А потом охотник либо входит в круг посвященных и становится отцом, либо погибает.

Но тогда получается, Айкир... знал?

Почему-то мысль расстроила. Видимо, часть меня все же надеялась, что Айкир изменился и ему можно доверять. Но нет. Доверять я по-прежнему могу лишь Ариле. Этого мало, чтобы противостоять Мадеку. Даже с дюжиной охотников, которые после перерождения не вернулись в горы, все равно мало! Здесь нужны знания драконов. Иначе как остановить того, кто уже не совсем человек?

Я должна вернуться в горы и рассказать обо всем Рроаку.

Этой ночью меня мучили кошмары. Каждый раз они начинались как добрые сны – я была в горах рядом с Рроаком и Сайллором, чувствовала их объятия и тепло, а уже в следующее мгновение видела их мертвыми на залитом кровью снегу. И Мадека, стоящего рядом.

Несколько раз я просыпалась в мокрой от пота рубашке. Вставала, принималась мерить шагами комнату в попытке успокоиться, забиралась обратно в кровать... и снова видела те же ужасы. Подскочив так в третий раз, я не стала пытаться заснуть. Обхватила себя за плечи и устоялась в круглое окно, застекленное мутным слюдяным стеклом.

Какой была бы моя жизнь, не встретить я Рроака? Кем бы я стала? Дочерью, достойной гордости отцов? Или убийцей, не понимающей до конца, что творит?

Правы были драконята, назвав меня чудовищем. Настоящие монстры не драконы, не люди из подгорных деревень и даже не отцы. А мы, охотники. Потому что ни разу не задумались, во имя чего проливаем чужую кровь; ни разу не усомнились в навязанных догмах. Слепо исполняя чужую волю, мы камень за камнем строили стену. Но не ту, что защищает покой Равьенской империи, а ту, что легла в фундамент усыпальницы для целого вида.

Утром, едва рассвело, я оделась. С ненавистью глянула на фиолетовую тунику, но все же заставила себя облачиться в нее. Нельзя позволить отцам или их приближенным догадаться, что я знаю.

Стоило шагнуть за порог комнаты, и плечи сами распрямились, походка стала неспешнее – все, как подобает праведной матери. Я величественно кивала послушникам и молодым охотникам, подмигивала первогодкам, робко замершим у входа в трапезную. Даже столкнувшись с Кадером, ничем себя не выдала – поприветствовала с улыбкой и заняла место рядом с Айкиром.

Еду нам вынесла лично Найра. Составила с тяжелого подноса тарелки, горшочки с мясной кашей, кувшины с горячим травяным настоем, заботливо пододвинула плетеную корзину с еще теплым хлебом. Нос защекотало ароматами трав и густой пряной подливки.

Я с трудом сдержала кислую мину. Получается, Найра умеет готовить? И умеет делать это хорошо? Почему тогда охотники довольствуются недосоленной похлебкой? Их еда сытная – это верно, но очень простая. Даже слишком простая для тех, кто рискует жизнью

во имя чужих идеалов. Однако в Ордене, кажется, это воспринимается как должное. И Найра – не знаю уж, по воле отцов или своей – экономит на продуктах для охотников.

Я работала ложкой, стараясь не думать обо всем этом, потому что иначе еда вставала комом в горле. Просто не получалось протолкнуть ее в желудок, зная, что через стенку десятки братьев и сестер давятся безвкусной кашей. Но сейчас мне нужны силы, а значит, голодать глупо.

После завтрака я выскользнула на улицу и направилась к оружейной. Тот настой, которым обрабатывают лезвия дайгеноров – сдается мне, для его приготовления тоже используют части трофеев. Нужно выяснить наверняка.

На аллее, ведущей к тренировочной площадке, я столкнулась с тремя девочками-первогодками из группы, которую тренировал Айкир. При виде меня они остановились, сбились в кучу, будто напуганные совы, и уставились со смесью любопытства и опаски. Я с улыбкой прошагала мимо, сдерживая желание потрепать их по темным макушкам. Почти свернула на соседнюю аллею, но замерла, услышав шепот:

– Разве можно стать праведной матерью, не пройдя рождение охотницы?

– Раз боги так решили, значит, можно.

Кто-то шикнул. Кажется, одна из девочек поняла, что у их разговора есть свидетели, и поспешила сообщить подругам. Я не стала оборачиваться. Продолжила путь, будто ничего не было, все так же спокойно улыбалась встречающимся на пути охотникам. Однако сердце забилось быстрее.

Вот оно! Решение, которое наверняка примет Мадек!

Устранить меня во время ритуалов у него не вышло. Отправить на новые не позволит мой статус. Но настоять на обязательном перерождении, заставить уйти в горы, а там подослать приближенных охотников... О, уверена, такие у него есть. Я не тешусь напрасными надеждами – до лучших воинов мне далеко. Против одного собрата я выстою. Но не против двоих. И уж тем более у меня нет шансов против целой группы. А Мадек, уверена, рисковать не станет.

Проклятье! Надо уходить из Ордена.

То, что ночью казалось отчаянным шагом, при свете дня обрело смысл. Это действительно единственная возможность не только спастись, но и предупредить Рроака. Главное, успеть до того, как Мадек сделает первый шаг.

* * *

Следующие три дня прошли как на иголках. Я притворялась довольной новым статусом, знакомилась ближе с отцами, со многими заговаривала впервые за годы жизни в Ордене. Слушала их скупые речи и с холодным ужасом все больше уверялась: они живут долго. Может, не так долго, как Мадек, но, судя по некоторым фразам, столетний рубеж пересекли все. Даже те, в чьих волосах нет седины.

Вещи к побегу я собирала в комнате Арилы. Каждый раз, возвращаясь, пыталась убедить подругу уйти со мной, однако она оставалась непреклонна. Даже узнав правду об отцах и Ордене, не изменила мнения. Напротив, сказала, что они с ребятами *должны* остаться и присмотреть за молодняком. Не позволить взрастить в них слепую ненависть. Если не раскрыть им глаза, то хотя бы снять шоры.

Мирика все эти дни вела себя тихо. Держалась среди послушниц, к Мадеку не ходила. Удивляло лишь одно – за случайность в канун праздника она не понесла наказания. Даже самого легкого. А пустой мягкосердечностью отцы не страдают.

С Айкиром в эти три дня я виделась редко. Только в трапезной и иногда в коридорах жилой части главной башни. С расспросами или предложениями он больше не лез.

Мадек почти не обращал на меня внимания. Иногда казалось, он и вовсе пытается убедить себя, что рождение праведной матери ему привиделось. В какой-то момент я даже решила, что зря опасалась его скорых действий. Но вечер четвертого дня расставил все по местам.

Я возвращалась к себе в комнату. Шла, почти не глядя по сторонам, и просчитывала, что еще нужно успеть подготовить перед побегом. Айкир возник будто из ниоткуда. Схватил меня за руку и резко втащил в нишу под лестницей.

– Что?..

Я попыталась вырваться, но он не позволил.

– Завтра держись рядом со мной. Что бы ни случилось, поняла? Пообещай мне!

– О чем ты? Ай, проклятье, не дави так!

Несмотря на просьбу, хватка на предплечье стала лишь сильнее.

– Кинара, послушай! Чтобы ни говорил Мадек, не вздумай исполнять его приказы. И когда мы выйдем, не смотри на охотников, даже не думай о них. Держись меня. Только меня, поняла? Тогда я смогу тебя защитить.

– Защитить? От чего?

Внутренности сковало морозом. Я уже знала, что собирается сказать Айкир. Знала, но малодушно отторгала правду.

– От дракона. Утром Мадек объявит начало большой охоты, а в ранних сумерках восемь отрядов отправятся в горы ставить ловушку. Мы выследили алое чудовище.

Сердце на миг замерло... и забилось быстрее.

Ловушка на Рроака? Восемь отрядов? Да в горы никогда не посылали больше трех разом. Боги, это почти армия!

Перед глазами потемнело.

– Не бойся. – Айкир рывком притянул меня к себе и сжал в крепких, почти болезненных объятиях. – Ни одно чудовище не сможет навредить тебе. Я не позволю. Клянусь.

Ни одно чудовище? Мадек – вот главный монстр!

– Ты пройдешь эту охоту, докажешь всем – и отцам в первую очередь, – что боги не ошиблись, сделав тебя праведной матерью.

– Нет! – Я оттолкнула Айкира. – Зачем эта травля? Дракон же не сделал ничего плохого!

– Ничего плохого? – эхом переспросил он, хмурясь. – Он сжег Загорное! Превратил деревню в одно сплошное пепелище!

Что? Нет, не верю! Рроак бы не стал!

– Но ведь не было гончих с просьбами о помощи. Или, – в памяти всплыла переписка Мадека с отрядами следящих, – пришла весть от зничих?

Айкир нахмурился.

– Нет... не знаю. Но это и не важно. Дракон совершил зло и должен за это ответить. Завтра утром Мадек назовет имена охотников, которые уйдут в горы. Твое имя тоже в списке. Но не думай, что раз нас много, отбиться будет легко. Алый дракон силен, как никто другой.

Меж ребрами закололо столь сильно, что я невольно потерла кулаком над сердцем.

Нет, так не пойдет. Надо успокоиться. Эмоциями Рроаку точно не помочь.

Я выдохнула, заставила себя прогнать видения из кошмаров и посмотреть на Айкира без прежнего волнения.

– Удалось выяснить, где он прячется?

– Не совсем. Получилось сузить зону поиска, но все равно придется выманивать на живцов. Будем загонять в ущелье.

– Сколько наших на перевале? Кто-то ведь докладывает Мадеку о перемещениях дракона.

– Это я сам хотел бы знать. Судя по всему, нам помогает кто-то вне Ордена. Отчасти это... обидно, – он дернул уголком рта. – Неприятно думать, что чужаку отцы доверяют больше, чем своим детям. С другой стороны, возможно, они просто не хотят рисковать жизнями охотников.

О да, заботящиеся отцы – в эту сказочку я тоже когда-то верила! Как и в то, что приказы отцов нужно исполнять беспрекословно. Кстати, об этом.

– Почему ты сказал, чтобы я не слушала приказов Мадека?

– Потому что он хочет отправить тебя во главе первой четверки.

Я хмыкнула.

– Надо полагать, именно ей уготована роль приманки?

– Не думай об этом. Как только стены Ордена останутся за спиной, я отменю приказ Мадека. В первой четверке есть кому взять командование на себя, они не пропадут. Твоя же задача – все время быть возле меня, и...

– Я поняла, – прервала его с улыбкой. – Спасибо, что предупредил. Клянусь, я этого не забуду.

* * *

Айкир не обманул. Сразу после завтрака охотников и старших послушников попросили собраться в холле главной башни. Вместе с отцами я поднялась на балкон, нависающий над холлом, – не слишком высоко, а так, чтобы все нас хорошо видели и слышали. Мадек

выступил вперед. Упершись крючковатыми пальцами в резные перила, он заговорил о беде, обрушившейся на Загорное, об алом драконе на перевале, о нашем великом долге.

Старческий голос едва слышно дрожал, будто от волнения. Но теперь, зная, какие интересы движут Мадеком, я слышала в его интонациях фальшь. Он играет. Умело манипулирует чужими чувствами, напоминает о том, что каждый из нас осиротел по вине крылатых чудовищ. Взывает к старому горю. И одновременно обещает милость богов храбрецам. С притворным беспокойством предупреждает о силе алого дракона и успокаивает, заверяя, что мы возьмем верх числом. Клянется, что каждый послушник, решивший отправиться в горы, сумеет пройти новое рождение. Не в одиночку, как того требует традиция, а в окружении сестер и братьев, чувствуя поддержку десятков дайгенов.

Лживый лис! В его списках имена только охотников и мое. Из послушников в горы пойдут лишь те, кто сам вызовется. Пойдут и, скорее всего, навсегда останутся на перевале. В Ордене едва ли найдутся охотники, способные дать отпор Рроаку. Что уж говорить о послушниках? Но в каждой битве есть те, кто наносит урон, и те, кто его принимает. Сейчас, в эту самую минуту, Мадек набирает отряды, которые пустит первыми – принять удар дракона. Отвлечь врага на себя, пока настоящие воины подкрадываются к нему с тыла.

Интересно, понимают ли это охотники? А послушники?

Я обвела взглядом толпу и вздохнула. Нет, не понимают. Смотрят на Мадека с трепетом, как на бога, и явно шагнут в огонь, если он их попросит.

– Вы защитите невинных?

Я качнула головой. А вот и просьба.

Тут же в воздух взмыли десятки кулаков, по залу прокатилась волна утвердительных криков.

– Да хранят вас боги, дети мои! Кинара! – Мадек повернулся ко мне. – Праведная мать, поведешь ли ты своих детей в битву?

На секунду мелькнула шальная мысль сказать «нет». Интересно, как бы он отреагировал? Однако, чтобы все прошло гладко, пока следует играть по его правилам.

– Да, отец.

Сухие губы дрогнули в улыбке.

– Что ж, дети мои, я счастлив...

– Отец. – Голос Айкира прозвучал тихо. Только стоящие рядом его и слышали. – Прошу.

Мадек зыркнул на него с раздражением. Попытался жестом заставить молчать, но Айкир обратился к толпе:

– Я тоже буду рад отправиться в горы и сражаться вместе с вами плечом к плечу!

Охотники возликовали. Заголосили воинственно, заулюлюкали. Айкир улыбнулся им, вскинул кулак – и десятки кулаков вновь рассекли воздух. Я же смотрела не на Айкира, а на Мадека, почти покрасневшего от плохо сдерживаемой ярости.

Он не хотел отпускать Айкира в горы? Почему?

Однако выяснять я не стала. Дождалась окончания собрания, улучила момент, когда все начали расходиться, и улизнула.

Айкир сказал, отряды выступят в сумерках. Видимо, чтобы к рассвету добраться до перевала. А это значит, у меня всего полдня форы. Медлить нельзя.

В комнате Арилы я переоделась, переплела волосы из одной косы в две. Достала из тайника подвеску с ящером, надела и спрятала под рубаху. Скинула ненавистную тунику, облачилась в кожаную броню, теплую куртку, взяла дайгенор, мешок со всем необходимым и выскользнула на улицу.

Орден многолюден. С одной стороны, это неудобно – тебя всегда может кто-нибудь заметить. С другой – именно это может помочь, если есть сторонники.

Арила уже ждала меня в условленном месте. Вместе с Шаритой и Лорки, проверяющими путь, она вывела меня к северным воротам. Гарвен, несущий вахту, отвлек второго охотника. А Дармир выпустил за стену. Не сбавляя шага, я вытащила из мешка белый плащ, укуталась в него с головой, стараясь слиться со снегом, и поспешила в горы.

Глава 26

Дракон Рроака огромен. Есть всего два ущелья, куда его можно заманить. Находятся они далеко друг от друга, и, если попытаться выбрать одно, легко ошибиться. Но гадать мне и не нужно. В отличие от Мадека, я знаю тайное убежище Рроака.

Да, Рроак перенес меня туда, пока я была без сознания. Но когда мы вышли, чтобы отправиться в Северные Гнезда, я увидела Сестринские хребты. Такие огромные, с чуть скругленными верхушками – будто две склоненные головы. Ну точно шушукающиеся сестры! Их ни с чем не спутать! И солнце вставало прямо за ними. А значит, убежище Рроака на востоке.

Дайгенор почти не мешал – за годы тренировок охотники приучаются не обращать внимания на его вес. Серые облака нависли над предгорьями сизой ватой. Низкие, тяжелые – почти такие же, как в мою первую охоту. И совсем как в тот день, ветер поднимал с земли снежную крошку. Будет метель.

На секунду в мыслях поселилась надежда, что Мадек отменит охоту из-за непогоды. Но нет. Уверена, он погнал бы молодняк даже в самый страшный буран, лишь бы заполучить трофеи. Его время тает, он слабеет с каждым днем, и помочь ему может только адонилен из алого дракона.

Не знаю, как это работает. Видимо, с годами, с десятилетиями тело Мадека перестало черпать силы из органов темных драконов. Сначала перестали помогать серые, как пепел. Потом синие. Потом желтые. Он словно попал в зависимость и сам не замечал этого.

Но тогда выходит, сотни охотников уходили в горы умирать и убивать ради... чего? Чужой одержимости? Чужого страха перед смертью? Желания обмануть богов?

Трусливый, подлый лис! Даже ритуалы – осознанно или нет – Мадек создал как у драконов! Огонь в чаше накануне праздника. Огонь, в который ступает избранный. Мадек подражает тем, кого сам же и уничтожает!

Я миновала теснину, вскарабкалась на отрог, обернулась. Налетевший порыв ветра содрал с головы капюшон, качнул тяжелые

косы. Я прищурилась.

Показалось или?..

Не раздумывая, прыгнула вперед, кувыркнулась и уткнула острие дайгенора в спину, укрытую белым плащом.

– Следил за мной? – прошипела зло.

Чужой дайгенор упал на снег. Преследователь поднял руки и медленно, чтобы не спровоцировать, обернулся.

– Зачем? – Я прожгла Айкира взбешенным взглядом.

– Потому что обещал защитить.

– Мне не нужна твоя защита!

– Ошибаешься! Тебе не одолеть алого зверя в одиночку. Позволь помочь!

Я замерла, все так же держа дайгенор на вытянутой руке.

Айкир не понял, почему я сбежала? Решил, что ищу славы? Проклятье!

Отталкивать того, кто раз за разом подставляет плечо, тяжело. Еще тяжелее, когда понимаешь чужие чувства, но все равно вынужден поступать так, как поступаешь. Я не могу принять помощь Айкира. Даже теперь. Что бы он ко мне ни испытывал, он убивал драконов. Много, без сожалений или мук совести. Когда я найду Рроака и расскажу ему правду, нельзя, чтобы Айкир был рядом. Иначе гнев кахррара падет на него.

– Ты прав, одной мне не убить дракона. Даже с отрядами охотников я не смогу одолеть его. И я... я не хочу выяснять, выживу ли при этом.

Айкир криво усмехнулся. Медленно коснулся острия дайгенора, отвел его в сторону.

– Хочешь уверить, будто бежишь из-за трусости?

– Я слабая. Воин из меня тоже слабый.

– Да, – легко согласился Айкир. И словно этого мало, повторил: – Ты слабая. Но не трусливая. И не отступница. Этим ты и цепляешь, Кинара. Легко быть смелым, зная, что победишь. А вот знать, что шансов нет, но не отступать – сложно. Ты же, несмотря на физическую слабость, никогда не сдавалась. Ввязывалась в драки с противником, который тебе не по зубам; не боялась идти против отцов, пусть и в мелочах. Так что не лги мне, Кинара.

Голос, поначалу звучавший мягко, вдруг заledenел. Взгляд серых глаз стал колючим, как мелкий снег, царапающий сейчас наши лица.

Вот ведь упертый алькард!

Избавиться от Айкира будет сложнее, чем я думала. Может, он отступит, если пообещать ему дать ответы позднее? Попросить довериться? Прибегать к столь грязному приему не хотелось, но сейчас нельзя терять время.

Решив так, я кивнула. Открыла рот, собираясь солгать, но не успела произнести ни слова, как вдруг совсем близко раздались хлопки крыльев.

Рроак?!

Айкир среагировал мгновенно – подхватил свой дайгенор и спущенной стрелой помчался на звук.

– Не смей!

Я замешкалась лишь на секунду. Сорвалась с места и что есть силы побежала за Айкиром. В минуту мы взбежали на вершину предгорья, и оба застыли. Айкир, надо полагать, от близости дракона. Я же – от того, что узнала зверя. Большого, но все же намного уступающего размерами Рроаку. С черной чешуей, едва заметно отливающей серебром.

– Берготт... – выдохнула удивленно.

Мой голос прозвучал тихо – за воем нарастающей метели и не различить. Но Айкир услышал. Посмотрел на меня со смесью растерянности и непонимания.

– Берготт? Так зовут того, от кого Мадек получает сообщения об алом драконе.

Что?.. Но тогда получается, что Берготт...

Додумать мысль я не успела – дракон кинулся в атаку. Айкир оттолкнул меня, увернулся сам и, поднырнув под огромную пасть, ужалил дайгенором черный бок. Берготт взревел. Взбил хвостом пухляк, рывком крутанулся, сшибая Айкира с ног, и пошел на меня.

– Ну давай! – закричала я.

Ушла от прямого выпада, кувыркнулась и без сомнений вонзила дайгенор в крыло. Встретила яростный взгляд и ответила с не меньшей ненавистью:

– Он верил тебе! Заботился! А ты...

Я не могла найти слов. Сердце жгла обида за Рроака, за других драконов, которых предал свой же. Как он мог? Их же осталось так мало! И Рроак так старается сохранить жизнь каждому, а Берготт... наплевал на все это?

– Ты идиот! – Я крутанулась и рубанула по лапе. – Подхвостыш, забывший заветы Первопредка!

Берготт зарычал. Но не оттого, что Айкир достал его в незащищенный бок, а от бешенства. Желтый взгляд будто прожег во мне дыру. Уверена, если бы в Берготте была хоть искра пламени, заполыхал бы он весь.

Я же горела даже без огня. Вспоминала разговор с Рроаком на празднике в честь Сайллора, будто заново услышала его беспокойство, желание защитить. А он... Он!..

Перекатившись под лапой, я вскочила почти у самой морды. Без страха дернула дракона за короткий острый шип и процедила:

– Как давно ты его предал? Еще до нашей встречи, верно? Иначе почему перед моей первой охотой отцы напутствовали идти за солнцем? Они знали, где искать Рроака. *Ты* им сказал!

Щелчок мощных зубов оглушил. Плечо вспороли боковые наросты, покрытые черной чешуей. Я извернулась, воткнула дайгенор под крыло – как раз туда, где оно соединяется с корпусом. Все как нас учили.

Берготт зарычал – ниже и протяжнее, чем в предыдущий раз. Миг – и мощный хвост сбил меня с ног. Снег смягчил удар, но перед глазами все равно заплясали цветные пятна.

Кажется, Айкир что-то закричал. Еще через секунду я смогла разобрать слова: «Кровь дракона, Кинара!» Действуя на рефлексах, кувыркнулась, стянула с себя плащ, куртку, а затем и кожаный доспех. Обычно его надевают поверх куртки, но в этот раз пришлось изменить правилам. Не хотела лишних вопросов от Арилы и остальных.

Зрение не сразу вернуло четкость. Но Айкир не дал Берготту воспользоваться моей слабостью – атаковал его снова и снова. Боги, до чего же он быстрый!

Снег шипел от драконьей крови. Мой плащ и куртка тоже. Проклятье! А вот доспех пострадать не успел. Отлично! Раненое плечо сковывало движения, но я не обращала внимания: снова натянула защиту, схватила дайгенор и кинулась в бой.

Не знаю, сколько мы бились. В схватке каждый миг длится как вечность, а когда оглядываешься назад, кажется, что все прошло за секунду. Я не думала над тем, что делаю, – просто доверилась своему телу, которое помнит каждое движение. Слушала интуицию охотницы и вместе с Айкиром прижимала Берготта все ближе к скальной стене.

Черный дракон не только слаб, но и труслив. Одно то, что Берготт сговорился с врагом за спиной брата, говорит о его малодушии. В честном поединке с Рроаком у Берготта нет шансов. Вероятно, поэтому-то он и решил избавиться от брата чужими руками. Наверняка я не знаю, но обязательно во всем разберусь.

Уверена, Берготт не из тех, кто бьется до конца. Стоит загнать его в угол, и он обернется. Айкир замешкается от неожиданности, а я успею встать между ними и взять Берготта на острие.

План казался продуманным и логичным. Когда черного дракона объяло пламя, я возликовала. Вот! Теперь можно остановить схватку, получить все ответы, защитить Рроака!

Однако я просчиталась.

Когда на месте дракона оказался человек, Айкир не дрогнул. Не промедлил даже секунды – стремительно бросился вперед и воткнул дайгенор в грудь Берготта почти по самую рукоять.

– Айкир, нет!

В три быстрых шага я оказалась рядом с драконом. Упала на колени, попыталась зажать рану, но Айкир перехватил мои руки.

– Нельзя. Его кровь все еще опасна.

Я отшатнулась. Не из-за предупреждения, а потому что вдруг поняла.

– Ты... ты знал, что драконы могут оборачиваться?

Он пожал плечами. Помолчал секунд пять и с явной неохотой ответил:

– Догадывался. Для неразумных зверей они бьются слишком вдумчиво. Они не просто атакуют, а оценивают наши действия, пытаются просчитать их.

– И ты все равно убивал их?!

Я вскочила на ноги, схватила дайгенор, сжала до побелевших костяшек.

Айкир прищурился. Снял тяжелый плащ и кинул его мне:

– Надень, пока не окочурилась.

Однако я не стала ловить. Безразлично глянула на упавший плащ и снова посмотрела на Айкира:

– Почему? Почему ты не прекратил охотиться, когда все понял?

– А почему они нападают на деревни и города раз за разом? Об этом ты спросить не хочешь? Мы охотники, Кинара, наш удел – защищать людей. Мы присягнули этому, не забыла? – Он говорил сухо, отрывисто, почти выплевывая слова. – В Загорном погибло две дюжины человек. Дракон прилетел ночью, поджег дома, пока все спали. Многие попросту задохнулись, Кинара! Мужчины, женщины, старики, дети. Их жизни ничего для тебя не значат?

– Но ведь это был не Бергготт! Черные драконы не дышат огнем.

– А дети со стариками не могут дать достойный отпор. Однако драконы их не жалеют. Так почему мы должны проявлять милость?

Я не нашлась с ответом. В груди болезненно тянуло, словно сердце, еще недавно трепетавшее от надежды, налилось свинцом.

– Ты была с ними? – Взгляд Айкира изменился. Стал не просто колючим, а злым. – Все эти три недели, пока мы искали тебя, жгли поминальные костры, ты была с драконами?

– Я...

– Ради всех богов, не лги мне! Я и так слишком долго слушал твои отговорки.

– Да, – выдохнула устало. – Я была с ними. Поначалу не верила, видела врагов, совсем как ты. А потом... потом все изменилось. Мы ошибаемся, Айкир! И мы, и они. Называем друг друга чудовищами, мстим за погибших, убиваем в попытке смыть кровью кровь. Но в итоге лишь даем повод для нового нападения. Это замкнутый круг, ловушка, в которую мы сами себя загнали. Из нее есть выход. Есть, клянусь тебе! Нужно лишь сделать первый шаг.

Медленно, чтобы не спровоцировать, я опустила дайгенор, воткнула его в снег. Осторожно размотала запястье с алым крылом Первопредка.

Айкир дернулся. Посмотрел на меня с такой болью, словно я предала его. Не Орден и идеалы отцов, а лично его – Айкира. Будто по одному рисунку понял все: и то, что мое сердце принадлежит драконам, и то, что свою первую ночь я отдала одному из них.

– Ты говорил, я могу рассчитывать на твою помощь, просил довериться. Теперь я прошу тебя о том же. Дай нам шанс.

– Нам? – его губы искривились в презрении. – Тебе и драконам?

– Нет. Драконам и людям. Прошу, Айкир... – Я несмело шагнула вперед. – Всего один шанс. Ты ведь даже не знаешь, почему на самом деле мы убиваем драконов.

– Чтобы обезопасить людей.

Я остановилась, покачала головой.

– Тогда ночью, в лаборатории Кадера... ты видел шипы драконов в банке?

– Конечно. И зубы в большой чаше, и сушеные жилы. Это ведь лаборатория.

– А для чего они?

На этот раз Айкир ответил не сразу. Нахмурился, шевельнул губами, будто пытался, но не мог подобрать слов.

– Ты не задумался, почему мы приносим трофеи? Или почему их список оговорен так четко? Нельзя ведь вернуться с обрезком крыла или сломанным когтем.

– По когтю не скажешь, убил охотник чудовище или только ранил.

– А по спинным шипам?

Из взгляда Айкира ушла уверенность, уступив место тревоге.

– Мы добываем ингредиенты для зелий Мадека. Возможно, и для других отцов. Адонилен из костей и органов драконов помогает им не стареть. Все их ритуалы – воззвание к богам, испытание верой – это все неправда. Они заранее решают, кто выживет, а кто нет.

– Ложь!

– Скажи, – я снова сделала шаг навстречу, – что было в том кубке, который тебе передал Дарий?

– Какое-то зелье. Горячее, травянистое, с... – он вдруг замер, – с каким-то порошком, скрипящим на зубах.

– А в моем – горячее вино. Я не должна была пройти сквозь пламя.

Айкир напрягся:

– Хочешь сказать, Мадек пытался подстроить твою смерть?

– Выходит так. Думаю, он догадался, что я знаю о драконах больше, чем следует, и решил убить. А когда не вышло, меня послали на охоту во главе первой четверки. Сам ведь понимаешь, что это значит.

– Но... нет! Подожди! Мадек бы не стал! Нет, Кинара! – выкрикнул он, причем так яростно, будто пытался переубедить. Вот только, кажется, уже не меня. Себя самого.

В два шага приблизился, обнял меня – испуганно, жадно. Словно только теперь по-настоящему понял все, что с нами случилось.

– Я поклялся, что никому не позволю тебе навредить, и не отказываюсь от своих слов. Но я принес и другую клятву – защищать невинных. А драконы... в этих чудовищах нет жалости.

Впервые за все время я не стала вырываться из объятий Айкира. Сейчас он обнимает не потому, что пытается утвердить на меня право. Он, как я когда-то, чувствует себя растерянным, лишенным опоры. Цепляется за меня и за старые идеалы, как за единственно знакомые твердыни. Но я чувствую, как они рассыпаются.

Я мягко коснулась широкой спины, обнимая в ответ:

– Про нас они думают то же самое. Но и они, и мы ошибаемся. Позволь, я...

Раскатистый рев заглушил мой голос. Я дернулась, отскочила от Айкира как ужаленная и повернулась к алому дракону, только что приземлившемуся на снег.

Сердце затрепетало. Рроак! Рроак нашел меня! А я... Боги, а я стою тут в объятиях другого мужчины, более того – охотника. И все это рядом с телом Берготта.

* * *

Хватило секунды, чтобы осознать картину, представшую взору Рроака. Осознать и замереть от ужаса. Но я не кинулась извиняться или оправдываться – выпрямилась струной и молча прижала к груди руку с парным рисунком.

Ну же, Рроак! Увидеть не только мое «предательство», но и мою верность: две косы вместо одной, крыло Первопредка, прижатое к сердцу. Поверь мне. Прошу, поверь... Я тянулась к нему душой, как в церемонию наречения тянулась к душе Сайллора. Если правы драконы, говоря, что чувствуют тех, кто готов их принять, то Рроак обязан почувствовать меня.

Он не спешил. Шумно принюхивался, ощупывал меня взглядом, раз за разом возвращаясь к руке с рисунком; выдохнул волну тепла, согревая. Я несмело улыбнулась, сделала шаг навстречу... и это будто стало сигналом для Айкира. Схватив мой дайгенор, он кинулся в атаку.

Для него огнедышащий дракон – виновник смерти целого поселения. Враг. Тот, кого он, Айкир, поклялся уничтожить. Бесполезно кричать и просить остановиться – меня просто не услышат. Ни Айкир, ни Рроак.

Миг – и нас окружила белая пелена. Это Рроак взбил крыльями пухляк. Почти сразу раздался яростный крик, затем рев. Я повернулась. Вот только не на звук, а к телу Берготта. В несколько шагов оказалась рядом, ухватила за рукоять дайгенора, рывком выдернула его из широкой груди. Услышала шипение, с которым капли крови прожгли снег, развернулась и сквозь оседающую завесу наконец увидела их – кахррара драконов и лучшего охотника, бьющихся насмерть.

Все, что случилось в следующие четыре удара сердца, нельзя описать никаким другим словом, кроме как чудо. Чудо, что мне удалось оказаться возле них так быстро. Чудо, что я не попала под пламя Рроака. Чудо, что увернулась от рубящего удара Айкира. И чудо, что сумела заблокировать следующий.

Лязг, с которым скрестились два дайгенора, разнесся эхом. Тишина, обрушившаяся следом, оглушила. Раненое плечо обожгло будто каленым железом. Айкир бьет сильно – чтобы принять его дайгенор, пришлось ухватиться за свой двумя руками. И держать изо всех сил, чувствуя, как горячая кровь пропитывает рукав рубахи.

– Пожалуйста, не надо.

В глазах Айкира застыла злость. Боги, как много там злости! Но еще растерянность. Словно он до последнего не верил – не хотел верить, – что я отдала сердце драконам.

Сзади взревело пламя оборота. Секунда – и тяжелая мужская ладонь скользнула по моей руке, накрыла рукоять дайгенора.

– Заставишь ее истечь кровью?

В любимом голосе столько льда, что на миг я усомнилась, действительно ли за моей спиной стоит Рроак. Оглянулась через плечо, увидела плотно сжатые губы, сведенные на переносице брови и глаза, горящие огнем. На меня Рроак не смотрел, но будто чувствовал

каждым миллиметром кожи. Встал так, чтобы в секунду оказаться передо мной и принять бой, если потребуется.

Я повернулась к Айкиру. Он, кажется, только сейчас увидел мое плечо. Выругался сквозь зубы и с видимым раздражением опустил дайгенор. Рроак забрал мое оружие и откинул его на снег. Выдохнул шумно, наверняка ухмыляясь, и прижал к себе правой рукой.

Взгляд Айкира на миг задержался на ней. Я тоже посмотрела вниз и качнула головой. Вот ведь! Уверена, Рроак специально обнял меня рукой, на которой горит парный рисунок. Неужели почувствовал в Айкире соперника? Стараясь успокоить Рроака, я коснулась его руки своей, соединив наши крылья.

Айкир зло дернул уголком рта:

– Вот значит как. Выбрала огнедышащего? Что, – серый взгляд метнулся к Рроаку, – понравилось тебе жечь наши поселения? Приятно было превратить Загорное в пепелище?

Я спиной почувствовала, как Рроак напрягся.

С ответом он не спешил. Наверное, с минуту что-то обдумывал или вспоминал, потом спросил:

– Когда сгорело Загорное?

– Издеваешься?! Хочешь сказать, что не помнишь всех сожженных деревень?

– Я спросил – когда?

В отличие от Айкира, Рроак говорил все так же спокойно. И кажется, Айкира уязвило, что дракон обладает большей выдержкой, чем охотник. Он на миг отвернулся, явно пытаясь погасить эмоции, потом снова посмотрел на Рроака.

– Вчера ночью.

– Вчера ночью я был на перевале. А все парящие, кто может дышать огнем, защищают клан. Им запрещено спускаться с гор раньше чем через две недели.

Две недели... Уверена, Рроак обещал прилетать в Северные Гнезда раз в дюжину дней. Если он не вернется – значит, погиб. Тогда его приказ перестанет действовать.

Стоило подумать, что Рроак просчитал все, даже собственную смерть, и сердце заледенело. В поисках тепла я прижалась теснее к горячей груди. Чуть повернула голову, вдохнула запах Рроака. Боги, как же я скучала!

Айкир заметил мое движение. Сощурился недовольно, но комментировать не стал. Вместо этого заговорил с Рроаком:

– Хочешь уверить, что это не твои драконы сожгли Загорное?

– Я так и сказал.

– Другие?

– На севере других кланов не осталось. Последних драконов из Морозных Пиков мы приняли под свое крыло еще шесть зим назад.

– Но... – Айкир нахмурился. – Кто тогда уничтожил Загорное?

Загорное.

Слишком часто за последние дни я встречаю упоминание этой деревни. В письмах с жалобами, в отчетах от...

Боги! Отчеты!

Я застонала, чувствуя, как внутри все обмирает.

– Кинара, в чем дело?

– Драконы не трогали Загорное, – произнесла глухо. – Это зничество.

– Кто?

– Отряды, которые подчиняются Ордену. Поначалу я решила, что они защищают жителей, но теперь... теперь ни в чем не уверена.

– Я разберусь, – Айкир кивнул и перевел взгляд на Рроака. – Ты знаешь обо всех поселениях, сожженных твоим народом?

– Разумеется. А ты помнишь каждого убитого дракона? – в тон ему спросил Рроак.

– Разумеется.

Воздух между этими двоими, казалось, можно было резать ножом – до того плотным он стал. Каждый давил силой, каждый держался невозмутимо, но я чувствовала – оба готовы сорваться в любой миг. И потому поспешила вмешаться:

– Почему ты спросил про поселения?

– Потому что хочу узнать, когда драконье пламя проливалось на людские крыши в последний раз.

– Восемь лун назад.

– Но... – Я растерянно посмотрела сначала на Рроака, потом на Айкира. – Но ведь тогда...

– Я разберусь, – повторил Айкир. – А ты унеси ее отсюда как можно дальше. Если все действительно так, как говорит Кинара, а я ей верю, – произнес он с вызовом, – тогда ей опасно возвращаться в Орден.

Рроак кивнул:

– Справишься?

– Даже не сомневайся. Встретимся на этом же месте через два дня.

Я напряглась, неосознанно сильнее вцепилась в Рроака – и Айкир это заметил. Качнул головой, одарил меня осуждающим взглядом.

– Даю слово, что это не ловушка. Я предан идеям Ордена. Но Ордена, в который мы верили, Кинара, а не который открывается теперь. Пока драконы не угрожают людским поселениям, я не стану нападать. Но если выяснится, что ты солгал... – Взгляд серых глаз вновь был прикован к Рроаку.

– Не выяснится.

– Тогда переживать не о чем.

– Нет есть! – возразила я. – Как ты объяснишь отцам поход в горы? Тебе не успеть вернуться в Орден до выступления отрядов и...

– Скажу, что преследовал изменницу. Или что, думаешь, отцы поверят другой причине, по которой ты сбежала? Уйдешь с ним, – кивок на Рроака, – и не сможешь вернуться. По крайней мере, пока мы не закончим с Мадekom и остальными. Готова?

– Да.

Айкир криво усмехнулся:

– Даже секунды не помедлила. Что ж, тогда, надо полагать, мы обсудили все вопросы.

– Еще нет, – холодно произнес Рроак. – Прежде чем мы закончим, я бы хотел узнать – почему ты убил моего брата?

Глава 27

До Северных Гнезд мы вновь добирались по воздуху. В одной лапе Рроак нес меня, в другой – тело Берготта. Не стану лукавить, будто такое соседство радовало, но отчасти я понимала желание Рроака проводить брата в чертоги Первопредка. Хотя, как сказал сам Рроак, их прародитель не примет душу предателя – у Берготта не будет четвертой жизни.

Когда мы приземлились на главной площади, рассвет окрасил верхушки гор в красно-розовые тона. Несмотря на ранний час, драконы не спали. Может, кто-то доложил о возвращении кахррара, или причина в чем-то еще – я не знаю. Но сейчас на площади собрались едва ли не все жители.

Рроак аккуратно опустил нас с Берготтом на снег, обернулся человеком. Коротко поприветствовал драконов, запретил всем покидать территорию Северных Гнезд, объявил немедленное собрание парящих. В какой-то момент я даже решила, что за новостями о предательстве брата Рроак забыл обо мне. Но нет.

– Пожалуйста, побудь пока дома, – тихо проговорил он, приобнимая меня за плечи. – Как только закончу, вернусь. Нам нужно многое обсудить.

Я кивнула. Проследила взглядом за тем, как он дошел до тела Берготта, подхватил его и понес в чертог. Как из толпы вышли семнадцать парящих и молча двинулись за своим кахрраром.

Под сердцем заныло.

Каково сейчас Рроаку? Не просто лишиться последнего кровного родственника, но и узнать о его предательстве?

– Харрари!

Звонкий крик заставил вынырнуть из тяжелых мыслей и завертеть головой. Где? Откуда?

– Харрари!

Вон он!

Я вскочила так резко, что перед глазами заплескали черные мушки, а раненое плечо вновь дало о себе знать. Но меня это не остановило.

Даже не замедлило. Я побежала навстречу, поймала моего мальчика в объятия, прижала к себе и, не сдержав эмоций, расплакалась.

Маленький мой, родной. Я здесь, сынок, я рядом.

Если бы могла, я бы сказала каждое из этих слов, но из горла вырывались только всхлипы. Их просто не получалось остановить. Сайлор тоже плакал. Мой смелый мальчик, который даже не всхлипнул от боли, когда его ногу придавило шкафом, сейчас уткнулся мне в шею и хлюпал носом.

– Прости, что так долго, – прошептала, глядя его по густым волосам.

Сайлор коротко мотнул головой, без слов говоря: «Ничего страшного».

– С возвращением, Кинара.

Я подняла взгляд на Геротта, увидела его улыбку, теплую и радужную, и тоже улыбнулась. Захотелось ответить что-нибудь подходящее ситуации, пусть даже простое «я рада вернуться». Но с губ против воли сорвалось:

– Скучала по его голосу.

Геротт посмотрел на меня с удивлением, почти недоверием:

– Он с тобой разговаривал?

– Когда мы прощались.

Дракон хмыкнул:

– А с нами молчал. Ишь, алькард упертый.

Сайлор повернул зареванное лицо к дяде и, судя по насмешливому выражению лица последнего, показал ему язык.

– Пойдем, малыш.

Я мягко отстранила от себя Сайллора, встала и крепко взяла его за руку.

– Куда?

– Домой.

Он кивнул. Вот так просто, без лишних вопросов и уточнений. Будто даже на миг не усомнился, что я говорю о доме Рроака, а не Геротта. Я же вдруг с пугающей ясностью осознала: это действительно наш дом. Не жилище, которое мы делим. А *дом*.

Геротт с нами не пошел. Но, по правде сказать, я особо и не настаивала. Пусть это эгоистично или неправильно, но я не хочу тратить драгоценные минуты, которые могу провести наедине с

сыном. И кажется, Геротт понял все правильно. Только настоял, чтобы помощница Гррахары перевязала мне плечо, пока сама Гррахара занята в чертоге.

Маккира постучала в дверь, когда мы с Сайллором закончили разжигать камин. Деловито, явно гордясь тем, что ей доверили дело Гррахары, осмотрела меня. Недовольно поцокала, глядя на рану, стянула края, залила их какой-то тягучей жидкостью и тут же шикнула на Сайллора, стоило тому зарычать. Я успокаивающе погладила сына по руке. Заверила, что вскрикнула больше от неожиданности, чем от боли. Но, судя по хмурому взгляду, мой мальчик не поверил мне.

Едва жидкость покрыла порез полностью, Маккира туго перемотала руку от плеча до локтя. Положила поверх сушеные листья мутнянки и укрыла их новым слоем ткани.

– Не мочить, не чесать, даже если будет хотеться. А хотеться будет, – добавила она серьезно.

Я пообещала соблюдать указания. Проводила Маккиру и вернулась к камину. Стоило устроиться в кресле, Сайллор тут же забрался ко мне на колени, обнял за шею и привычно устроил голову на моем плече, благо здоровом.

Поначалу говорила только я. Чувствуя напряжение сына, гладила его по спине и рассказывала, рассказывала, рассказывала. О новых послушниках в Ордене, которых тренировала. О вечно недосоленной стряпне Найры и о том, как Арилу наказали за украденное для меня мясо. О снежной площадке, что старшие охотники возводят для младших.

Когда-нибудь Сайллор узнает правду об Ордене и о том, через что мне пришлось пройти. Но позже. Сейчас я хочу успокоить моего мальчика, дать ему понять, что ничего страшного не приключилось, мы снова вместе. Что нет нужды сжиматься от беспокойства в комочек.

Постепенно Сайллор расслабился. Спустя четверть часа начал задавать вопросы, а еще минут через десять вовсю болтал сам. О жизни в Северных Гнездах говорил мало – видимо, для него она слишком обыденна. То ли дело новое рождение! И пусть Геротт запретил пока взывать к внутреннему зверю, но Сайллор признался, что уже дважды сумел его почувствовать. А один раз – и это чистая правда! – его ногти стали серыми-серыми. На последних словах его восторг поутих, а сам Сайллор посмотрел на меня с беспокойством.

– Я настолько слабый, да?

– Не думаю. У драконов ведь когти и чешуя всегда разного цвета. А значит, серый – точно не твой цвет.

Он просиял. Но тут же, будто силой, вернул лицу серьезное выражение.

– Лучше не радоваться раньше времени – тогда и расстраиваться не придется. Так дядя говорит.

Я кивнула. Поцеловала его в макушку, притянула к себе.

Какое-то время мы молчали. Потом Сайлор снова заговорил:

– Ты больше не уйдешь?

– Не знаю, родной. Если нужно будет, уйду. То, что мы с Рроаком делаем, – важно.

Он вздохнул. Однако возражать или спорить не стал.

Огонь в камине уютно потрескивал, согревая комнату и наполняя ее приглушенным оранжевым светом. Незаметно мы с Сайлором задремали. Точнее, задремала я. А мой мальчик, кажется, досматривал ночные сны. Дыхание его стало глубоким и размеренным, тело расслабилось.

Близость Рроака я ощутила еще до того, как скрипнула входная дверь. Повернувшись, увидела его и покачала головой. Боги, как же он вымотан! Когда в последний раз он нормально спал? А когда сможет заснуть, перестав терзаться тяжелыми мыслями?

Рроак приблизился, молча забрал у меня Сайлора и зашагал к лестнице. Я обогнула его, поднялась первой, открыла дверь в спальню. Помогла уложить Сайлора. Поцеловала осторожно, чтобы не разбудить, выпрямилась и только собралась повернуться к Рроаку, как он не выдержал сам – схватил меня за здоровую руку, дернул на себя и обнял.

Мы замерли. В полной тишине впитывали ощущение близости друг друга, смотрели глаза в глаза. И молчали. Оба будто чувствовали: любое слово разрушит момент – и тогда придется говорить новые и новые слова, обсуждая все, что мне удалось выяснить в Ордене. Это важно, знаю. Но это может подождать хотя бы полчаса.

Рроак отстранился, хмуро глянул на мое перевязанное плечо. Я покачала головой, без слов давая понять, что рана не беспокоит. Только слабое жжение, как и предупреждала Маккира. Рроак, кажется, не поверил. Глядел все так же обеспокоенно, сведя брови. Я улыбнулась,

коснулась пальцами складки на переносице, разгладила ее. Очертила подушечками линию скул, подбородка, губ. Прижала ладонь к щеке.

Не сосчитать, сколько раз я видела лицо Рроака во снах. Даже не помня его имени, звала, тянулась навстречу. Смотрела в удивительные зеленые глаза с вертикальными зрачками, теперь бесконечно родными. Но даже во снах я не могла до конца прочувствовать эту близость. Стоять так рядом, касаться его кожи, густых волос, заплетенных в тугую косу, вдыхать его запах.

Я не выдержала первой. Просто не смогла больше сдерживаться. Встала на носочки, ухватила за Рроака обеими руками и поцеловала. Поцеловала так, как хотела уже давно – с того момента, как увидела его на перевале. Или даже еще раньше, во снах.

Нежность вспыхнула и прогорела вмиг, как сухой лист. Остался только голод. Голод по Рроаку, по той опасной силе, с которой он вжал меня в свое тело, по общему на двоих пламени.

Его руки сомкнулись на моей талии. Рывок – и меня оторвало от пола. Еще миг – и я обхватила ногами торс Рроака, запустила пальцы в густые волосы. И целовала. Целовала, целовала, целовала... Когда мы оказались в соседней спальне, когда моей спины коснулись холодные простыни, заставив выгнуться и прижаться к горячему телу, когда по моим венам заструился огонь – клянусь, даже тогда я не перестала целовать. Впускала в себя дыхание Рроака, его пламя, принимала его голод, такой же сильный, как мой, и отдавала всю себя без остатка.

Левое запястье полыхнуло, будто рисунок крыла раскалился. Жар прокатился по телу, собрался под сердцем в упругий шар и запульсировал. Ремешки с кос куда-то делись, волосы разметались по постели. Кувырок – и я оказалась сверху. Прижалась грудью, не удержавшись, легко прикусила Рроака за шею. Усмехнулась, услышав низкий рык, – и впитала его с поцелуем.

Только так правильно. Только здесь мне место – рядом с Рроаком, рядом с другими драконами. Тут мой дом. Моя семья...

– Моя кахарра, – рокочуще выдохнул Рроак, вновь подминая меня под себя.

– Твоя, мой кахррар. Только твоя. Отныне и навсегда.

Запястье жгло все сильнее. Пламя, охватившее наши тела, становилось жарче. И когда оно вспыхнуло по-настоящему – побежало по рукам Рроака ко мне, я не испугалась. Раскрылась навстречу и

впитала его до последней искры. Что бы ни ждало нас впереди, я приму это. И если Первопредок на нашей стороне, то когда-нибудь, я верю, мы обретем мир.

* * *

Когда солнце осветило не только верхушки скал, но и крыши домов, мы спустились на кухню. Сайлор еще спал, поэтому завтрак я разогрела на двоих. Расставила тарелки, кружки, села и уставилась невидящим взглядом в жаркое.

Начинать разговор не хотелось. Не представляю, как сказать Рроаку, что его племя истребляют ради долголетия избранных. Разве существуют правильные слова для таких вестей? Как отреагирует он? А другие драконы? Они только начали привыкать к человеку среди них, только перестали видеть во мне охотницу. Что будет, когда об этом узнает Сайлор? Первопредок, помоги!

Рроак словно почувствовал мое смятение: протянул руку через стол, накрыл мои пальцы.

– Северные Гнезда приняли тебя, Кинара. Не сомневайся. Ты одна из нас: мать Сайллора, пара кахррара. Это крыло... – Он перевел взгляд на мое запястье. – Для нас это не пустой рисунок.

– Гррахара переживала, когда ты приказал нанести его.

– Знаю. Потому что Гррахара понимает, что это значит для драконов. Такие крылья могут наносить только дышащие огнем. И только раз, отмечая избранницу.

Избранницу?!

– Но... но ведь тогда ты делал это, чтобы успокоить свой народ.

– И для этого тоже. Поступки, которые не противоречат велениям долга и сердца, – помнишь?

Я потрясенно кивнула.

– Да, но... Откуда ты знал, что все получится? Что я не предам? Ты ведь до последнего видел во мне охотницу.

– Видел. И все равно решил довериться – как когда-то Первопредок доверился пламенноволосяй. Не ты одна была в смятении, Кинара. Я тоже не чувствовал опоры под ногами.

– А выглядел очень уверенным.

Рроак тихо усмехнулся, покачал головой.

– Значит, мне хорошо удалось скрыть истинные эмоции. Вот и все. Тебе нечего бояться, моя кахарра. Какое бы зло ни творил Орден – это его проклятье. Его, слышишь? Не твое.

Я помедлила еще лишь секунду. Потом кивнула, выдохнула шумно – и заговорила. Я поведала об охотниках, которые после перерождения не смогли вернуться в горы. О тех, кто отказался сбегать, чтобы не позволить отравить умы младших послушников. О том, что даже лучшие из детей Ордена не знают истинного положения дел. Рассказала о чучеле алого дракона, о страхе перед ним и перед всем видом двуликих, который укореняют в сердцах жителей Равьенской империи. О том, что этот страх протянул щупальца до самого императорского дворца. О ритуалах, так похожих на обряды драконов. О лжи и корысти, пропитавших каждый камень в Ордене.

– Никто не знает, – устало закончила я. – Охотники верят, что защищают невинных, карают за их смерти.

Рроак медленно кивнул.

– Тот охотник, что был с тобой, он знал?

– Айкир? Нет. Он внимательный, подмечает детали. Но даже он не заметил зла у себя под носом. Разглядеть предательство в семье сложнее всего.

Последние слова – словно камень, прицельно брошенный в грудь. Я знала, что они ранят Рроака. Знала, но все равно произнесла. Потому что за собственным гневом он должен увидеть главное: не все, кто живет за стенами Ордена, такие, как Мадек.

– Что планируешь делать? – спросила, когда затянувшаяся тишина начала давить на плечи.

– Дать Айкиру два дня, как он и просил.

– А потом?

– Скажу, когда решу.

* * *

Два дня ожидания показались вечностью. Рроак уходил рано, возвращался поздно и всегда мрачный, словно грозовое небо. Парящие, с которыми я иногда сталкивалась на улице, выглядели так

же. Обычные горожане, даже не зная всех деталей, чувствовали настроение сильнейших драконов и неосознанно усиливали его. Дети в эти дни почти не высывались из домов.

Северные Гнезда укрылись метелью. Ветер протяжно завывал в печных трубах, норовил поддуть в дверные щели, укусить за незащищенную кожу. По приказу Рроака Гррахара принесла мне теплые вещи. И хоть я пыталась убедить, что в этом нет необходимости, Рроак настоял на своем.

Гррахара явилась к обеду первого дня, принесла тугой узел вещей на первое время. Довольно хмыкнула, увидев две косы с цветными ремешками, внимательно осмотрела мое плечо. Работой Маккиры она осталась довольна. Единственное, удивилась скорости, с которой заживает рана. Еще пошутила, что если Первопредок наградил Маккиру легкой рукой, то ей, Гррахаре, повезло с преемницей. Однако смех вышел натужным. Закончив осмотр, старуха собралась и быстро ушла.

Я покачала головой.

Все-таки Рроак ошибся, сказав, что драконы меня приняли. Хмурые взгляды парящих я списывала на общее настроение Северных Гнезд. Но объяснить тем же поведение Гррахары не получалось. Раньше она держалась со мной иначе: даже когда говорила недовольно, все равно излучала тепло. Теперь же она будто опасалась меня.

Сайлор единственный не поддался гнетущему духу. Он много болтал, искренне обрадовался, увидев знакомый шнурок у меня на шее. А когда я достала из-за ворота фигурку ящера, и вовсе пришел в восторг. Тем же вечером Рроак пояснил, что для Сайлора это не просто подвеска.

После перерождения драконы преподносят дар тому, кого считают самым важным в своей жизни – как правило, кахррару. Но бывают и исключения – как, например, с Сайлором. В его возрасте преданность кахррару слабее любви к матери. А то, что я сохранила его подарок и тем более ношу, говорит о моей ответной любви.

– Подожди. – Я нахмурилась. – А все те подарки, что преподнесли тебе?

– Они со мной.

Рроак с улыбкой коснулся разноцветных камешков в своей косе. Я же вытаращилась на них, будто увидела впервые. Первопредок, да сколько же их тут?!

– Ты заставлял драконов дарить тебе украшения? – спросила с подозрением.

Рроак тихо рассмеялся.

– Нет, кахарра. В любви нет и не может быть правил. Это та сила, против которой мы не идем. Напротив, следуем за ней, как в свое время поступил Первопредок.

То есть это подарки от влюбленных в него дракониц?!

– Преданность для драконов – тоже своего рода любовь, – пояснил Рроак, с видимым удовольствием следя за мной. – Если преданность идет не от сердца, она не истинна и рано или поздно может исчезнуть.

– А... Берготт? Он подарил тебе камень после перерождения?

– Нет. Берготт отличился и в этом – он врастил камень в стены чертога.

– Врастил?

– Выбрал место у восточного крыла, нашел выбоину, вдавил в нее свой камень. Я запечатал его пламенем. Сердце Берготта всегда принадлежало Северным Гнездам. Не кахррару, а именно Гнездам.

– Почему же тогда он сговорился с врагом?

Рроак помрачнел:

– Мы еще выясняем причину. Но думаю, она в моем стремлении установить с людьми мир. Берготт верил, что драконы должны править на небе и на земле, ведь именно нам они подчиняются. Его злило, как мы живем: на вершинах скал, спрятавшись за непроходимыми ущельями и обрывами. Будто изгнанники.

– А тебя это не злит? – спросила осторожно.

– Ни капли. Да, мы скрылись за горными хребтами, но именно здесь небо и земля почти соприкасаются. Здесь даже бескрылые могут дотронуться до облаков. Это наш дом, Кинара. Тут зародился первый огонь. Да, возможно, в предгорьях и на равнинах жизнь проще, но мы достаточно сильны, чтобы не бояться трудностей.

– Подожди. – Я снова нахмурилась. – Если Берготт был против мира с людьми, зачем он пошел к Мадеку?

– Видимо, потому, что того тоже устраивала война. Я не знаю всего, могу лишь догадываться. Если бы охотникам удалось меня

убить, скорее всего, именно Берготта назвали бы тeneвым кахрраром – тем, кто правит Гнездами до избрания истинного вожака. Но даже за это время Берготт мог бы заставить парящих отказаться от идеи мира. И если бы он заручился их поддержкой...

– Вы бы уничтожили людей?

Рроак покачал головой:

– Для этого мы слишком уступаем числом. Но в драконьем огне сгорело бы много людских поселений. Очень много.

– И что потом? Берготт воспользовался бы смутой? Заключил новый договор с Мадеком? С императором?

Рроак поморщился и устало потер переносицу:

– Хотел бы я и сам знать ответы на эти вопросы. Трое парящих изучают записи Берготта, еще двое проверяют все места, где он мог устроить тайник. К тому же мы не знаем, что удастся разузнать Айкиру. Может, завтрашняя встреча прольет свет не только на действия Ордена?

Напоминание о встрече с Айкиром взволновало; внутри все снова сжалось. Не выдержав, я вскочила с кресла, в три шага оказалась возле кресла Рроака и устроилась у него на коленях. Опустила голову на плечо, прижалась, попыталась его теплом растопить лед моих страхов. И Рроак это почувствовал – обнял крепче, укрыл руками, будто крыльями, поцеловал томительно-сладко.

До самого рассвета, пока не пришло время расставаться, мы больше не заговаривали. Вместо нас говорили наши взгляды, прикосновения, его поцелуи и мои трусливые слезы.

В Ордене говорят, что охотники не знают страха. И это так. По-настоящему так. Но лишь потому, что любовь охотникам тоже неведома. Отцы искореняют ее из сердец послушников, заполняют пустое место чувством долга и ненавистью к врагу, запрещают любые отношения внутри Ордена – делают все, чтобы лишить нас слабости. Вот только любовь – не слабость. Наоборот, это источник нашей силы, готовности идти до конца, менять мир, если потребуется. Но самое главное – меняться самим.

Глава 28

Рроак вернулся через сутки. Еще более хмурый, чем когда улетал. Гоарр – старший из парящих – встретил его на площади, трижды кивнул, выслушивая приказы, и решительно зашагал. Причем не в чертог, что странно, а в противоположную сторону.

В груди сжалось от дурного предчувствия, захотелось кинуться к Рроаку, вызнать, что происходит. Но я сдержалась. Терпеливо дождалась, когда он вернется домой, и лишь тогда спросила:

– Что случилось? Рроак, в чем дело? – повторила, не получив ответа.

Мы прошли в кабинет. Я остановилась у выхода, в волнении сжала кулаки, следя, как Рроак достал из верхнего ящика лист темно-красной бумаги и принялся что-то писать.

– Боги, ответь мне!

Он поднял тяжелый взгляд.

– Прости, кахарра, но мира с людьми не будет.

– Что? Почему?

– Почему? – выдохнул резко. – То есть истребление моего вида не кажется тебе уважительной причиной?

– Но это ведь вина отцов и...

– А если не только их?

Я напряглась.

– Кто еще?

– Многие. И в императорском дворце тоже.

– Сам император?

– Вряд ли. На его счет Айкир не нашел записей. А вот первый советник точно в курсе. Это с его подачи родилась идея о новых башнях для охотников. Он же укрепляет страх перед драконами среди знати.

– Ради долгожительства?

– Не только. Денежные потоки в Орден за последние два года выросли втрое. Не удивлюсь, если и карман советника потяжелел. А теперь добавь сюда бюджет на строительство башен, их содержание,

увеличение количества охотников... Нет, – Рроак качнул головой, – я не могу позволить этой заразе распространиться. Ее нужно выжечь.

– Но мы же хотели открыть людям правду! Они бы передумали!

– Уверена? Думаешь, так легко перестать видеть врага в чужаке и увидеть его в соседе? Те поселения, что сгорели не по нашей вине, – их ведь поджигали люди. Свои убивали своих же. А теперь ты надеешься, что люди примут такую правду?

– Мы должны хотя бы попытаться!

Рроак тяжело вздохнул. Поднялся, достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист бумаги, протянул мне.

– Что там? – спросила с опаской.

– Список поселений, сожженных зничими по приказу Ордена. Их много, Кинара. Намного больше, чем уничтожили мы.

Непослушными пальцами я забрала его, медленно развернула. Взгляд заскользил по строчкам, выхватывая знакомые названия. Одно. И еще одно. И еще. Боги, как же много!

Неровные буквы, явно нацарапанные в спешке, мелькали все быстрее. Я словно попала в водоворот, из которого не выбраться: барахталась, сопротивлялась, но тонула. Миг – и меня с силой приложило о дно.

Малые Вески.

Я знала, что увижу эти два слова. Знала еще до того, как развернула лист. До того, как коснулась его пальцами. Знала... но все равно оказалась не готова к удару.

В памяти замелькали размытые образы. Деревня на десяток домов, отгородившаяся стеной леса от торговых путей. Дома под низкими крышами, ровные заборы, кузня с огромным горном. В ушах зазвучал лай соседской собаки и ворчание ее хозяина – дядьки Тормира; смех лучшего друга Свенко. Голоса родителей, братьев, младшей сестры. А затем – рев пламени, который уничтожил Малые Вески. Сжег дотла всего за ночь.

Взгляд размылся. Я сморгнула, чувствуя влажные дорожки на щеках, ощутила теплые, чуть шершавые прикосновения Рроака. Посмотрела на него, но не нашла слов.

Что сказать? Что часть меня рада невинности драконов? Или что другая часть заходится криком от бессилия и злобы? Все эти

годы... Боги! Все эти годы я хранила верность чудовищам, убившим моих родных!

– Не хочешь говорить людям правду? – произнесла сухим, будто не своим голосом. – Не надо. Но открой ее охотникам. Они должны узнать, по чьей вине осиротели.

– И они узнают. Айкир отдал мне одну из нескольких копий. Твоя подруга распространяет остальные. Уже послезавтра каждому в Ордене придется выбирать, чему верить и кому мстить. Тогда мы и выясним, готовы ли люди видеть зло в самих себе.

– Послезавтра?

– Тянуть дольше нельзя. Последняя охота провалилась. Айкир говорит, Мадек в бешенстве, стягивает силы даже из столицы, чтобы нанести новый удар. Мы не можем ждать. Атаковать надо сейчас, пока не пришло подкрепление.

Я тряхнула головой, выныривая из оцепенения.

– Но в Ордене дети! И охотники, которые после перерождения отказались убивать драконов, и...

– Я знаю. Айкир тоже. У него есть сутки, чтобы найти для них безопасное место. Остальные будут биться. С нами или против нас.

Внутренности стянуло в узел.

Послезавтра... Битва людей и драконов уже послезавтра. Не остановить, не отсрочить, не предсказать исхода. Только бороться за будущее, защищать истину и... молиться. Надеяться, что, когда бой закончится, нам не придется зажигать поминальные костры по любимым.

– Айкир справится, – произнесла твердо. – Даже за такое короткое время. И мы справимся.

* * *

Сутки пролетели стремительно, словно облака, гонимые штормовым ветром. Огни в чашах на улицах города сменили цвет с желто-красного на багряный. Теперь каждый в Северных Гнездах знал: кахррар с парящими готовятся к битве. Гррахару я почти не видела, но от Маккиры знала, что та спешно заканчивает готовить мази и настои, останавливающие кровь.

С самого рассвета в чертог потянулись драконы: мужчины и женщины, просящие кахррара о чести полететь с ним в бой. Кого-то Рроак принимал, кого-то заставлял остаться, чтобы исполнить его волю в Гнездах.

Воздух в горах потяжелел, будто общее напряжение придало ему вес. Однако, что удивило меня больше всего, никто не плакал. Даже дети, казалось, не позволяли страху возобладать над разумом.

Поздним вечером, когда темнота укрыла горы звездным одеялом, Рроак отдал последние распоряжения и вернулся домой. Подхватил меня на руки и, не говоря ни слова, понес в спальню. Любил страстно и жадно, как в последний раз. Забирал все, что я с готовностью отдавала, и возвращал сторицей.

Мы уснули почти на рассвете. А проснулась я от осторожных прикосновений к щеке. Открыла глаза, повернулась и встретила взглядом с Сайллором. Улыбнулась ему, но тут же нахмурилась, заметив напряженную складку между светлыми бровями.

— В чем дело, родной?

Он не спешил с ответом — будто все еще что-то обдумывал. Потом решился:

— Они улетели, харрари.

— Кто?

— Кахррар с парящими. Часа три назад.

Я рывком села, прижимая к груди одеяло. Огляделась.

Так, вещи здесь, дайгенор внизу. Если быстро одеться и попросить кого-нибудь из драконов отнести меня к перевалу...

— Он запретил.

Я вопросительно посмотрела на сына.

— Что запретил, родной?

— Поднимать тебя в воздух. По приказу кахррара каждый дракон обязан сделать все, чтобы удержать тебя в Гнездах.

Сайллор глядел напряженно, будто готовился получить нагоняй. Я качнула головой:

— Ты видел, как они улетали, верно?

Он кивнул. Кивнул упрямо, с вызовом, без слов давая понять, что осознанно не торопился меня разбудить.

— Почему передумал?

Светлые брови вновь сошлись на переносице. Кажется, мое спокойствие его удивило. Он помолчал еще секунды три, потом буркнул:

– Потому что нельзя держать дракона на цепи. Даже бескрылого.

Я хмыкнула, понимая, чьи слова повторяет мой сын. Притянула его к себе, обняла и поцеловала в макушку.

– Ты нарушишь приказ, да? – спросил он тихо.

– Да, родной. Рроак поступил так, чтобы защитить меня. Но боюсь, ему самому понадобится защита.

– Он же кахррар! Он сильный!

– Сильный, верно. Но он не знает в лицо всех чудовищ, с которыми собирается биться. Не знает, где они могут прятаться и что обратить против него. А я знаю.

– Ты... погибнешь?

Я отстранилась и заглянула в полные беспокойства глаза. Мне бы хотелось солгать, заверив, что все будет в порядке. Но я просто не смогла этого сделать.

– Возможно. Никому не под силу предсказать исход битвы.

– Даже Первопредку?

– Боюсь, даже ему.

– Тогда зачем рисковать?

– Потому что есть будущее, за которое стоит бороться, истина, которую нужно защитить, и любимые, ради которых пойдешь на что угодно.

Сайллор молчал долго. Смотрел мне в глаза, хмурился, сжимался, словно пружинка. Не от страха, нет. От напряжения и невозможности вмешаться.

Потом наконец кивнул.

– Я понял, – произнес он твердо. – Помоги кахррару, но сделай все, чтобы вернуться.

Я кивнула. Сдержала подступившие слезы, обняла еще раз сына и попросила принести дайгенор. Сама же принялась одеваться.

К дому Геротта я пробиралась переулками. Сайлор держался чуть впереди. Один раз ему пришлось отвлекать старую драконицу, идущую к чертогу. Пока она смотрела только на моего сына, я прошмыгнула вдоль стены и нырнула в следующий проулок.

У нужной двери мы оказались минут через семь. Без стука скользнули внутрь, заперлись.

– Все-таки пришла? – произнес Геротт вместо приветствия. Кивком отослал Сайллора наверх, а едва тот скрылся, продолжил: – Ты понимаешь, о чем хочешь просить?

– Нарушить приказ кахррара.

– А чем это может для меня обернуться, если ты погибнешь?

Я не ответила, но Геротт, кажется, и не ждал этого. Скрестив руки на груди, он не сводил с меня внимательного взгляда. Отметил дайгенор, две косы, перетянутые ремешками, кожаный доспех и фигурку ящера, висящую поверх него. Покачал головой:

– Я не стану ввязываться в битву.

– Об этом и не прошу. Наоборот, хочу, чтобы ты остался с Сайлором и позаботился о нем, если я не сумею вернуться.

Он кивнул, ненадолго задумался – и продолжил:

– Покинуть Гнезда будет непросто. Помнишь тот заброшенный дом, где Сайлор впервые обернулся?

– Конечно.

– Встретимся там. Скальная чаша укроет нас, поможет улететь незамеченными. Но если тебя поймают по дороге, я не стану вмешиваться.

– Поняла.

– Что ж, тогда не будем медлить.

– Подожди, – окликнула я, стоило Геротту шагнуть к лестнице. – Почему ты помогаешь мне?

Он глянул через плечо, улыбнулся криво:

– Потому что ты похожа на Райллин, мою сестру. Она тоже не умела оставаться в стороне, всегда следовала велениям сердца. Думаю, Сайлор с самого начала почувствовал это в тебе. Мне же потребовалось чуть больше времени.

– Только поэтому? – Я прищурилась.

Кривая улыбка превратилась в оскал:

– И потому что хочу отомстить за ее смерть, пусть даже чужими руками.

* * *

До скальной чаши мы добирались долго. Намного дольше, чем я ожидала. Геротт ушел первым. Как только он скрылся из виду, выбежали мы с Сайлором. Укрываясь в тени домов, переулками пробирались вперед. Дважды возвращались, уходя от встречи с драконами. Трижды пережидали несколько минут, пока путь не становился чистым. Сложнее всего приходилось на мостах – на них не укрыться, и неизвестно, что ждет по ту сторону.

Когда впереди наконец показалась чаша, я с трудом сдержалась, чтобы не припустить изо всех сил. Ухватила за руку Сайллора. Выглянула осторожно из-за угла и тут же спряталась обратно.

Проклятье! Сразу три дракона! Они что же, караулят? Если так, то предусмотрительность Рроака играет против меня. Хотя... может, они просто пройдут мимо?

Я замерла, вслушиваясь в шаги. Улучив момент, снова бросила беглый взгляд на дорогу, беззвучно выругалась. Нет, эти драконы явно не собираются уходить.

– Сможешь их отвлечь? – прошептала Сайллору.

Он кивнул. Огляделся, юркнул в соседний проулок, скрылся из виду. А минуты через две выскочил перед драконами совсем с другой стороны.

– Харрари! – закричал испуганно. – Харрари пропала! Мы были на площадке, а потом она просто куда-то делась. Я искал ее... правда искал, но ее нигде нет!

Драконы, не сговариваясь, рассредоточились. Один пошел с Сайлором, двое других нырнули на соседние улицы.

Я довольно усмехнулась. Соседние, да не те.

Не тратя времени, кинулась бежать. Нырнула в чашу, укрылась за валуном, за которым пряталась в прошлый раз, подглядывая за детьми. Убедилась, что путь чист, и припустила быстрее прежнего.

Геротт ждал за руинами дома. Завидев меня, обернулся, подлетел, поймал в когтистые лапы и с силой замахал крыльями, стремясь

скрыться в низких облаках.

Он летел тяжело. Рана от дайгенора затянулась плохо: не давала полностью вытянуть крыло. Чтобы оставаться в воздухе, Геротту приходилось делать частые взмахи, и дракона это выматывало. Я сжималась, чувствуя его напряжение, замирала, когда он резко снижался, а потом натужно возвращался на прежнюю высоту, но молчала.

Мы добрались к перевалу уже в темноте. Низкие облака закрыли луну, спрятали нас от ее света – и Геротт пролетел еще немного. Устало приземлился, обернувшись в метре от земли, и упал рядом на снег.

Я вскочила первой. Подхватила дайгенор, повернулась в сторону алых вспышек и... Боги, что это? Пламя драконов? Не медля, кинулась к башням. Услышала короткое «Помни о сыне!», но не остановилась, чтобы ответить. Я помню, Геротт. Я помню.

Рыхлый снег замедлял бег, будто старался меня удержать. Холодный ветер обжигал щеки. Но решительность, горящая в груди, гнала вперед. Минут через пятнадцать стали заметны темные силуэты башен и драконов, кружащих над ними. Совсем скоро я расслышала людские крики, животный рев. А затем – и свист пущенных стрел.

Проклятье! Соколы!

Сколько их? Только послушники Ордена, или император успел прислать прошедших новое рождение?

Я забрала правее. Лезть напрямую нельзя – на стене у главных ворот, судя по всему, стоит полдюжины лучников. А сколько охотников внизу, готовых добивать раненых драконов, и подумать страшно.

Волна пламени пронеслась совсем близко. Я упала, перекувыркнулась, вскочила, глянула вверх. Не Рроак. Оранжевый, как закат, дракон закрутился спиралью, увернулся сразу от нескольких стрел. Спикировал, пронесся ветром над стеной, схватил двух охотников. Ушел вверх и разжал когти. Раздались крики.

Новая вспышка осветила стену. Жидкий огонь пролился рекой. Засвистели стрелы, прошили оранжевое крыло, как иглы ткань. Дракон заревел, задергал здоровым крылом. Попытался удержаться в воздухе. Откуда-то возник багряный дракон, укрыл собрата пламенем. И протяжно зарокотал, когда в него попало сразу с полдюжины стрел. Часть их отскочила – я увидела это отчетливо. Но две угодили меж

грудными пластинами. Дракон тяжело упал, и тут же на него накнулись охотники.

Я отвернулась. Не смотреть, не останавливаться. Здесь я не помогу. Надо добраться до Мадека. Все это из-за него, если получится обезглавить источник зла, то... что? Битва окончится сама по себе? Нет. Не знаю. Но чувствую, что обязана исполнить задуманное.

Восточная стена оказалась разрушена, часть камней потемнела и оплавилась. Держась в тени, я прокралась к разлому, заглянула внутрь, бегло огляделась – и припустила к главной башне. Вылетела на аллею, уклонилась, спасаясь от чужого дайгенора, однако ударить в ответ не успела – другой охотник бросился на собрата. Я побежала дальше. Не останавливаясь, прижимаясь к стенам, чувствуя себя напуганным зайцем, мчалась изо всех сил.

Вокруг бились охотники: друг с другом, с драконами. Пламя лилось рекой. Слух резали крики, скрежет скрещиваемой стали, рев драконов и грохот падающих камней. Сердце билось где-то в горле. В висках пульсировало. Но пальцы держали дайгенор крепко.

Забежав в главную башню, я кинулась к спуску в подвалы. Не знаю, откуда пришла эта уверенность, но что-то словно нашептало: в кабинете Мадека нет. Все самое ценное для него в лаборатории Кадера: ингредиенты для зелий, готовый адонилен. Уверена, едва началась атака, Мадек схватил дневник, замаскированный под книгу, и поспешил вниз.

Я поняла, что не ошиблась, едва оказалась в подземелье и увидела приоткрытую дверь, из-за которой доносился знакомый голос. Остановилась, пытаясь унять шумное дыхание, сжала дайгенор обеими руками и твердой походкой направилась на охоту.

В конце концов, именно к этому меня готовили последние десять лет – биться с чудовищами. И впервые я чувствую, что готова.

Глава 29

Подожвы сапог касались пола почти бесшумно. Сердцебиение замедлилось, на смену волнению пришло спокойствие.

– Ищи лучше, если не хочешь подохнуть через десяток лет!

Я остановилась на пороге. Прищурилась, следя за Мадеком и Дарием, роющимися на полках и в шкафах. Холодно усмехнулась:

– Ну и беспорядок вы тут устроили.

Отцы почти одновременно обернулись. Оба держались напряженно, как хищники, готовые к бою. Однако стоило Дарию понять, что это всего лишь я, он фыркнул. Мазнул насмешливым взглядом по моему дайгенору и даже не подумал поднять с пола свой. Мадек же оставался собранным.

– Неужели Кадер спрятал часть адонилена? Или даже весь? – Я склонила голову к плечу. – Поди, надоело ему варить для вас эликсир долголетия, а самому стареть.

Мадек дернулся. Посмотрел на меня теперь иначе – не просто с презрением, а с опаской. Он понял, что я знаю. Более того, что именно я выдернула первый камень из фундамента его многолетней лжи.

– Рыжая, что приносит беды... Я ведь чувствовал, что от тебя надо избавиться. Чувствовал! Зря не сделал этого, пока ты не научилась держать дайгенор.

– Зря.

Вместе с ответом – коротким, на выдохе – я кинулась на Дария. Мадек чувствовал во мне угрозу, был собран, а вот Дарий расслабился. Так и не поднял дайгенор с пола. И увернуться не успел.

Когда острое лезвие с треском вспороло рукав мантии, кожу и плоть, Дарий закричал. Его кровь, упав на пол, зашипела. Я замерла. Уставилась на камни, будто все еще не веря глазам, и тряхнула головой.

Ядовитая... Кровь Дария ядовитая! Совсем как у драконов.

Злость стеганула вожжой. Я вскинулась, сильнее сжала дайгенор и бросилась в новую атаку. Я не думала, что и почему делаю, просто била. Не останавливалась, не уходила в блок – только уклонялась от

брошенных в меня склянок и книг, но продолжала загонять Дария в угол.

Взмах, взмах, взмах – удар!

Дайгенор разбил деревянный жезл, которым Дарий попытался защититься. Моргнула, защищая глаза от щепок, и рубанула по диагонали, вспарывая Дария, как рыбу.

– За Райллин, – прошипела ему в лицо.

Быстрый выпад, отработанное движение – и острое дайгенора пронзило мертвое сердце. Нет, оно все еще билось, когда его прорезала сталь, но умерло намного раньше. Вероятно, тогда, когда впустило в себя страх перед смертью и готовность жертвовать чужими жизнями ради продления своей.

Я крутанулась. Бегло скользнула взглядом по лаборатории, выругалась.

Мадек сбежал. Зараза!

Взмахнула дайгенором, стряхивая капли ядовитой крови, и выбежала в коридор.

В главном холле пришлось спешно уклоняться от чужих ударов – двое старших охотников схлестнулись с такой яростью, словно готовы зарубить любого, кто окажется слишком близко. На улице смертоносной рекой лилось пламя. Не угадать – когда и куда обрушится новый поток.

Взгляд перепуганной птицей метался из стороны в сторону. Я то видела бьющихся охотников, то дракона, павшего под натиском десятков дайгеноров, то слышала предсмертные крики соколов за миг до того, как пламя сожжет их дотла. Не думая, отбивала пущенные стрелы, уходила от чужих ударов и бежала – бежала так, будто от этого зависела моя жизнь. Будто остановись я – и умру в тот же миг.

Главная аллея изменилась до неузнаваемости. Обугленные головешки вместо деревьев, тела людей, отрубленная лапа дракона. В воздухе повис тяжелый смрад смерти и горелой плоти. Желудок подскочил к горлу.

Свист чужой стали я не увидела, а скорее почувствовала. Отскочила, развернулась и увидела Эварика – лучшего друга Айкира.

– Сдохни, дрянь!

Он снова попытался меня достать. Я отбила выпад, ушла в защиту. Пусть Эварик не так искусен, как Айкир, но он старше,

опытнее. Боги, почему он вообще бьется против меня?!

– Ты должна была сдохнуть еще тогда – в горах! Все ведь было рассчитано! Все!

В первые секунды я не поняла, о чем он говорит, – только отбивала яростные атаки. А потом – как раз когда наши дайгеноры скрестились, – с пугающей ясностью осознала:

– Так это ты подсыпал мне туманника...

– А ты не сдохла!

Обвинительный, почти по-детски обиженный выпад – и новая атака. Я отбила ее на одних рефлексах, мыслями находясь слишком далеко.

Я вспомнила наш с Айкиром разговор: как бросила обвинение про туманник и как Айкир переменялся в лице. Вспомнила нашу следующую встречу, свое удивление его содранным костяшкaм. Разбитое лицо Эварика; то, что больше не видела его рядом с Айкиром.

Выходит, Айкир все понял раньше меня? Понял... и ничего не сказал? Не попытался объясниться, доказать свою непричастность?

– Я бы возвысился! – продолжал рычать Эварик. – Столько лет быть верной тенью Айкира, поддерживать его во всем, даже в его наивной вере в идеалы Ордена. Все ради того, чтобы Мадек однажды возвысил и меня, а ты... а ты!..

– Да при чем тут Мадек?! – выкрикнула, вновь делая выпад. И замерла, ощутив холод металла у спины.

– При том, – услышала злой старческий голос, – что сына я не мог не возвысить.

Я моргнула.

Что? Сына?

Но тогда зачем бы Айкиру помогать Рроаку? Великий Первопредок, а если Рроак в ловушке?!

– Айкир знает?

Несмотря на волнение, мой голос прозвучал спокойно – будто мне каждый день утыкают меж лопатками дайгенор.

– Нет. И не должен. Но ты ведь ему не скажешь?

Миг – и...

– Тварь!

Едва давление на спину ослабло, я крутанулась. Полоснула дайгенором по груди Эварика – не насмерть, но достаточно, чтобы напугать. Обернулась и увидела Арилу, бьющуюся с Мадеком. Тут же из-за обгоревшей стены трапезной выскочил Лорки.

Втроем мы принялись за Мадека, но он – лисий сын! – все равно держался. Только я видела: его силы тают. Морщинистый лоб покрыла испарина, руки в пигментных пятнах дрожат. Когда Лорки, улучив момент, ранил Мадека под ребра и отскочил, с ужасом глядя на шипящие капли, я тоже остановилась. Но не из-за вида крови. Зрачки Мадека... вытянулись. Не как у драконов, но они точно перестали быть человеческими.

– Чудовище!

Арила ужалила сбоку, отбила атаку, перешла в нападение. Лорки, вынырнув из оцепенения, рубанул по дуге. Я – прямо, как стрела. Мадек отбил удар Арилы, повернулся к Лорки и захрипел, когда сразу два дайгенора вонзились в его плоть. Лорки выпустил рукоять и отскочил. Арила тоже осталась в стороне. Я же вдавила лезвие глубже. Так, что сама оказалась почти вплотную к Мадеку. Желтые глаза на миг вспыхнули, даже показалось, что в них вот-вот зажжется пламя, – и потухли.

Где-то сверху заревел дракон. В тон ему зарычала я. Дернула рукоять, проворачивая ее наполовину, только собралась потянуть на себя, как услышала:

– Кинара, сверху!

Наверное, надо было отскочить. Не думать. Не пытаться понять, что так напугало подругу, – просто довериться ей и позволить телу среагировать. Но оцепенение после победы над чудовищем, мысли о Рроаке, о том, что нужно рассказать ему все, захлестнули меня. Словно заторможенная, я посмотрела вверх и увидела широкую волну желто-красного пламени, летящую прямо на нас с Мадеком. Последнее, что я услышала, – протяжный крик Арилы.

* * *

Тихо. Так тихо, что страшно. Словно во всем мире не осталось никого и ничего – только темнота. Холодная, колючая, как самая

суровая метель. Я дернулась, застонала, почувствовав, что тело будто прошило иглами. Выдохнула свозь зубы, сдерживая стон. Вот и все? Это... конец?

– Кинара! Кинара!

Знакомый голос прозвучал будто издалека. Не разобрать, кому он принадлежит.

– Уйди.

– Сам уйди, дракон! Я не оставлю сестру! Ай, что ты... отпусти, задница чешуйчатая! Эй, не вздумай! Ты убьешь ее!

– Не мешай.

– Что ты... Совсем спятил?!

Язык и горло обожгло так сильно, что из глаз брызнули слезы. Тут же их стерли горячие, чуть шершавые пальцы.

– Терпи, моя кахарра. Терпи, – раздался шепот у самого уха. – Сейчас станет легче.

Словно повинувшись его словам, боль начала отступать. Сначала почти неощутимо, будто нехотя, но постепенно все более явно. Моих губ коснулись чужие губы, в рот ворвался горячий воздух, смешанный с дымом. Я закашлялась – и распахнула глаза.

Рроак... Покрытый сажей и кровью, с рассеченной скулой. Такой близкий, такой родной. Любимый.

Знаю, Арила где-то рядом. Стоит лишь немного повернуть голову – и, уверена, я увижу ее. Скорее всего, она не одна. Рядом с ней наверняка Лорки. Может, даже не только он. Но это неважно. Все сейчас неважно. Главное – Рроак здесь, рядом.

Вмиг позабыв о боли, я потянулась навстречу, обняла его слабыми руками и поцеловала. Отчаянно, радостно, жадно. Щеки защекотало от побежавших слез, ледяной кулак напряжения и страхов истаял.

Рроак жив. Жив! Боги, Первопредок – кто бы меня ни услышал, спасибо!

– Нет, я, конечно, понимаю, что мы за мир с драконами и все такое... Но можно я не буду демонстрировать такое же рвение?

– Угу, я тоже как-то не готов, – икнул Лорки.

Рроак с улыбкой прекратил поцелуй, на мгновение прижался своим лбом к моему, потом повернулся к охотникам. Я посмотрела на Арилу.

– А хотя, – протянула она, пряча ухмылку в уголках рта, – если эти крылатые могут через поцелуй вернуть с того света, то я, пожалуй, погорячилась. Где тут свободный дракон? Я жажду строить мир и добрые отношения!

– Мой кахррар.

Арила взвизгнула и шарахнулась в сторону, когда у нее за спиной пророкотал Гоарр. Голос у старшего парящего низкий, хриплый. Да и сам Гоарр больше похож на гору – огромный, мощный, с ручищами-дубинами. Неудивительно, что, увидев его, Арила инстинктивно схватилась за оружие. Однако Гоарр даже не посмотрел в ее сторону.

– Говори. – Рроак кивнул.

Встал сам, помог подняться мне и приобнял за талию. Не только от нежности, но и чтобы помочь удержаться на ногах.

– Верхушка Ордена зачищена. Охотники, бывшие против нас, обезоружены. Их охраняют Айкир и его люди.

– Наши?

– Тоже там. Гехерр, Харреш и одноглазый Шадарр. Если что, они справятся.

Рроак кивнул:

– Потери?

– Шестеро.

– Тяжелораненые?

– Только двое. Ими уже занимаются. Остальные в порядке.

Я слушала и хмурилась. Битва закончилась? Сколько же я пробыла без сознания? Посмотрела на Арилу, указала взглядом на место, где лежала, и снова сконцентрировала внимание на подруге. Та махнула ладонью, без слов говоря: «Недолго».

Лорки заметил наш немой диалог и, воспользовавшись тем, что драконы замолчали, пояснил:

– Мадек умер последним из отцов. Все, кто был на его стороне и увидел, как он сгорел, тут же отступили. Потом и остальные.

– Что теперь будет? – Я посмотрела на Рроака.

Вместе со мной на него уставились Гоарр и охотники, стоящие неподалеку.

– Скоро выясним. Пошли.

Рроак собрался подхватить меня на руки, но я не дала этого сделать. Оперлась на его предплечье и зашагала рядом. Медленно,

хромая на одну ногу, но сама. Ни драконы, ни охотники не увидят моей слабости. Сейчас никому нельзя ее показывать. Пусть победа за нами, но поверженные не должны усомниться, что мы можем одержать ее еще раз, если потребуется.

Первым нас встретил Айкир. Судя по всему, он как раз искал Рроака. Кивнул ему приветственно, потом нахмурился, увидев меня.

– Ты говорил, она останется в безопасности.

– Да. Но моя кахарра рассудила иначе, – ответил Рроак. Причем так спокойно, будто не осуждал моего неповиновения. Но та сила, с которой он сжал пальцы у меня на талии, дала понять: серьезного разговора не избежать. – Здесь все спокойно?

– Более чем. Я распорядился связать соколов. Они самые тренированные из нас, не хочу рисковать.

– Остальные?

– Не кинутся. Многие до сих пор в ступоре от новости, что драконы могут оборачиваться людьми.

– Младшие?

– В безопасности. Пока я не посылал за ними. Не стоит им видеть... это.

Я глянула на главную башню, покрытую сажей, отметила обломки камней, обугленные рабочие постройки, почерневшую землю, на которой грязный снег смешался с кровью. И качнула головой. Не представляю, как уберечь детей от этой картины. Невозможно ведь держать их взаперти, пока все не будет восстановлено!

Кажется, Рроак подумал о том же:

– Выведешь их, когда уберем тела павших. Дольше тянуть смысла нет.

Айкир помедлил, явно сомневаясь, но все же кивнул. Рроак продолжил:

– Проследи, чтобы раненые пленные тоже получили помощь. Мы проверим своих и подойдем.

Шагнул было вперед, но Айкир преградил ему дорогу:

– Подожди. Ты можешь отправиться к драконам, но Кинара пойдет со мной.

– И почему это?

– Пленные охотники должны ее увидеть. Услышать. Среди них много тех, для кого Кинара стала символом будущего. Умершая и

вернувшаяся, пережившая очищение травами и испытание веры. Первая праведная мать. Она нужна им. Большинство сейчас растерянны: все, во что они верили, обратилось в прах. Отцы, которых славили, убиты. Их память очернена. А драконы – те, на кого нас натаскивали охотиться, – вовсе не дикие звери. Если дети Ордена кого и послушают, так это Кинару. Она мост между нашими расами.

Айкир повернулся ко мне и повторил:

– Ты нужна им.

– Я...

Слова возражения, готовые сорваться с языка, вдруг показались пустыми. Да, я не чувствую себя особенной, не уверена, что мне по силам возратить охотникам веру. Не в старые идеалы, нет – в самих себя. Но я просто не могу отказать! Потому что, как и Айкир, не готова повернуться спиной к тем, кого столько лет звала братьями и сестрами.

– Я согласна.

* * *

Главная башня всегда казалась огромной. Твердыней. Пусть лишенной помпезного лоска, но величественной. Сейчас же, почерневшая, местами разрушенная, она будто уменьшилась. Не физически, а так, словно некогда важный человек вдруг испуганно сжался и утратил былую напыщенность.

Побежденных охотников согнали в холл. Тот самый, где совсем недавно Мадек призывал смельчаков отправиться в горы.

Соколов я узнала сразу: по веревкам, стягивающим их руки и ноги, и по яростным взглядам, которые прошили меня стрелами, едва я переступила порог. Один из соколов даже дернулся, будто желая кинуться в атаку, но присмирел, когда ему на плечо опустилась широкая ладонь дракона. Шадарра, судя по вертикальному шраму, пересекающему один глаз.

Охотники не шевелились. При нашем появлении они словно окаменели, вросли в пол, на который их усадили. Сначала я не поняла, что их так напугало. Потом догадалась: это не страх, а молчаливый вызов. Чтобы подняться на балкон, мне, Рроаку, Айкиру – нам всем – придется либо пройти через толпу, либо вернуться в коридор и

добираться до лестницы обходным путем. Однако отступать нельзя. Охотники никогда не примут того, кто показал слабость.

Я шагнула вперед. Невозмутимо, уверенно – так, будто ноги не были ватными, а сердце не колотилось взволнованно и быстро. Решила было смотреть только перед собой, но взгляд сам заскользил по лицам собратьев. Грязные, обожженные, в алых разводах своей и чужой крови. Растерянные. Настороженные.

Я не заметила, кто первым нарушил тишину, но тихий шепот расслышала отчетливо:

– Праведная мать...

И тут же, будто получив разрешение, со всех сторон зазвучало:

– Почему она рядом с драконом?

– Предательница!

– Вдруг она тоже может оборачиваться?

– Дважды выжившая в огне...

Последняя фраза заставила остановиться. Я быстрым взглядом окинула плененных охотников и качнула головой, увидев Эварика. Теперь понятно, кто рассказал о моем втором сожжении. Почувствовав, что я смотрю на него, он оскалился. Вскочил на ноги, но тут же замер и уставился мне за спину. Я обернулась.

Рроак.

Рроак, в глазах которого полыхает пламя.

Помню, как в первый раз сама испугалась такого зрелища. Неудивительно, что и Эварик заметно струхнул – вытянул руки, показывая, что не станет нападать, и медленно опустился на пол.

Больше шепотков не звучало. В полной тишине мы пересекли зал, свернули в боковой проход, поднялись по лестнице и оказались на балконе. К балюстраде я подошла одна. Оперлась на нее, в волнении сжала пальцы.

Охотники, все как один, вскинули головы, напряженно уставились на меня, ожидая... чего? Речи? Приговора? Не знаю. Возможно, всего сразу.

Я глубоко вздохнула, на миг задержала воздух в груди – и заговорила:

– Два месяца назад я ушла в горы, чтобы убить дракона. Исполнить долг, к которому меня, как и вас, готовили с первого дня

в Ордене. – Мой голос прозвучал глухо. Но в окружающей тишине его слышал каждый. – Однако вместо этого в горах я обрела истину...

Слова сплетались, точно звенья в кольчуге. Опуская детали, я рассказывала, как дракон пощадил меня. Делилась сомнениями и неуверенностью, обуревавшими меня в те дни. Показывала, как непросто было принять правду. Старалась, чтобы охотники поняли: я тоже изменилась не в один миг; что если бы они повторили мой путь, то, возможно, на каждом этапе поступили бы так же.

Я солгала лишь раз: сказала, будто только Мадек знал рецепт адонилена. Не уверена, так ли это, но не сомневаюсь – опасное знание должно умереть вместе с чудовищем. Драконы не будут страдать из-за людской зависти к их долголетию.

Когда я договорила, холл снова укутался коконом тишины. На лицах охотников застыла растерянность. Они больше не выглядели настороженными или злыми. Скорее, казались беззащитными – будто вновь стали детьми, потерявшими дом и не знающими, какое будущее их ждет. В прошлый раз опору им дал Орден. Теперь же им самим придется стать для себя опорой.

– Ты предала нас!

Громкий возглас прозвучал как удар грома. Я повернулась к охотнице.

– Я предала не вас, Тамира, а лживых чудовищ, недостойных называться отцами. Сколько наших осиротело по их воле?

– Моего села нет в том списке! Значит, его сжег дракон!

– Значит, так, – согласилась спокойно. – А кто уничтожил дома твоих ближайших сестер? Братьев?

Она глянула на девушку, сидящую рядом и зажимающую рукой бок. На старшего послушника с обожженной спиной. И отвернулась. Не стала ни соглашаться со мной, ни возражать. Но плечи ее опустились.

– Что с нами будет? – подал голос сокол. – Все праведные отцы мертвы и...

– Не все. – Я посмотрела на Айкира, жестом пригласила его подойти. Прежде чем снова повернуться к охотникам, встретила взглядом с Рроаком, поймала его кивок и продолжила уже увереннее: – Если вам нужен праведный отец, он у вас есть.

– А Орден?

– Орден – это мы. Мы! Не отцы. Это мы о нем заботимся: кроем крыши, когда те протекают, чистим каминны и очаги, штопаем одежду, чиним вещи. Без отцов Орден не исчезнет – наоборот, возродится, станет лучше. Если *вы* этого пожелаете. Если поможете ему измениться.

Я подалась вперед, наклонилась, вглядываясь в лица охотников, попыталась дотянуться не только до их умов, но и до их сердец.

– Просто не будет, вы сами это знаете. Но вместе мы сумеем достичь чего угодно. И построить что угодно. Не только новую башню, но и новое будущее. Лучшее, чем то, к которому нас готовили. Никому не придется умирать из-за чужой алчности.

На этот раз выкриков не последовало. Охотники хмурились, вопросительно переглядывались, будто не решаясь действовать.

Спустя несколько минут от дальней стены, где замерли воины, бившиеся на стороне драконов, отделилась Шарита, подруга Лорки. Подошла к плененным сестрам и протянула руку.

Прошла секунда. Две. Пять.

Первой откликнулась Тамира. Ухватила за ладонь Шариты, поднялась резко, будто стремясь скинуть броню сомнений, – и протянула свободную руку сестре. А та – следующей.

В полной тишине дочери Ордена вставали одна за другой, передавая смелость по живой цепочке. За ними поднялись сыновья. Когда последний – с трудом держащийся на ногах – выпрямился, все в холле склонили головы.

Охотники редко это делают. Точнее, лишь раз – присягая на верность Ордену. Но сейчас эта присяга не мне. И даже не Айкиру. А будущему, которое раньше казалось невозможным. Без войны.

Глава 30

Холодный ветер задувал в щели, заставлял ежиться Арилу и Лорки. Айкир, как всегда, сохранял невозмутимость, будто не чувствовал неудобства. Хотя – кто знает? – может, так и есть? Вдруг от Мадека ему передалась часть драконьей силы? Из груди вырвался тяжелый вздох.

Не представляю, как рассказать Айкиру правду о его происхождении. И надо ли? Будь Мадек моим отцом, не уверена, что хотела бы это узнать. Иногда лучше считать себя сиротой, чем ребенком чудовища.

– Нет, я бы не стал доверять вновь присягнувшим. – Голос Рроака вырвал меня из раздумий, заставил повернуться к спорящим.

– Я не призываю выдать им дайгеноры. Но не вижу смысла в той охране, что ты выставил вокруг холла, – Айкир покачал головой.

– Если нам предстоит новая битва, я не приму в ней участия, оставив за спиной ненадежных людей.

Что? Новая битва?

Я оттолкнулась от оконной рамы и подошла к мужчинам.

В малом зале для совещаний хватило места для нашей небольшой компании. Мы собрались здесь сразу после того, как убедились, что раненым охотникам и соколам окажут помощь.

– О какой битве речь? – Я обеспокоенно посмотрела на Рроака.

Однако вместо него ответил Айкир:

– Мадек отправил письмо в императорскую резиденцию с просьбой прислать подкрепление. Велик шанс, что сейчас к стенам Ордена движется несколько отрядов гвардейских воинов во главе с соколами.

На мгновение перед глазами потемнело, стоило только подумать, что недавний ужас повторится вновь. Но я силой заставила себя сосредоточиться.

– А если император не ответил на просьбу? Или письмо затерялось в пути?

– Маловероятно.

– Однако, – встрепенулась Арила, – это вовсе не значит, что нам придется биться.

– И почему же? – Айкир скрестил руки на груди.

– Предположим худший вариант: сюда заявятся три дюжины соколов и толпа армейцев. Что они увидят?

– Мм... пепелище? – неуверенно предположил Лорки.

– Место сражения! Но вот чего они не увидят, так это ответа на вопрос: кто одержал верх в этой битве?

Рроак посмотрел на Арилу с интересом:

– Хочешь отправить их обратно?

– Именно! И вручить доклад о славной победе Ордена. Пусть император будет спокоен: угроза устранена. Орден доказал свою надежность в качестве защитной стены нашего славного государства.

– А дальше? – Я нахмурилась. – Мадека нет, первый советник заметит, что тот перестал писать, и...

– Мадек трагически погиб, защищая младших!

– Предлагаешь сделать его героем?

Арила поморщилась. Судя по всему, ей самой эта идея пришла не по душе.

– Тогда скажем, что он умер под завалами, когда пытался спастись бегством. Или еще что-нибудь, достойное Мадека.

– Как вариант. А остальные отцы?

– Что-нибудь придумаем. Вряд ли они все состояли в переписке с советником. Если держаться осторожно, можно сохранить наш переворот в тайне. Хотя бы какое-то время.

– Согласен, – Айкир кивнул. – Победа Ордена над драконами успокоит императора. Новых нападений не будет, мы начнем вытравливать страх из сердец охотников и послушников, отправлять мирные вести во дворец. Идею со строительством новых башен отложим – попросим деньги на восстановление уже существующих. Действуя осторожно, мы сумеем изменить расклад. Главное, запастись терпением.

– А как быть с первым советником? Он ведь в курсе зелий Мадека.

– Придется тянуть время. Сначала скажем, что все запасы адонилена уничтожены в огне, потом несколько месяцев будем собирать ингредиенты. К тому же откуда советнику знать, как быстро

должен проявляться эффект? Мы вполне можем посылать ему укрепляющие микстуры. Пусть пьет.

– Рано или поздно он заподозрит неладное, – Арила мотнула головой.

– К тому времени мы должны быть готовы сделать решающий шаг.

– Убить советника? – Я перевела взгляд на Айкира.

– Если потребуется. В Ордене по-прежнему остались соколы, еще не готовые отправиться во дворец. За несколько лет мы сумеем натренировать одного или двух. Лишней крови хотелось бы избежать, но если выбора не будет, мы сделаем это. Ради нового мира.

Арила кивнула. За ней Лорки.

– Сейчас главное – встретить подкрепление, если его все же послали, – с беспокойством заметил Рроак. – Остальными вопросами займемся потом. Не стоит принимать поспешных решений, мы должны детально продумать каждый шаг, чтобы нигде не ошибиться.

Все согласились.

– Тебе и парящим лучше вернуться в горы. И... – Айкир на миг замолчал, – вам придется оставить убитых. Хотя бы на время. Нам потребуются доказательства победы.

Предложение Рроаку не понравилось – я поняла это по сузившимся зрачкам. Так быстро, так незаметно... уверена, никто и не заметил. Однако, как истинный правитель, Рроак сумел сохранить внешнюю невозмутимость.

– Хорошо. Отправь верных охотников следить за дорогами. Мы улетим, едва на горизонте появятся гости. И вернемся, как только они уйдут.

Айкир едва заметно склонил голову, принимая решение кахррара. Назвал Лорки шесть имен, и тот спешно покинул зал.

– Что ж, раз этот вопрос улажен, не вижу смысла рассиживаться. – Рроак поднялся. – Я должен проверить раненых драконов. Кинара, ты со мной?

– Я... – бросила быстрый взгляд на Айкира, – я догоню.

Рроак тоже посмотрел на него, однако ничего говорить не стал. Позвал Гоарра и вышел.

– А я тогда спущусь к Шарите. Она, конечно, умница, но бросать на нее заботу обо всех плененных сестрах – это перебор. – С этими

словами Арила выскользнула за дверь.

Мы с Айкиром остались вдвоем. В полной тишине устали друг на друга, словно уступая право начать разговор. Однако я не чувствовала в себе сил сделать первый шаг. Еще минуту назад я была уверена, что готова открыть Айкиру правду о Мадеке. Теперь же вновь засомневалась. Нужно ли Айкиру это знание? Не подкосит ли оно его дух?

– Уйдешь с ним?

В первое мгновение я даже не поняла, правда ли Айкир заговорил – так неожиданно и тихо прозвучал его голос. Потом кивнула.

– Да.

– Ты ведь можешь остаться, праведная мать. Встать со мной во главе Ордена, помочь создать то, к чему призывала, – построить лучшее будущее.

– Я и буду его строить. Только с другой стороны.

Айкир тяжело вздохнул. Ненадолго прикрыл глаза, будто что-то обдумывая, и снова посмотрел на меня:

– Если передумаешь, возвращайся. Любой. Одна или с детьми, человеческими или драконьими – неважно. Я приму тебя. Всегда.

– Не надо, Айк...

– Нет, – перебил он. – Не отказывай мне хотя бы в этом.

Я не ответила. Не захотела обещать того, что может никогда не случиться. Айкир не должен меня ждать. Пусть лучше злится, пусть задирает, как раньше. И пусть движется дальше. Как все мы.

– Нужно поговорить о Мадеке. Есть то, что тебе следует знать...

– Сомневаюсь. Мадек был чудовищем, погубившим больше жизней, чем любой охотник или дракон. Если его очередная тайна не поможет нашему делу, то пусть эта тайна истлеет во тьме. Вместе с самим Мадеком. Пойдем, – он поднялся, – думаю, нам не следует засиживаться, пока остальные заняты делом.

Я не стала спорить. Вышла следом в коридор и в задумчивости закусил губу. Взгляд будто приклеился к широкой мужской спине.

Почему Айкир отреагировал столь бурно? Почему даже не пожелал выслушать? Неужели... догадывается об их с Мадеком родстве? Не знаю. Но если это так и Айкир хочет сохранить свое происхождение в тайне, я помогу. В конце концов, иногда, чтобы двигаться в будущее, надо оставить прошлое в прошлом.

Император все-таки выслал подмогу. Прошло едва ли больше чем полдня, когда Дармир, посланный следить за южным трактом, заметил на горизонте реющие знамена. К тому моменту мы закончили перевязывать раненых, увели соколов в дальние корпуса, заперли и выставили охрану. Охотников, которые еще недавно бились против нас, закрыли в холле. С ними остались Гарвен, Лорки и еще полдюжины собратьев. Пусть все присягнули на верность новому Ордену, но рисковать мы не хотели.

Раненых драконов Рроак отослал в горы первыми. Вместе с ними вылетели двое парящих – чтобы подставить крыло и спину, если потребуется. В Гнездах их всех осмотрит Гррахара.

По правде сказать, я удивилась, когда поняла, что старой драконицы здесь нет – все-таки она из огнедышащих. Но по обрывкам разговоров поняла: Рроак запретил ей покидать Северные Гнезда. Если бы он не вернулся, именно Гррахаре пришлось бы выбрать теневого кахррара – того, кто возглавит клан, пока Первопредок не укажет на нового правителя.

По дороге на тренировочную площадку, откуда драконам легче всего взлетать, Рроак с Айкиром оговаривали последние детали.

– Как только спровадим гостей, вышлю охотника. Встретишь его там же, где мы столкнулись в первый раз?

– Нет, – Рроак мотнул головой. – Лучше у старой выси. Она расположена ближе; твой человек доберется до нее часа за два. В Ордене есть алые ткани?

– Да, найдем.

– Отлично. Дай обрезок тому, кого пошлешь к нам. Пусть перевяжет плечо.

– Не доверяешь? – Айкир хмыкнул.

– Проявляю разумную осторожность. Мы не знаем, удастся ли наш план.

– Тоже верно.

Аллея вильнула и вывела нас к площадке, почти не пострадавшей в битве. Ее будто каким-то чудом миновали и охотники, бьющиеся друг с другом, и драконье пламя, и ядовитая кровь. Только снег потемнел от гари.

Парящие уже собрались. Стояли чуть в стороне, с ухмылками поглядывая на охотников, которые, будто любопытные дети, стянулись посмотреть на оборот. По команде Рроака вперед шагнули два дракона. Миг, рев пламени – и два огромных зверя устремились в небо. За ними шагнули еще двое.

– Мой кахррар, – к нам подошел Гоарр. – Скажите, кто вернется за павшими? Первая пятерка и вы?

– Да. Тебя это не устраивает?

– Вы кахррар и решение ваше, но позвольте предложить. Пусть шестым полетит Шадарр. Его зверь большой, он легко удержит в лапах даже здоровяка Хашарра.

Рроак вопросительно заломил бровь:

– Хочешь предложить мне отправиться прямиком в Северные Гнезда?

– Не вам, кахррар. Ей.

Карий взгляд на миг встретился с моим. Потом Гоарр снова посмотрел на Рроака. Тот медлил. Его нежелание оставлять парящих ощущалось так ясно, что в какой-то момент я решила, он откажется. Но Рроак кивнул:

– Хорошо, Гоарр. Я ценю твое беспокойство о кахарре.

Старший парящий почтительно склонил голову.

Мы прошли мимо него, поравнялись с остальными драконами. На земле осталось лишь трое. Как раз сейчас двое вышли на площадку, обернулись и взлетели. Затем в зверей перекинулись Гоарр и еще один дракон. Теперь остался только Рроак.

Среди охотников пробежала волна шепотков. Да, они увидели больше дюжины оборотов и еще один не должен вызывать такого любопытства. Но то были другие драконы. Не алые. Даже не понимая до конца иерархию двуликих, охотники чувствовали силу Рроака и неосознанно трепетали перед ней. Как когда-то в детстве трепетали перед чучелом алого чудовища.

– Готова?

Рроак протянул мне руку. Я, замешкавшись, все же вложила в нее ладонь.

Что он задумал? Разве мне сейчас не надо отбежать подальше, лечь спиной на снег и раскинуть руки, чтобы Рроаку было удобнее взять меня в лапу?

Мы вышли в центр площадки, остановились под прицелом чужих взглядов. Потом Рроак тихо – так тихо, что даже я, стоящая рядом, еле расслышала, – сказал:

– Обними меня со спины. За шею.

Из-за нашей разницы в росте выполнить это оказалось непросто. Пришлось встать на цыпочки, прижаться грудью и... зажмуриться, когда вокруг нас взвилось пламя. На испуганные вскрики я не обратила внимания. Дождалась, когда накативший жар схлынет, и открыла глаза. Дыхание перехватило.

Рроак говорил, что его племя почти никого не допускает на спину. Для них это символ наивысшего доверия – подставить самое незащищенное место. Даже горло дракону защитить легче, чем перешеек между спинным гребнем и шипами.

Охотники не поняли всю глубину поступка кахррара. Они глазели с явным восторгом. Многие наверняка мечтали испытать, каково это – сидеть на драконе. Но для них все это так же странно, как и то, что драконы вообще могут оборачиваться людьми.

Однако для парящих в небе, для жителей Северных Гнезд – это признание. Рроак открыто заявил своему народу о чувствах ко мне. И такие действия для драконов звучат гораздо громче любых слов о любви.

Горло сдавило от подступивших слез. Я улыбнулась, посмотрела на Айкира, нашла взглядом Арилу, помахала ей. Потом ласково коснулась алой чешуи:

– Полетели домой, Рроак.

Он согласно заревел. С силой оттолкнулся лапами, ударил крыльями – и устремился ввысь.

* * *

Долгие метели наконец успокоились, уступив место солнцу. Вместе с ним засияли Северные Гнезда. Хотя, возможно, причиной всему недавнее возвращение кахррара с парящими.

Шестерых погибших предали огню на закате. По поверьям драконов, вместе с последним солнечным лучом открываются врата в чертог Первопредка. И эти шестеро войдут в него героями. Когда

пламя обьяло укрытые простынями тела, а дым устремился в небо, драконы обернулись. Все, кто мог летать, поднялись в воздух и с ревом закружили над пиками скал, провожая ушедших собратьев.

На следующий день площадь перед чертогом заставили столами, как в праздник наречения Сайллора. Драконы отмечали победу, поднимали кубки за свободное небо и безопасную землю, выкрикивали имена участников сражения.

В Ордене о погибших не вспоминают после прощания. В Гнездах же, даже проводив павших, драконы продолжают говорить о них, будто они все еще среди нас: летают с ветром, рычат голодным огнем, полыхающим в центре площади. Это и есть четвертая жизнь драконов. Она не только в чертоге Первопредка – она в сердце каждого жителя этого небольшого города, приютившегося меж пиками скал. В умах стариков и детей, которые пронесут память о павших храбрецах через всю жизнь. И когда-нибудь, еще очень не скоро, они встретятся в чертоге прародителя.

Праздник закончился лишь с рассветом. А к обеду драконы вновь высыпали на улицы. Я честно пыталась казаться такое же бодрой, как все остальные, но предательская зевота нет-нет да и накатывала.

Рроак заперся в кабинете – судя по всему, просчитывать дальнейшие действия Ордена. Мы с Сайллом решили не мешать и ушли на игровую площадку. Еще на подходе услышали радостные детские голоса. Сайлор посмотрел на меня, дождался кивка и умчался вперед. Я же спешить не стала: прогулочным шагом дошла до скамейки, стряхнула налипший снег, села. Подставила лицо солнцу, жмурясь под его светом. И расслабилась.

Да, наконец-то можно расслабиться. Хватит переживаний, хватит страхов. Впереди нас ждет много работы, да и Ариле с Айкиром наверняка понадобится помощь, но мы справимся. Все мы.

Детский смех неожиданно оборвался. Взревело пламя оборота, и тут же раздалось:

– Что присмирели? Успели натворить дел?

– Нет, Гррахара.

– Ну вот и не смотрите так виновато. Играйте.

Я с улыбкой встретила подошедшую драконицу. Дождалась, когда она сядет рядом, и заговорила:

– Они вас побаиваются.

– Делают вид. Как я делаю вид, что сержусь.

Я улыбнулась шире:

– И зачем же?

– Так чтоб совсем не разбаловались!

Гррахара посмотрела на играющую ребятню, довольно прищурилась:

– Славные драконы растут. Хорошая смена нынешним парящим.

Я тоже повернулась к детям:

– Разве все из них станут парящими?

– Не все, но многие. Я чувствую их кровь – такая может вспылать огнем.

– «Может» не значит «воспылет».

Гррахара посмотрела на меня хитро, будто ей ведом какой-то секрет. Однако возражать не стала. Несколько минут мы обе молчали. Потом она вновь заговорила:

– Охотницы не становятся матерями, верно?

Я нахмурилась, не понимая вопроса. И Гррахара пояснила:

– Ты ринулась в бой вопреки приказу кахррара.

– Я должна была. Если бы пришлось поступить так еще раз...

– Знаю – снова ринулась бы в бой. Такова суть воительницы, и я не осуждаю тебя за это.

– Тогда за что?

– За то, что не подумала о ребенке.

Я снова посмотрела на площадку. Нашла взглядом Сайллора, улыбнулась, следя, как он забрался на верхушку самой большой сферы и раскинул руки, точно крылья.

– Я подумала, Гррахара. И то, что мы сделали... это ведь для его будущего тоже. А если бы я не вернулась, заботу о нем взял бы на себя Геротт.

Гррахара громко хмыкнула. Накрыла мою ладонь своей, мягко похлопала. Качнула головой:

– Все-таки охотницы не становятся матерями, верно? Вас не учат слушать себя. Или люди не способны ощутить чудо новой жизни?

– Что?

Я повернулась к драконице. Уставилась на нее со смесью непонимания и неверия и замерла, когда сухая ладонь скользнула мне на живот.

– Не о Сайллоре я говорю, кахарра. Не о Сайллоре.

На миг показалось, что лавка подо мной исчезла. Я будто полетела вниз, причем так быстро, что дыхание перехватило. Пальцы дрогнули, когда я несмело накрыла ими руку Гррахары.

– Я?..

– Да, девочка. Поэтому ты и не погибла в пламени – тебя защитила драконья кровь. Странно, что Рроак этого не понял. Хотя после битвы мысли всегда шальные – немудрено упустить что-то из вида.

– Подождите, нет. – Я тряхнула головой, скидывая оцепенение. – Разве меня защитил не парный рисунок? Он ведь для того и придуман, верно? И на испытании веры он будто раскалился, когда я вошла в огненный столб. И когда по рукам Рроака побежал огонь. И... и...

Гррахара мягко качнула головой, посмотрела на меня по-матерински ласково:

– Парные рисунки не защищают, Кинара. Они показывают связь двух драконов. Или дракона и человека, как в вашем с Рроаком случае. Но не защищают. И уж точно не улучшают восстановление тела. Рана на твоём плече зажила ведь подозрительно быстро.

– У Маккиры легкая рука и...

– И даже легкие руки не способны затянуть такие раны за полтора дня. К тому же, – голубые глаза прищурились, – ты ведь снова почти не чувствуешь холода, верно?

Я в растерянности огляделась. Посмотрела на одежды детей, на платье Гррахары, на свое. Наклонившись, зачерпнула снег ладонью, сжала. Не холодно... Первопредок, действительно не холодно! Но тогда, получается, Гррахара права, и я... я ношу под сердцем ребенка Рроака?

– Ну-ну, девочка, чего же ты побледнела?

Картинки недавнего прошлого замельтешили перед глазами, как песок в ураганном ветре. Я согнулась пополам, пытаюсь отдышаться, ощутила поглаживания по спине, услышала голос Гррахары, что-то шепчущий мне, но не смогла разобрать слов.

Я снова видела охотников и драконов, бьющихся насмерть, вновь глохла от криков, звона стали и рева пламени. Будто заново чувствовала острие дайгенора между лопатками, нестерпимый жар огненного столба на испытании веры, горький привкус трав на ритуале

очищения. И страх... старый страх, но сильнее, чем когда-либо прежде, стянувший мою грудь тисками.

– Дыши, девочка, дыши. Ох, Первопредок милостивый, да чего ж ты так перепугалась?

Дрожащими пальцами я вцепилась в руку Гррахары. С трудом выпрямилась, все еще борясь с дурнотой, и прошептала:

– Он в порядке? Мой ребенок, он... в порядке?

– В порядке, кахарра. Клянусь Первопредком.

Уверенный тон и священная клятва успокоили. Немного.

– Почему вы не сказали мне раньше? Я бы... я бы...

Что? Не сбежала из Гнезд, чтобы помочь Рроаку? Не напала бы на Дария и Мадека? Не сразилась бы с Эвариком?

Проклятье! Не знаю!

– Раньше я не была уверена. Срок еще маленький – сложно почувствовать каплю драконьей крови в человеческом теле. Но больше сомнений не осталось.

Я вновь дотронулась до своего живота, прикрыла глаза, пытаюсь почувствовать его – нашего с Рроаком ребенка.

– Дитя охотницы и дракона, стали и пламени, – довольно заметила Гррахара. – Ты подаришь Северным Гнездам будущего кахррара. А он подарит мир: драконам и людям.

– Откуда вы это знаете?

– Может, Первопредок нашептал. А может, это просто мечты старой драконицы. Что ж теперь, и помечтать нельзя?

– Рроак знает?

– Ты спрашиваешь, не рассказала ли я кахррару, что его пара, носящая под сердцем наследника, билась наравне со всеми? Да благие ветра с тобой! Я старая, но из ума не выжила.

Я рассмеялась. В то, что Гррахара говорит серьезно, не поверила ни на миг. Эта драконица сама кого хочешь напугает, и гнева Рроака она точно не страшится.

– Я расскажу ему все. Сегодня.

– Тогда, сделай милость, и за дядю своего старшего сына тоже попроси сегодня.

– Геротта ждет наказание?

– Никто не смеет нарушать прямой приказ кахррара. Геротт знал, на что шел, когда решил помочь тебе. Теперь ему самому нужна

помощь.

Я кивнула. Уверена, Рроак не откажет мне в просьбе. Не сегодня.

Поднялась, оправила юбку, шагнула к Сайллору, собираясь позвать его домой, но Гррахара меня остановила:

– Я присмотрю за мальчиком. А ты поспеши, кахарра.

– Почему вы зовете меня так? Уже в третий раз. Разве это не... не ласковое обращение?

Щеки запылали от смущения, стоило вспомнить, при каких обстоятельствах я услышала это слово впервые. Однако взгляда не отвела.

Гррахара хмыкнула:

– Кахарра – это титул. На драконьем наречии он означает «сердце». Парящие – крылья и когти нашего клана. Кахррар – его голова. А ты, Кинара, стала сердцем Рроака. Сердцем Северных Гнезд.

Эпилог

Три года спустя

Дверь отворилась без стука. Я обернулась и с улыбкой встретила вошедшего Геротта. В праздничном облачении: в длинной темно-синей жилетке, расшитой серыми нитями; с широким черным поясом; белая рубаха с высоким воротом и тонкой шнуровкой; начищенные до блеска сапоги.

– Хорошо выглядишь, – заметила одобрительно.

– Ты тоже, кахарра.

Я кивнула, принимая комплимент, огладила юбку платья бутылочно-зеленого цвета. Подала руку Геротту и позволила ему вывести меня на улицу.

Летний ветер ласково огладил по щеке, играючи качнул косы, заплетенные свободно. Тонкий обруч на лбу иногда пускал солнечные блики, которые я ловила краем глаза. Рукава до локтя не скрывали парного рисунка, и драконы, встречающиеся нам по дороге, с улыбкой поглядывали на мое алое крыло. Некоторые склоняли головы.

Рроак был прав – горы приняли меня. Его народ принял меня. Сейчас, идя по улицам Северных Гнезд, я впервые ощущала это так полно. Старое, почти забытое чувство, будто я там, где мне самое место. В Ордене за десять лет я так и не испытала ничего похожего.

Но все меняется. Теперь мне нравится возвращаться в Орден. Мы с Рроаком прилетаем туда раз в два месяца или чаще, если Гоарр, который по приказу кахррара следит за порядком у охотников, передает просьбу Айкира о встрече.

Пока рано говорить, что мы сумели вырвать ростки зла, посеянные Мадеком, но новый мир постепенно строится. Айкир действительно стал замечательным отцом Ордена: ему удалось достучаться почти до каждого сердца, в котором остались сомнения. Арила через год после той битвы стала праведной матерью. И Первопредок свидетель, даже Гррахара может позавидовать тому, как она строит молодняк! При этом Арилу обожают, перед ней не испытывают страха.

Со столицей мы, как и планировали, ведем себя осторожно. Иногда приходится посылать ложные доносы о стычках с драконами, чтобы не вызвать подозрений. Все-таки было бы странно, если бы после стольких лет войны нападения резко прекратились. Однако каждый раз таких доносов все меньше, а отправляются они в столицу все реже.

Из денег, присланных на восстановление башен, удалось отложить часть и помочь возродить Загорное. Жизнь в предгорьях не стала враз безоблачной, но она восстанавливается. Люди по-прежнему бросают настороженные взгляды в сторону гор, да только уже не так часто.

Шум с площади мы слышали еще на подходе. А еще через пару минут увидели почти всех жителей Северных Гнезд. На ступенях к чертогу выстроились парящие, образовав коридор. Все в праздничных одеждах, с гвизармами.

Когда мы с Героттом вышли в центр площади, народ возликовал: захлопал, зарычал довольно. И тут же, отвечая, распахнулись тяжелые двери чертога. Первым вышел Рроак. В красно-золотой сорочке, в тяжелом плаще, удерживаемом двумя витыми фибулами. На лбу широкий мерцающий обруч.

Следом порог переступила Гррахара. За ней – Сайллор.

К горлу подступили слезы. Я смотрела на своего мальчика и не могла отвести взгляд. За прошедшие три зимы Сайллор сильно вытянулся, светлые волосы отросли, и теперь легко собирались в косу. Спина прямая, как древко гвизармы. И взгляд... такой радостный, что кажется, мой мальчик взлетит даже без оборота!

Обычно драконятам требуется около полутора лет, чтобы научиться чувствовать внутреннего зверя. Но Сайллору Рроак запретил спешить. Слишком рано проснулась вторая ипостась – Сайллор мог не справиться с ней. Теперь же, спустя луну после десятого дня рождения, он готов расправить крылья.

Я протянула руки, обняла сначала мужа, потом сына. Тепло улыбнулась Гррахаре. Взяла у нее чашу, полную зеленой краски, обмакнула пальцы и провела по лицу Сайллора ото лба до подбородка. Потом мы с Гррахарой отошли к ступеням.

– Сегодня, – громко заговорил Рроак, – в небо поднимется юный сын Северных Гнезд, Сайллор Карстен Дарер. Геротт Дарер, полетишь ли ты вместе с племянником, подставишь ли крыло, если потребуется?

– Да, мой кахррар.

– Кинара ках Ольдрайк, готова ли ты встретить сына и принять его, обожженного ветрами?

– Готова, мой кахррар.

– А ты, Сайлор, готов ли взлететь?

– Давно, мой кахррар!

Я еле сдержала улыбку, глядя на сына. Еще немного, и он запрыгает на месте от нетерпения! Даже ответ выпалил на одном дыхании – так торопился.

Рроак посмотрел с укоризной: церемонии для драконов священны, спешка тут недопустима. И Сайлор покорно склонился, признавая неправоту. Правда, тут же выпрямился и уставился преданным взглядом, без слов спрашивая: «Теперь-то можно?»

Рроак помедлил еще буквально мгновение, пряча улыбку в уголках губ, и произнес:

– Да будут ветра к тебе благосклонны. И да примет Первопредок твой первый полет!

Он отошел, давая Сайлору место для оборота.

Все присутствующие затаили дыхание. На площади стало так тихо, что я отчетливо услышала:

– А почему брат медлит?

– Он вызывает ко внутреннему зверю, – раздался тихий ответ Маккиры.

Я повернулась, нашла взглядом помощницу Гррахары и нашего с Рроаком сына у нее на руках. Сегодня мы с Рроаком должны быть с Сайлором – это его день. Но Трир отнесся к такой необходимости легко. Держась одной рукой за шею Маккиры, он с живым любопытством глядел то на отца, то на брата, то на меня. Поймав его взгляд – зеленый, как у Рроака, – я подмигнула. Трир тут же радостно замахал ладошкой. Причем так энергично, что темно-рыжие, почти красные волосы растрепались.

Рев пламени заставил отвлечься от младшего сына и посмотреть на старшего. Первый осознанный оборот всегда дается непросто. Зверь практически выжигает человеческое тело, чтобы выпустить из оков свое. Сайлор зашипел, стиснул зубы, терпя огонь, ползущий по его ногам вверх.

Держись, родной.

Вновь, как на церемонии наречения, я потянулась душой к душе Сайллора. Раскрылась, впитывая его боль и делясь силами. Напряглась, сжала кулаки так, что ногти впились в ладони... и ощутила отклик сына. Он повернулся ко мне, посмотрел с искренней благодарностью, улыбнулся через силу – и скрылся в пламени оборота.

Спустя мгновение на главной площади Северных Гнезд появился зеленый дракон. С серыми когтями, светло-зеленым гребнем и черными полосками на лапах. Осторожно, как учили Геротт и Рроак, пошевелил хвостом, встопорщил спинные шипы. Снова посмотрел на меня. Оскалился во всю пасть, явно довольный, оттолкнулся – и взлетел. Тут же в центр площади вышел Геротт. С поклоном испросил у Рроака разрешения лететь за племянником, дождался кивка и тоже взвился в воздух.

Жители Северных Гнезд радостно зарычали, заулюлюкали, приветствуя в своих рядах нового полноценного дракона. Когда Сайлор с Героттом, сделав круг над шпильями чертога, устремились к дальней границе поселения, Рроак тоже обернулся. А за ним и многие другие драконы. Яркие и темные, сильные и слабые – они взмыли в небо разноцветной рекой. Хлопки крыльев звучали так громко, что Трир на мгновение зажал уши руками. Правда, почти сразу же отпустил. Задрал голову и счастливо потянулся пальцами вверх, точно стремясь взлететь вместе со всеми.

– Сильный драконенок, – заметила Гррахара.

Я повернулась к ней, поймала хитрый прищур.

Уже почти год как Гррахара начала третью жизнь. Отныне небо слишком высоко для нее, но, как говорят, теперь голос Первопредка звучит для Гррахары громче.

– Вы чувствуете в нем огонь?

– Чувствую? Девочка, я его вижу! – Она усмехнулась. – Сама посмотри.

Я перевела взгляд на сына. На солнце и без того яркие волосы Трира стали ярче, будто в непослушных прядях запуталось пламя.

– Видишь?

– Вижу, – выдохнула сипло, глотая подступившие вновь слезы.

Раньше я не смела мечтать, что однажды в моей жизни будет не только долг, но и дом, семья. Любимый и любящий муж, двое сыновей. Народ, признавший меня равной, пусть даже лишенной крыльев. Я

никогда не думала, что обрету жизнь без постоянной борьбы, что не надо будет ни с кем биться: ни мне, ни моим близким. Что небо над головой станет не только чистым, но и безопасным.

Я подняла взгляд, увидела Сайллора, летящего впереди всех, Геротта рядом с ним. Рроака по другое крыло. И всех драконов, возжелавших разделить первый полет с моим сыном. Гордость, радость, любовь — чувства захлестнули, точно ураган, и я, не сдержавшись, все-таки заплакала.

Гррахара опустила руку мне на плечо.

— Соберись, кахарра. Тебе надо встретить сына достойно.

Драконы сделали еще один круг над чертогом и медленно, по одному, начали опускаться. Я быстро утерла слезы тыльной стороной ладони. Крепче сжала чашу с краской и шагнула навстречу Сайллору, когда он вновь принял человеческий облик. Уже не совсем такой, как прежде. За один полет мой мальчик стал шире, крепче. Рубаха на нем порвалась, обнажив светлую кожу.

Сайлор остановился от меня в шаге, посмотрел с шальной веселостью, будто хмельной, улыбнулся как никогда широко. Я улыбнулась в ответ. Дождалась приземления и оборота всех взлетевших драконов. Потом заговорила:

— Сайлор Карстен Дарер, ветра приняли тебя. Да будут они всегда надежны и безопасны!

Зеленый узор, который я так долго училась выводить на бумаге, выходил естественно. Я даже не думала, какую линию веду и в каком направлении — будто кто-то направлял мою руку.

— Благодарю, харрари.

Сайлор поклонился, и я, перехватив чашу, опустила другую ладонь на светлую макушку. Почувствовала, как вновь побежали слезы, но даже не стала их сдерживать.

— Ты молодец, сынок.

— Добрых ветров! — выкрикнул кто-то в толпе.

Тут же эти слова подхватили все остальные. Трир слез с рук Маккиры и побежал к нам. Гррахара забрала у меня чашу, чтобы та не мешала. Я подхватила младшего на руки, стараясь не перепачкать его краской. Но Трира такая осторожность не устроила: он схватился за мои зеленые пальцы, перемазал свои и тут же потянулся к лицу Сайллора.

— Добрых ветров! — повторил звонко.

Подошедший Рроак обнял нас с Триром, улыбнулся Сайллору. Я прижалась к мужу и прикрыла глаза.

Будет ли так всегда? Не знаю. Никто не знает, уверена. Даже Гррахара. Но в одном не сомневаюсь: мы не остановимся на достигнутом. Продолжим строить лучшее будущее для наших детей и для всех детей Равьенской империи. Мы сможем измениться. И когда-нибудь, я верю, люди и драконы обретут мир.